

Леонид Аникеев

БЕЛОРУССКАЯ СИБИРЬ

Очерки

Нарысы аб беларусах, якія ўдзельнічалі
ў асваенні Заходняй Сібіры

Москва
Профиздат
2002

ИПО Профиздат 2002
ББК84(2Рос = Рус)6
А 67

А 67   Аникеев Л.С. БЕЛОРУССКАЯ СИБИРЬ. Очерки. -М:
Издательство ИПО Профиздат, 2000. - 464 с.

Герои книги — посланцы Республики Беларусь, участвовавшие в освоении Западно-Сибирской «нефтяной целины». Это строители треста №37, благодаря усилиям которых на берегу Оби в рекордно короткие сроки «из тьмы лесов, из топи болот возник уникальный, отвечающий европейским стандартам город Лангепас. Это буровики, штурмовавшие подземные «вершины» и вершины славы. Это дорожники и автомобилисты, обеспечивающие доступ к природным кладовым томенского Севера.

ISBN 5-88283-068-0

© Л.С.Аникеев, 2002
© ИПО Профиздат, 2002

ГОРОД МЕЧТЫ

От автора

Среди белорусских городов один из самых красивых, современных и удобных для проживания, безусловно, Лангепас. У приезжих он непременно вызывает восхищение просторными площадями и улицами, уютными дворами и скверами, обилием архитектурно-планировочных «изюминок»... Но еще больше очарования этому городу придает то обстоятельство, что находится он не в центре европейской цивилизации, а в центре... Западной Сибири.

Этот вовсе не розыгрыш. Северный город, город нефтяников Лангепас имеет полное право называться белорусским. Каких-нибудь 22 года назад на его месте были сплошные болота и тайга, где росли клюква и брусника, на здешних озерах гнездовалась всякая водоплавающая дичь, а в кедрачах водилось множество белок. Но летом и осенью 1980 года в этом комарином краю, на берегу обской протоки Лангепас (в переводе с хантыйского это и означает «беличьи уголья») высадился десант белорусских строителей. Застучали топоры, завизжали пилы, пролегли через топи лежневки — настилы из бревен, поднялись первые деревянные дома. А дальше все развивалось просто стремительно. В январе 1981 года забит колышек под первое «капитальное» здание, в апреле этого же года Лангепас получает статус поселка и появляется на карте Тюменской области. В 1985-м получает статус города, а еще через семь-восемь лет приобретает, в основном, свой теперешний облик.

Эта книга — попытка рассказать об особом племени людей, о первопроходцах, совершивших трудовой и нравственный подвиг, построив в рекордно короткие сроки, на пустом месте, в тяжелейших условиях, город-мечту, город-песню. Это действительно особые люди. Они не умеют работать вполсилы, «от и до». Это максималисты, которым подай все или ничего, которым всегда «больше всех надо», чья «хата» никогда не бывает с краю... Таких людей можно встретить везде, в любом климатическом поясе. Но, наверное, нигде не бывает такой густой их концентрации, как в северных широтах. Север, как магнит, действует избирательно, притягивает к себе только сильных...

Волею судьбы автор этих строк провел в Западной Сибири десять лет. И навсегда влюбился в этот суровый край. А еще больше — в северян. Эмоций было так много, что появилась жгучая потребность как-то их «оформить». Я начал писать заметки. Войдя во вкус, принялся осваивать более серьезные жанры — корреспонденции, зарисовки, очерки.

Публиковал их в местной прессе, в белорусских и центральных изданиях. Вот на основе тех публикаций и решил составить небольшую книжку.

Большинство очерков и зарисовок этой книги посвящены работникам треста №37 «Запсиббелстроя». И это понятно. Трест, сформированный в 1980 году специально для возведения города (по первоначальному замыслу — поселка), был основной ударной силой, генеральным подрядчиком, от которого в первую очередь зависел успех дела. Но на одном «пяточке» со строителями, работая на общий результат, «крутились» их смежники — тоже посланцы республики. Дороги с твердым покрытием строил трест «Белнефтедорстрой». Грузы для стройки доставляли водители автобазы №2 Минавтотранса БССР. Кроме того, немало белорусских нефтяников трудилось на месторождениях Нижневаргтовского района по вахтово-экспедиционному методу. Работая в Лангепасе, мне приходилось писать и о тружениках этих организаций. Поэтому, я думаю, логично, что в книжку вошли очерки о дорожниках и буровиках. Ведь, если толковать более широко, они тоже входили в состав белорусского десанта 80-х...

Своей книгой я хотел хотя бы частично ответить на вопрос: что влечет людей на север? Есть распространенное мнение: длинный рубль — и только. Недавно в одном из выпусков теленовостей юный московский комментатор озвучивал произошедшее на Ямале крупное событие — ввод в строй Заполярного газового месторождения. И на ходу этак небрежно бросил по поводу «покорителей севера»: мол, никаким тут героизмом, никакой романтикой и не пахнет, они приехали деньгу зашибать. Вот так, мимоходом, взял и опорочил сотни людей... Не прав тот телеведущий, судя по всему, вообще оказавшийся на севере впервые. Северяне не такие. Цену деньгам они, конечно, знают. Но вовсе на них не молятся. Яркий пример — герой моего очерка «Привычной меркой не измерить» Геннадий Жавнерко. Бесценный специалист, один из «столпов» тридцать седьмого треста, внесший огромный личный вклад в строительство Лангепаса. Обратите внимание на такую деталь: во время разговора в министерстве, когда Геннадию Семеновичу предлагают поехать на далекую сибирскую стройку, он соглашается практически мгновенно — при этом «забыв» спросить про зарплату! А когда ему об этом напоминают, то выясняется, что дело вовсе не в забывчивости. Отвечает он очень характерно: «Главное для меня — интересная работа. А остальное как-нибудь утрясется».

Или другой пример. Самые первые недели и месяцы после высадки белорусского десанта в тайге. Крытых помещений для ремонта техники нет, не успели еще построить. Ремонт идет под открытым небом. А тут ударили морозы. Да какие! Тридцать, сорок градусов. Механизаторы, водители могли бы сидеть по вагончикам и ждать, пока холода не ослабеют. Имели право! К тому же — во время вынужденного простоя они получали бы свою среднюю зарплату. Но они предпочитали работать. Без приказа, без каких-либо сверхдоплат (сметы на «героизм» просто не существовало). Я видел, как

они работали. Один ныряет под машину, второй отогревается у костра. На руках у многих из них с тех пор навсегда остались пятна «холодных ожогов». И таких примеров полной самоотдачи, бескорыстия, самоотверженности можно привести десятки!

Что двигало этими людьми? Я думаю, и умение мечтать. Они мужественно переносили все испытания, потому что поставили перед собой великую цель — построить своими руками город. И этот город должен быть самым лучшим. Отсюда и самоотверженность, и творческое отношение к делу. Что меня всегда поражало: испытывая самые невероятные трудности, они искренне считали, что им в жизни крупно повезло. Не потому, что хорошо зарабатывают, а потому, что своим трудом оставят заметный след на земле. Они работали красиво — как песню пели. Поэтому и город получился как песня...

Я очень надеюсь, что, прочтя эту книгу, кто-то, может быть, поймет, как важно для людей, для всех нас, иметь общую большую цель. При всех недостатках той, ушедшей эпохи, никто не скажет, что она не объединяла народ именно общими великими целями. Вот и у энтузиазма строителей Лангепаса была очень веская причина: они понимали, что их страна очень надеется на них, что необходимо в кратчайшие сроки во что бы то ни стало освоить огромные нефтегазоносные пространства Западной Сибири, поставить богатства недр на службу народу. Они осознавали прямую связь: чем лучше они будут трудиться, чем больше построят, тем больше страна получит ценного сырья. Во имя такой цели можно многое перетерпеть, многое выдержать.

Север — это огромный испытательный полигон. Здесь испытываются на прочность не только механизмы, материалы и конструкции, но и люди. Посланцы Белоруссии это испытание с честью выдержали. Они прекрасно работали. Они прекрасно дружили. На примере моих героев, я думаю, видно, на что способны люди, когда их объединяют не только обстоятельства, но и как сказал Экзюпери, «теплота человеческих связей». Когда есть взаимовыручка, честность и преданность, чувство товарищества, сплоченность, единомыслие — вот тогда, действительно, и невозможное возможно, и до звезды подать рукой...

Мне очень хочется верить, что моим землякам-белорусам, участвовавшим в строительстве Лангепаса, в обустройстве близлежащих месторождений, не только строителям, но и просто жителям города, а также автомобилистам, дорожникам... что им просто будет приятно взять эту книгу в руки, прочесть о себе или своих друзьях, знакомых... И лишний раз убедиться, что о них не забыли, что их подвиг оценен по достоинству. Я буду счастлив, если это будет для них просто повод вспомнить вновь те годы. Прекрасные годы, ради которых и стоило жить.

НЕ КАЖДОМУ ДАНО ТАК ЩЕДРО ЖИТЬ

В разное время во главе треста №37 стояли разные руководители. Каждый из них заслуживает добрых слов. Но особое место в этом списке, бесспорно, принадлежит Юрию Александровичу Пупликову. Потому что ему досталось самое трудное: руководить трестом в пору его становления.

Вообще-то первым с списке значится Владимир Григорьевич Смунев. Он и являлся таковым, но — всего несколько недель. Увы, подвело здоровье, и Владимир Григорьевич вынужден был от тяжелой ноши отказаться. И тогда ее взвалил на свои плечи Пупликов...

...Я все «примеривался» к Юрию Александровичу и даже собирал на него «досье»: делал какие-то заметки в блокноте, «коллекционировал» его высказывания, любопытные факты... Короче говоря, хотел написать об этом человеке нечто серьезное, соответствующее масштабу личности. Но не успел: Пупликов, выполнив свою историческую миссию, в 1983 году вернулся в Минск, где возглавил строительство метрополитена.

Досадно, но, видно, не судьба. Однако еще досадней стало через годы, когда я принялся составлять свою книжку о белорусском десанте в Западную Сибирь. По всему получалось: без фигуры Пупликова книга очень сильно проиграет. И я решил, что обязательно восполню этот пробел. Как? Конечно, невозможно вернуться на двадцать два года назад и наверстать упущенное задним числом, написать ненаписанный тогда очерк. Но можно ведь поступить и по-другому: поехать в Минск, встретиться с легендарным управляющим там и расспросить его обо всем. Пусть Юрий Александрович вспомнит годы, проведенные на Тюменском севере, оценит героизм первых строителей Лангепаса, расскажет о том, какой след оставил этот город в его собственной биографии.

Если он, конечно, согласится.

Юрий Александрович согласился. Что ж... Десять часов в ночном экспрессе — и я в столице Белоруссии. Проговорили долго. И вот что из этого получилось.

— Юрий Александрович, вы один из самых известных в Белоруссии строителей. Вы построили в Минске такие гиганты белорусской индустрии, как тракторный завод, автомобильный завод, моторный, шарикоподшипниковый, «Электрон»... Это были звездные годы и для вас, и для коллектива возглавляемого вами знаменитого столичного треста №5. Позже вы отвечали (с белорусской стороны) за весь комплекс строительных работ по ликвидации последствий Чернобыльской аварии. И, наконец, настоящий изумруд в вашем послужном списке — Минский

метрополитен «Метростроем» вы руководили буквально с первого дня его создания... Но был в вашей биографии строителя и сравнительно короткий северный эпизод. Три года (и даже чуть меньше) вы руководили белорусским трестом №37в Западной Сибири. Что он в вашей жизни? Не затерялся ли среди других — более «громких» и престижных?

— Однозначно — не затерялся. Скажу больше, Лангепас для меня — это один из самых ярких эпизодов как в профессиональной биографии, так и в жизни вообще. Впрочем, слово «эпизод» здесь и не подходит. Нет, целый пласт жизни, причем ни с чем не сравнимый по своеобразию, колориту, воздействию... У каждого строителя есть какие-то особые стройки, которыми он может гордиться, в которые он по-настоящему вкладывал душу. В их ряду для меня, бесспорно, стоит Лангепас. А то, что «всего» три года... Так на севере год за два идет, если не затри...

— В чем для вас заключалось значение этой стройки?

— В то время для страны не было задачи важнее, чем ускоренное форсирование работ по освоению запасов нефти и газа в Западной Сибири. Важной частью этой гигантской программы было строительство северных городов и поселков. Поэтому без преувеличения можно сказать, что для нас, белорусских строителей, Западная Сибирь была не просто географической точкой, но передним краем, передовой. С тех пор времена, конечно, несколько изменились и сейчас, возможно, кому-то покажется, что я оперирую «старомодными» понятиями. Но так уж мы были воспитаны. Когда страна звала — народ ехал возводить гидроэлектростанции на Енисее и Ангаре, поднимать целину, строить БАМ... Мы тоже ехали на освоение целины. Только нефтяной.

Особая значимость этой стройки для Белоруссии еще и в том, что республика должна была выполнить свою задачу достойно, не ударить в грязь лицом. Мы были генеральными застройщиками и в случае неудач нельзя было на кого-то сослаться, спрятаться за чью-то спину. Это была стройка чести, стройка престижа для Белоруссии. О том, что это так, можно судить хотя бы по такой детали: на место управляющего трестом №37 я пересел из кресла начальника «Главминскстроя» в ранге заместителя министра. Но ни о каком «понижении в должности» тем не менее и речи не шло...

— Как бы вы определили главные особенности вашего этапа в строительстве Лангепаса?

— Это был этап становления — и этим все сказано. Когда буквально все надо начинать с нуля. Но ведь и «с нуля» тоже бывает по-разному. Многие стройки в Минске я тоже начинал с первого колышка. Лангепас в этом смысле не был похож ни на что. Построить город нужно было

практически на голом месте, где кругом только болото и лес, при полном отсутствии дорог, на вечной мерзлоте. Прибавьте сюда совершенно непривычный климат, с перепадами температур от плюс сорока летом до минус пятидесяти зимой...

На этом этапе важно было «зацепиться» за эту суровую землю, очень быстро создать минимальные условия для проживания людей, развернуть базу для основных подразделений треста, сформировать боеспособный коллектив. Одним словом, подготовить плацдарм для предстоящего «большого штурма», провести всю подготовительную работу, после которой сооружение жилья и других необходимых городских объектов будет поставлено на поток. Вот, если вкратце, основные задачи.

— *И вам удалось с ними справиться?*

— Считаю, что да. При мне (в конце 1982 года) был «включен» конвейер строительства крупнопанельного капитального жилья гомельской серии. К тому времени были построены Вахтовый и Пионерный поселки (в деревянном исполнении). Причем с довольно развитой инфраструктурой и основными объектами жизнеобеспечения: котельной, очистными сооружениями, столовой, баней, школой, Домом культуры, детсадом и т.д.

— *Не секрет, что в тот период многие северные города превращались в хаотичный конгломерат из балков, бараков, разнокалиберных зданий, разбросанных где и как придется. На объекты обеспечения обращали еще меньше внимания. Детсад? Потом. Водозабор, больница, клуб? Потом. Лангепас счастливо избежал этой участи. Его по праву называют одним из самых гармоничных, удобных для проживания городов нефтяного Приобья. Можно ли говорить о том, что начало этому было положено на самом первом этапе строительства?*

— Безусловно. В те годы был в ходу лозунг «Нефть любой ценой». В жертву ему приносилось многое. Белоруссия, приступая к строительству Лангепаса, стремилась найти другие подходы, максимально учесть ошибки, допущенные при строительстве других северных городов, доказать, что ошибочен сам этот лозунг. Мало того, что он оборачивается экономическими потерями. Есть и другая сторона дела: зачем превращать жизнь людей в сплошную, непрекращающуюся, длаящуюся годами пытку? Ну, тяжкая доля первопроходцев — это понятно. Но почему и через десять, и через пятнадцать лет люди должны жить в балках, иметь «удобства» во дворе, прыгать по болоту в резиновых сапогах?

Республика сумела настоять на своем: наш город в Сибири будет сразу, буквально с первого колышка, застраиваться только комплексно. И вот так вышло, что мне пришлось быть первым проводником этой линии, так сказать, устанавливать традицию.

— Но ведь такой подход мог привести к замедлению темпов строительства жилья. А это, в свою очередь, могло отразиться на работе нефтяников.

— Никакого замедления не произошло. Напротив, строительство с самого начала шло не то чтобы быстро, а прямо-таки рекордными темпами. Уже в 1981 году мы сумели сдать двадцать тысяч квадратных метров жилья — цифра очень серьезная.

— Как удалось развернуться так быстро?

— На первое место я бы поставил энтузиазм первостроителей. Энтузиазм, доходящий до самого настоящего героизма. Я сам, в основном, отбирал людей в свою «команду», знал, что это далеко не середнячки и по силе, и по выносливости, и по уровню мастерства — и тем не менее не уставал удивляться их мужеству, выдержке, настойчивости, самоотдаче.

— Не могли бы вы привести примеры такого героизма?

— Вряд ли я смогу рассказать о чем-либо эффектном... Ну давайте вспомним отважную четверку самого первого белорусского десанта — Георгия Козлова, Александра Шкняя, Владимира Мороза, Бориса Капитанова. Они были заброшены в тайгу и несколько дней у них не было никаких запасов еды. Не по чьему-то злому умыслу или халатности — просто испортилась погода и вертолеты не летали. Парни отогревались костром, варили чай из брусники и при этом очень много и тяжело работали... Это героизм? А когда люди спят в балках и вагончиках, а к утру у них волосы примерзают к подушке — это героизм? Наверное, да, потому что (и это самое удивительное) никто не роптал, не жаловался. А как работали! Не надо было следить за дисциплиной. Летом, в период белых ночей, многие трудились в третью смену. Сами, добровольно. Придут домой, поужинают — и снова на работу.

Да настоящие примеры героизма есть и в ваших очерках. Я рад, что появится еще одна книга о посланцах Белоруссии, поднимавших «нефтяную целину» в Западной Сибири. Это тогда люди «просто работали», «просто жили». А сейчас, оглядываясь на то время, думаешь: а ведь оно было историческим! Поэтому — пусть будет еще одно документальное свидетельство того, уже ушедшего периода нашей истории. Он был, на мой взгляд, не такой уж плохой. Не надо сбрасывать его со счетов, надо его изучать, делать выводы и из плохого, и из хорошего.

Тем, кто в этой книге узнает себя, будет, я думаю, приятно. Вы им подарите «экскурсию к самим себе», только на два десятка лет моложе. Для них ваша книга будет как еще одна награда за их самоотверженный труд. И даже больше, чем награда. Грамота, медаль, даже орден — это только для

себя, а книга... Ее будут читать дети, внуки — и гордиться своими родителями, бабушками и дедушками.

Кроме того... Давайте взглянем на карту. Огромные просторы Сибири и Дальнего Востока изучены, исследованы, а уж тем более обжиты — лишь чуть-чуть, с самого краю. Значит, впереди — новые открытия, новые «десанты». Все когда-нибудь обязательно повторится: нужно будет строить новые города, познавать непознанное, преодолевать невероятные трудности. И, наверное, будущим первопроходцам будет любопытно, да и полезно познакомиться с опытом первопроходцев нашего времени.

— *Ваша точка зрения мне очень близка. Я просто влюблен в север и северян. Но в наши дни популярна версия о том, что люди едут «на край земли» только и исключительно за большими заработками.*

— Материальная заинтересованность тут тоже играет свою роль, лукавить нечего. Но нельзя забывать и другое: даром «длинный» северный рубль никому не дается. По крайней мере, о первых годах строительства Лангепаса я могу сказать совершенно определенно: никакие северные надбавки и коэффициенты не могли на самом деле компенсировать тяжелейших условий труда и быта.

— *Порывшись перед нашей встречей в своих старых «лангепасских» блокнотах, я обнаружил одну любопытную запись: «Меньше чем за год Пупликов сумел нарастить численность рабочих в тресте почти втрое — с 300 до 800 человек». Тогда не успел спросить, спрашиваю теперь: за счет чего произошел такой скачок?*

— Задача номер один была: как можно быстрее обеспечить жильем нефтяников. Но мы прикидывали и так, и этак: что-то не получается. А если и получается, то нежелательной ценой. Для выполнения намеченной программы недоставало людей. Недоставало потому что все жилье, которое мы строили, нужно было почти в полном объеме отдавать нефтяникам. Заколдованный круг... Я предложил другой вариант: первое время мы будем жилье полностью... оставлять себе. Это позволит тресту в короткие сроки удвоить-утроить число кадров. И тогда мы сможем сделать рывок. Заказчик посмотрел наши расчеты. Они убедительно доказывали: небольшая тактическая «заминка» на старте даст серьезный стратегический выигрыш. Тогдашние руководители НГДУ «Урвенефть» с нашими доводами согласились. Вот каким путем мы выросли тогда, действительно, за считанные месяцы с 300 до 800 человек. А потом вернули нефтяникам долг, да еще с «процентами», так что в конце концов в выигрыше оказались все. То есть наш «ход конем» полностью себя оправдал.

— *Ход просто великолепный, но ведь и рискованный...*

— Вы знаете, руководителю, мыслящему строго в рамках «дозволенного», на севере, по-моему, вообще делать нечего. В экстремальных условиях работы обязательно наступает момент, когда необходимо принять неординарное решение. Без оглядки на то, что оно идет вразрез с общепринятыми правилами и нормами. Наоборот, слепое следование инструкциям и предписаниям в иных случаях может привести к серьезным неприятным последствиям.

Север, кстати, стал для меня в этом смысле очень хорошей школой. Нештатные ситуации случаются каждый день да через день и надо мгновенно реагировать. И нельзя переложить решение на кого-то другого, спрятаться за чьей-то широкой спиной, потому что все твои «вышестоящие» находятся далеко, за тысячи верст. Решаешь сам. Нарушая. Порой рискуя. Но опыт это дает колоссальный, ни с чем не сравнимый.

— Опыт, превращающий каждого, кто прошел эту школу, в руководителя «быстрого реагирования»?

— Пожалуй, можно сказать и так. Только это касается не одних руководителей. Север приучает к самостоятельности, к ответственности всех и каждого, независимо от занимаемых должностей. Я наблюдал это в Лангепасе десятки раз: как стремительно выросли и мужали вчерашние подростки, как быстро росли в профессиональном плане. Не случайно люди с северной закалкой, как правило, очень высоко котируются на Большой земле. Они надежны, уверены в себе, на них можно положиться в самых трудных ситуациях.

— А с вами бывало такое, что вы попадали в безвыходную, казалось бы, ситуацию, а потом находили все-таки выход?

— Безвыходных ситуаций, на мой взгляд, не бывает. И даже нельзя допускать такой мысли, то есть чтобы казалось, что ситуация безвыходная. И выход непременно найдется.

Был однажды такой случай. По какой-то причине (детали не помню, да они и не важны теперь) в поселке вырубился свет. То, что лампочки в домах не горят — еще полбеды. А вот то, что без света не может работать котельная — уже серьезней. Все-таки зима на дворе — значит, есть опасность, что разморозится вся отопительная система поселка. Ситуация действительно могла показаться безвыходной. И вдруг меня осенило: а на чем работают наши строительные краны? Они же дизель-электрические! Значит, двигатель у каждого — самая натуральная динамо-машина. Позвал электриков, крановщиков. Стали пробовать. Получилось. Завели кран — и он работал часов двенадцать, только «наоборот» — и все это время питал котельную. Так что Лангепас в ту ночь не замерз.

— Вам оставалось только запатентовать это ноу-хау — «Опыт использования строительного крана в качестве электростанции».

— Что ж, я тоже ни до, ни после не слышал, чтобы кран использовали именно в этом качестве... А если серьезно, то это один из примеров того, что безвыходных положений не бывает.

— По-моему, это еще и пример того, что руководитель и инженер Юрий Пупликов действительно умел находить нестандартные и эффективные решения. Кстати, строительство зданий и сооружений в мерзлых грунтах, на болоте, в конкретных условиях Лангепаса наверняка приносило немало загадок и сюрпризов в чисто технологическом, инженерном плане. Как вы расщелкивали эти орешки?

Таких сюрпризов действительно хватало. Представьте, вы роете котлован под строительство дома, а стенки его осыпаются. Роете дальше — они продолжают осыпаться. И так чуть ли не до бесконечности. И тогда мы применили свой, белорусский метод решения этой проблемы. Называется он «стена в грунте». По периметру котлована заранее роется узкая глубокая траншея, заливается специальным глинистым раствором определенной консистенции — и можно спокойно браться за сам котлован, не боясь, что его края будут обрушиваться. До нас эта технология никем на севере не применялась.

— Что ж, неплохое подтверждение факта, что белорусы не просто строили город, а строили его по-своему, и не в последнюю очередь секрет их успехов был связан именно с творческим подходом к делу. Мне лишь остается добавить, что технологию «стена в грунте» придумал в соавторстве с белорусским ученым Соболевским инженер-строитель Пупликов. И стали лауреатами государственной премии БССР. Но сейчас, по-моему, самое время сказать о том, что управляющий тридцать седьмого треста Пупликов вообще все вопросы решал нестандартно. В том числе, к примеру, кадровые. Не расскажете ли, как вы затащили на стройку целую бригаду, состоящую сплошь из спортсменов?

— Вон вы что вспомнили... Действительно, прибыла из Минска бригада. Лыжники. Они занимались на первых порах монтажом деревянных домов «бамовской» серии. Домик собирали за месяц вместо трех по нормам! Потому что буквально все делали бегом. Впрочем, ничего удивительного — все мастера спорта. Но у меня были не только лыжники. Чуть позже подъехали футболисты, волейболисты, легкоатлеты. Я вам скажу, это было неплохое сочетание: спортивная физическая форма плюс отличные строительные навыки. «Спортивные» строительные бригады показывали просто чудеса на стройплощадке. Кроме того, увлекали в занятия спортом массу людей. И сами оставались действующими спортсменами. Помню, наши футболисты выехали в Минск, где

участвовали в соревнованиях на первенство города. Думаете, какое место заняли? Первое!

— Но вы так и не сказали: что привело их в Лангепас?

— Уговорил... Я ведь сам активно занимался спортом. На лыжах довольно прилично бегал. Но главной моей специализацией был велосипед. Особенно увлекался многодневными гонками. Мастер спорта. В свое время входил в состав сборной Белоруссии. Поэтому мне со спортсменами разговаривать несложно — все свои.

— А вам самому спортивная закалка помогла на севере?

— Еще как! Встаешь в семь, а то и раньше, спать ложишься обычно за полночь. За день намотаешь не один десяток километров по объектам — надо ведь все самому посмотреть. Это не считая заседаний, совещаний, встреч... Чем не марафон? Но спорт — не только физическая выносливость. Это еще и желание всегда и во всем быть первым. Если строить, то быстрее и лучше всех, что бы не стыдно было перед людьми.

— В велосипедном спорте есть термин «гонка за лидером». Когда несколько спортсменов пристраивается в фарватер к тому, кто сильнее... Вам приходилось на соревнованиях быть вот таким ведущим?

— Неоднократно.

— А в жизни вы тоже всегда стремились быть лидером?

— Нет, все получалось как-то само собой. Подходил срок — и мне предлагали новую должность.

— Главный признак лидера — это, по-моему, когда люди готовы идти за ним. За вами люди всегда шли. Но вот что удивительно: вы ведь интеллигент до мозга костей, трудно представить, чтобы вы когда-нибудь повысили на человека голос, не говоря о том, чтобы выругаться. Вы нарушаете все стереотипы поведения строительного начальника. Какой же это руководитель на стройке, если нет-нет да не обложит своих подчиненных крепким словом?

— Видите ли, авторитет не всегда зависит только от умения крепко выражаться. Я вообще не матерюсь и не способен на это. Но мне это никогда не мешало. По-моему, если на стройке все организовано как надо, если коллектив дружный, сплоченный, если каждому интересно работать, он ясно видит и свою, и общую цель, то можно совершенно спокойно обходиться без таких специфических стимулов, как ругань.

— *И все-таки: бывают ведь ситуации, когда кто-то очень сильно провинился...*

— Понимаю, хотите вытянуть из меня признание: мол, однажды наступил момент и Пупликов не выдержали послал того-то по такому-то адресу... Нет, не было такого ни разу. У меня отец тоже был строителем. Умер рано, я еще повзрослеть не успел. Но прекрасно помню: ни разу не слышал от него ни одного грубого слова. Наверно, это по наследству передается.

И вообще я давно заметил, что люди гораздо лучше на доброе отношение реагируют. Когда человек видит, что его успех, пусть даже маленький, не остался незамеченным, то старается работать с еще большей отдачей. В связи с этим такой случай вспоминается. Это был самый первый год в Лангепасе. Осваивали болото под будущую стройплощадку: вынимали и вывозили торф и это место засыпали песком. И вот я как-то поздно вечером обратил внимание: смена уже кончилась, а один паренек этот торф все возит и возит. На следующий день тоже. И на третий... Подхожу к нему: как фамилия? Он назвал. Наутро пишу приказ: выписать такому-то водителю премию, пол-оклада. Так что вы думаете: моментально разнесся слух и буквально в тот же день уже вся автобаза к этому пареньку присоединилась...

Правда, с той премией вышла одна неувязка: мне пришлось выплачивать ее из своего кармана.

— *Как так?*

— Дело в том, что автобаза хоть и была белорусской, но тридцать седьмому тресту не подчинялась. Другое ведомство. И хоть были они у нас в субподрядчиках, никого из работников автобазы я поощрить не мог. Ну, я и говорю нашему бухгалтеру: дайте ему премию из моей зарплаты.

— *А могли вы просто подойти к тому пареньку, объяснить по-человечески: так и так, хотел как лучше, но не знал такого нюанса?*

— Нет! Отступить я уже не мог. Всю жизнь считал, что главное в человеке — это порядочность, и сам старался быть порядочным человеком. Дал слово — держи. А тут не то что слово — целый приказ в стиле оды. Тот парень меня, конечно, понял бы (думаю, мы с ним одной породы), он ведь работал сверхурочно вовсе не в расчете на какие-то премии. Но как бы это восприняли другие? «Трепач Пупликов...»

— *Вот еще запись из моего блокнота тех лет: «Семья Пупликовых — пять человек. Живут в одной комнате». Неужели так и было?*

— Да, нас было пятеро: я, жена, старший сын с женой и младший сын. Моя супруга работала экономистом, старший сын инженером, его жена маляром, младший сын на бульдозере. Да, некоторое время мы все вместе жили в одной комнате, как-то помещались. Ничего удивительного — в первые дни и недели все так жили.

— Но разве вы не могли как начальник организовать себе условия чуть лучше?

— Наверное, мог. Но мне, честно говоря, это и в голову не приходило. Вот сейчас я задумываюсь... По-видимому, это было невозможно в силу моральных соображений. Что такое первопроходцы? Это особая категория людей, с особыми, непривычными для обывательской жизни, взаимоотношениями. Мы все были на равных.

— Юрий Александрович, а вы могли бы остаться и жить в Лангепасе?

— Почему бы и нет? Прекрасный ведь город получился: современный, комфортный, где-то даже с европейским шиком... С удовольствием там бываю (все время приглашают на городские «именины»). Горжусь, что облик Лангепаса с самого начала был «запрограммирован» в Белоруссии, появился на кулъманах минских архитекторов, а затем построен, в основном, руками посланцев моей республики. Вы знаете, я порой даже чувствую какую-то ностальгию по этому городу. Будто оставил там частицу себя... Хотя, с другой стороны, все понятно: относишься к нему как к своему детищу...

Поэтому не вопрос: мог бы там жить. Как сделали это многие белорусы. И чувствуют там себя прекрасно, «обросли» детьми, внуками... Но у каждого человека своя судьба. В 1983 году кто-то должен был возглавить вновь создающуюся организацию — белорусский «Метрострой». Выбор пал на меня. К тому времени тридцать седьмой трест уже крепко стоял на ногах, этап становления прошел вполне успешно — я мог без угрызений совести передать эстафету Леониду Александровичу Новограну. И посвятить себя целиком выполнению следующей возложенной на меня задачи.

— Как известно, и с этой задачей вы справились весьма успешно: построили в столице Белоруссии метрополитен. И под занавес расскажите хотя бы коротко: чем пришлось заниматься в последующие годы, чем занимаетесь теперь?

— Был председателем Госстроя республики. Сейчас возглавляю Союз строителей Белоруссии, являюсь вице-президентом международного Союза строителей. По возрасту я пенсионер, но до пенсионного дивана доберусь, наверное, не скоро. Оба сына пошли по моим стопам. Так что строительная династия Пупликовых продолжается — уже в третьем поколении...

УРА ПРОБИЛИСЬ РЕБЯТА!

В краеведческом музее Ханты-Мансийска есть макет охотничьей стоянки: в центре крытый берестой чум, рядом — сложенная из камней примитивная печь. Тут же небольшой бревенчатый амбар. А чуть поодаль, на берегу реки, лодка-долбленка с нехитрыми орудиями лова. Смотришь и думаешь: какая древность! Но предположение оказалось неверным. По словам сотрудника музея, создавая свой экспонат, художник консультировался с ныне здравствующими стариками-хантами. Выходит, не такая уж далекая старина.

Убедиться в этом пришлось еще раз. Как раз в музей заглянул местный рыбак и охотник из села Охтеурье Илья Сегильетов. Разговорились. Он вовсе не стар, но жил точно в таком же чуме, правда, недолго, в детстве. Так что новая жизнь пришла на древнюю хантыйскую землю сравнительно недавно. А вот дед и отец Ильи Прохоровича вдоволь хлебнули нищеты. Добывали много дичи, зверя, рыбы — а сами жили впроголодь. Добычу приходилось за бесценок сбывать купцам, платить множество различных податей. Шаманы тоже своей доли требовали... Ханты страдали от множества болезней, в особенности — от туберкулеза.

— Никто из наших предков, — закончил свой невеселый рассказ мой знакомый, — не прожил долгую жизнь. Ознакомьтесь с нашими старинными песнями. Очень мало в них оптимизма. Это песни о бесправии, тяжком труде, нищете...

А между тем жили ханты на земле богатой. Вот что писал о ней два века назад известный первопроходец Сибири Иван Ремезов: «Паче всех частей света исполнена пространством и драгими зверьми бесценными. Рек великих и средних, заток и озер неизчетно. Рыб изобильно, множественно и ловитвенно. Руд, золота и серебра, меди, олова, свинцу, булату, стали, красного железа и укладу, камней еще много...» Но, как видим, понадобилась не одна сотня лет, чтобы несметные сибирские богатства стали служить народу... И случилось это при советской власти. Выросли в Сибири рудники и заводы. А в начале шестидесятых страна узнала об открытии на Тюменщине крупнейших месторождений нефти и газа. Сургут, Нижневартовск, Уренгой — эти города стали могучими форпостами нашей экономики.

А вот дикий уголок с непроходимыми болотами и чахлым кедром на гривках, что в сотне километров с небольшим от Нижневартовска, все еще оставался в своем первозданном виде. До самого конца семидесятых годов. Но разительные перемены в конце концов коснулись и этой местности, которую аборигены называли «лангепас» (в переводе с языка ханты — «беличьи уголья»). Сначала здесь появились разведчики из объединения

«Мегионнефтегазгеология». Они открыли Урьевское, Поточное, Локосовское месторождения «черного золота». Следом высадились десанты Белорусского и Бугульминского управлений буровых работ. И наполнилась округа гулом работающих механизмов. Ни мороз, ни бездорожье, ни другие трудности не помешали проходчикам недр начать сибирскую вахту в хорошем темпе. Уже через два года после проведения первых буровых работ вновь созданное нефтегазодобывающее управление «Урьевнефть» стало выдавать на-гора топливное сырье.

Базировались промысловики и их многочисленные смежники в Нижневартовске. Поэтому на работу им приходилось летать вертолетами. Но для всех было уже очевидно: в центре новой группы месторождений необходимо строить базовый город.

Возводить этот город поручили Белоруссии. Специально для этой цели 1 июля 1980 года в системе Министерства промышленного строительства республики был создан строительно-монтажный трест под номером 37.

...Стоял конец июля. Над Нижневартовском плыли тяжелые свинцовые тучи. Временами они обрушивали на город потоки воды. Улицы напоминали горные реки. И работники объединения «Нижневартовскстрой» встречали своих коллег из Белоруссии с болотными сапогами в руках.

— Принимайте главный атрибут северного обмундирования, — сказал начальник объединения. — В туфлях к вашей девятиэтажке не пройдешь.

Еще до приезда посланцев Белоруссии местные нефтяники выделили для них строившийся девятиэтажный дом в новом микрорайоне. Коробка здания была уже готова. А остальное предстояло доделать самим жильцам. Руководитель группы Геннадий Семенович Жавнерко на следующий же день расставил отделочников на объекте. Уже через неделю на первом этаже здания, в только что оштукатуренных и окрашенных комнатах бурлила жизнь, формировались бригады, представители треста решали многочисленные вопросы со смежниками.

...На разъезде Урьевский поезд стоит всего минуту. Александр Шкнай и еще трое строителей быстро сгрузили рюкзаки. Переночевав в палатке, с утра начали разгружать первые вагоны, прибывшие из Белоруссии. Работы непочатый край. А на запасной путь все прибывают и прибывают вагоны. Одна за другой растут горы стройматериалов. Несмотря на усталость, работали допоздна. Благо в августе на севере день еще длинный.

Ужинали у костра. Когда разливали суп из концентратов, подошел местный егерь.

— Угощайтесь, — пригласил его к импровизированному столу Шкнай.

— Не откажусь...

Отведав угощения, егерь похвалил:

— Хороши консервы. Но надо вам отведать и местных деликатесов. Дам вам кусок сети, сходите на протоку...

Никогда не видели ребята такого лова. Воды по колено и видно, как в сеть несется рыба. За считанные минуты наловили полный бумажный куль. Попробовали поднять — не донести. Пришлось половину улова выпустить.

В конце августа на разъезд прибыла новая группа. А четверка Шкная отправилась на берег протоки Лангепас — место будущего города. Вышли ранним утром. Ветерок разносил над тайгой плотный запах багульника. С берез падали золотые монетки-листья. В одном месте спутнули годовалого медвежонка. Он коlobком скатился с насыпи и скрылся в тайге. Когда поравнялись с небольшим озерцом, тучей взметнулась в небо стая уток.

— Места здесь, видать, нехоженые, зверье непуганое, — заметил восхищенно кто-то из ребят.

После обеда были уже на месте. Вот и ориентир — три высоких кедра на покатом берегу. А вокруг бурелом, валежник, обгоревшие сосны после лесного пожара — непроходимая тайга.

К вечеру расчистили небольшую площадку, разожгли костер. Ребята размечтались. Вспомнили родных и близких, оставшихся так далеко, благодатную белорусскую природу. Кто-то выстрелил каламбуром: Где Макар телят не пас, Будет город Лангепас...

Утром снова принялись за дело. Настроение подпортила погода: пошел дождь. Пришлось подумать о жилище. Построили большой шалаш, где можно было обогреться, обсушиться.

Через несколько дней приехал начальник участка Николай Васильевич Аксенов, а вместе с ним бригада Виктора Григорьевича Мамаева. Собрав всех на небольшой площадке, Аксенов определил первоочередные задачи:

— До наступления зимы надо установить вагончики, построить общежития.

...Небо заволкли густые тучи. Дует холодный ветер. Солнце не показывается уже несколько дней. Такая погода в здешних краях предшествует первому снегу. Надо торопиться. Николай Аксенов и его ребята трудятся от зари до зари.

Крепок сон после тяжелой работы. Но в ту ночь лишь донесся отдаленный гул моторов, как все вскочили словно по команде.

— Ура! Пробились ребята! — воскликнул Александр Шкнай.

Все выбежали на улицу.

Это был первый тракторный поезд. Прибывших с ним встречали как героев-папанинцев. Сорок восемь часов преодолевали ребята двадцатикилометровый участок болот и тайги от разъезда Урьевский до стройплощадки. Впереди головного трактора шли люди, по колено в грязи. Валили деревья, стелили лежневку. В иных местах срубленными лесинами как рычагами выравнивали начинающие сползать в трясину вагончики...

Радость этой первой победы взбодрила первопроходцев. Сходу взялись за строительство пилорамы. Как воздух нужны были доски, брус, другие пиловочные материалы. Не обошлось без курьезов. Вырыли ямки для столбов, установили, а вот закопать уже не хватило сил. Лунки быстро наполнились водой, а к утру столбы «зацементировал» лед. Так до весны и стояли.

Крепкие люди закладывали Лангепас. Вот что вспоминает бригадир Виктор Григорьевич Мамаев:

— Нытиков не было. Кто не выдерживал, уходил тихо, стесняясь своей слабости. Таких были единицы. Их не корили, не поминали лихом... Большинство же не раскисали. Отработав смену на трескучем морозе, шли разгружать машины, вагоны, утеплять жилище, возить продукты, воду...

К Новому году вступили в строй три общежития, склад, баня. Рядом с ними стояли десятка два вагончиков. Начали строить столовую. В память о родном крае ее украсили национальным орнаментом и дали певучее имя белорусской дивчины — «Алеся». А в метрах трехстах от этого места, на противоположном берегу протоки, закладывался Пионерный поселок. Одноэтажные типовые домики для него уже начали поступать на стройплощадку. В Пионерном предстояло поселить полторы тысячи посланцев республики.

Жилье для строителей поручили возводить участку Николая Аксенова. В эти самые дни создавался еще один участок, которому предстояло заложить первый микрорайон города. Возглавил его П.М. Рубашевский.

В первое время «воевали», имея на руках единственный «серьезный» инструмент — бензопилу. Прочая техника — типа трелевочников — еще

«ехала» из Белоруссии. Ждать — значит, терять время. Решили поваленные деревья растаскивать вручную.

Площадка расстраивалась, росла не по дням, а по часам. И вот уже появился на ней со своей треногой главный геодезист треста Валерий Иванович Иванов. Ему и посчастливилось забить колышек под первое здание.

— Исторический момент! — воскликнул Павел Максимович Рубашевский. — И тут же двое рабочих прикрепили к сосне щит «Лангепас. Белорусский город в Сибири. Заложен 7 января 1981 года».

Позже В. И. Иванов о тех днях рассказывал так:

— Среди валежника никак не мог найти отправную точку. Геодезические знаки, оставленные изыскателями, были уничтожены при расчистке площадки. Кто станет смотреть, что там за пенек и для чего. Один из руководителей, обратив внимание на мои хлопоты, решил распорядиться сам: какая, мол, еще отправная точка, вот здесь и размечай, где показываю. Пришлось объяснить начальнику, к какой это может привести неразберихе в недалеком будущем. Короче, я все сделал по правилам. А вскоре начал создавать локальную геодезическую сеть для будущих микрорайонов.

В те дни мороз стоял до сорока градусов. А в рукавицах с теодолитом не поработаешь. Надо каждый раз их снимать. Пальцы к металлу прихватывает. Строители ждать не будут. Трудновато приходится. Но разве только мне?

А сколько хлопот доставил котлован для канализационной насосной станции! Работа вроде бы несложная: глубина девять, ширина десять метров. Но попробуй совладать со здешними водонасыщенными грунтами. Углубление моментально заполняется водой и грязью, даром что на дворе лютая зима. Пришлось вынуть дополнительно около десяти тысяч кубов грунта. Котлован получился в диаметре... около сотни метров. И водопонижение делали, и откачку — ничего не помогало. Наконец приспособились: углублялись в одном месте и быстро устанавливали бетонное кольцо, защищавшее от заплывания. Потом второе, третье... Скрепили их вместе и забетонировали внутри.

Весной началось бездорожье. Грунты — пылевидные супеси и суглинки, напитываясь водой, становились жидкими. Пока держал нижний слой мерзлоты на глубине двух-трех метров, тракторы еще ходили, хотя выбивали глубокую колею. Идут, а из колеи видны только часть кабины и дымящая труба. Но вскоре и тракторы встали. На объекты добирались только «пехом» — в болотниках, с трудом преодолевая грязь и трясину.

Трудно здесь найти место с твердой почвой, чтобы установить теодолит. Набиваешь в грязь кольев, делаешь из них настил, на котором и устанавливаешь прибор. Извиваешься вокруг него, чтобы не столкнуться, не сбить шаткое сооружение.

Чем трудней работа, тем радостней результаты. Как тут не вспомнить слова тогдашнего заместителя главного инженера треста Валерия Дмитриевича Жука: «Радостей нам не занимать. Сдали первый дом — событие, тепло подали — событие, ЛЭП построили — тоже событие».

Да, тогда на стройке каждый маленький успех считался событием. И, наверное, прежде всего потому, что, преодолевая трудности, люди видели перспективу. Пускай еще, как говорится, пунктиром, но уже вырисовывались черты будущего города.

Начальник участка Павел Максимович Рубашевский старался поддерживать боевой настрой. Между бригадами, а они работали в три смены, было организовано соревнование. Итоги подводили каждый день. То и дело возникали горячие споры. Быть в отстающих не хотелось никому.

Поселок менялся на глазах. Появились общежития, столовая, магазин... А темпы росли с каждым днем. И уже генподрядчик — объединение «Нижневартовскстрой» — не успевал выполнять подготовительные работы, строить фундаменты, подводить коммуникации...

КОЛЛЕКТИВ МУЖАЕТ И РАСТЕТ

Как бы ни развивались наука и техника, как бы ни рос экономический потенциал страны, любое дело человеком ставится и славится. Он — стержень, сердцевина созидания, творец всех свершений — больших и малых. Иными словами, кадры решают все. К чести посланцев Белоруссии — они сумели за короткий срок создать в Сибири коллектив, умеющий преодолевать трудности, решать сложные вопросы в экстремальных условиях.

Как он формировался?

Заместитель управляющего трестом по кадрам и быту Николай Иванович Макаревич достал из письменного стола старенькую папку. Можно было подумать, что там какие-то справки, анкеты, приказы. Но оказалось, в ней... жалобы тех, кого не приняли на работу в трест, созданный для строительства Лангепаса.

— Мы подбирали людей очень строго, — объясняет Н. И. Макаревич. — Конечно, прежде всего обращали внимание на специалистов с высокими

разрядами, владеющих смежными профессиями. Но будь ты даже мастером золотые руки, а если с дисциплиной не в ладу, или в рюмку заглядываешь, — извини.. Златых гор не обещали. Каждому, кого принимали, рассказывали, что жить придется, особенно на первых порах, и в палатках, и в вагончиках. Людей это не пугало.

Однако испытания выдержали не все. Одно дело рассуждать о таежных краях в теплой благоустроенной квартире, другое — переносить бесчинства погоды, гнуса, бездорожье... И все-таки массового оттока из Лангепаса не было. Сегодня больше половины коллектива треста — это те, кто приехал сюда в 1980 — 1982 годах. Значит, неплохо поработали кадровики.

Средний возраст рабочего треста — 26-30 лет. Это такая пора, когда человек еще молод, но уже довольно опытен. Около половины имеют самые высокие в своей профессии разряды: четвертые, пятые и шестые.

Такому качественному составу позавидует любое предприятие. А чему тут удивляться? — может возникнуть вопрос. Ехали люди, как говорится, на подбор. Так-то оно так. Но для того, чтобы они задержались на севере не год-два, а пять-шесть лет, пришлось многое сделать.

Прежде всего в тресте позаботились о том, чтобы человек имел все возможности для профессионального роста. В каждом управлении действуют курсы, где можно получить теоретические знания для сдачи на более высокий разряд. Обязательным условием стало освоение рабочими смежных профессий. Сегодня их имеют более восьмидесяти процентов работающих.

Одновременно решались бытовые вопросы.

— Мы сразу же обратили внимание на такой фактор: лучше работают те, кто приехал сюда не «холостяком», — продолжает Н.И. Макаревич. — Поэтому, как только появилась возможность, начали возводить так называемые семейные коттеджи. Их уже около пятидесяти. Гораздо легче стало решать семейную проблему, когда перешли на крупнопанельное домостроение. Благодаря КПД, в 1984 и 1985 годах новоселье справили двести семей.

Не обделены вниманием и холостяки. К их услугам хорошо оборудованные общежития с современной мебелью, холодильниками, телевизорами. В общежитиях работают кружки по интересам, спортивные секции, клубы выходного дня.

Постоянно улучшать и совершенствовать быт, досуг строителей Лангепаса помогает вся республика.

— Когда мы построили здание для больницы и поликлиники, оказалось, что заказчики не могут найти оборудование, — вспоминает Н.И. Макаревич. — Тогда мы обратились в Минздрав БССР. Там к нашей просьбе отнеслись с пониманием. Оборудование прислали новейшее. Такого нет ни в одном населенном пункте Нижневартковского района.

Художники республики подарили тресту десятки своих работ, Управление книжной торговли Госкомиздата БССР постоянно присылает новинки художественной и общественно-политической литературы, а республиканская «Союзпечать» организовала отправку в Лангепас всех газет и журналов, издающихся в Минске.

Часто приезжают в гости к строителям писатели, кинематографисты, артисты. Они выступают не только в клубе, но и в красных уголках, на строительных площадках.

Словом, заботу о себе ощущает буквально каждый, кто приехал строить белорусский город в Сибири. В то же время в тресте строго спрашивают с нарушителей трудовой дисциплины, норм морали. Лодыри, выпивохи здесь не приживаются. Коллектив мужает и растет.

Тресту лишь шестой год. И, кажется, трудно ожидать, что в беседах о людях прозвучат фразы: «наши коренные», «выросли у нас». Однако они прозвучали.

Среди тех, кем в тресте особенно гордятся — бригадир Виктор Борисович Лазаревич. Двадцать три года возглавляет он коллективы плотников, столяров, отделочников. Приехав в Лангепас в 1981 году, организовал и возглавил новую бригаду, которая буквально сразу стала вровень с лучшими коллективами треста, свое пятилетнее здание выполнила к первому августа 1985 года.

На семнадцать месяцев опережая календарь, трудится комплексная бригада Петра Ивановича Горошко. В канун сорокалетия Великой Победы она выступила с начинанием «Задание шести дней выполнять за пять». Его широко поддержали словом и делом многие низовые коллективы треста.

К той же дате завершила выполнение задания одиннадцатой пятилетки бригада монтажников Николая Васильевича Колтакова, а коллектив Владислава Станиславовича Минковского, где каждый освоил по несколько смежных профессий, достиг этого рубежа к пятидесятилетию стахановского движения. К этой же знаменательной дате рапортовала о выполнении пятилетки комплексная комсомольско-молодежная бригада Сергея Геннадьевича Карачуна.

Вместе с мужчинами отлично несут северную вахту и женщины. В соревновании отличаются коллективы маляров Н.С. Сергиенко, Е.Р. Ивелашвили, В.С. Гуковой.

МЫСЛЬ И ПОИСК

Чтобы стать строителем, надо быть новатором. Это обусловлено спецификой самой профессии. Ведь цель строительного труда — создание среды для долговременного обитания и деятельности тысяч людей. А поскольку само собой разумеется, что эта среда должна быть максимально функциональной, максимально эстетичной, максимально экономичной, лозунг «Строить быстро, добротнo, с наименьшими затратами» был и остается неременным руководством к действию. И, что очень важно, решать эту триединую задачу каждый раз надо другим способом, по-новому, с учетом быстро меняющейся конъюнктуры, радикальных поправок, вносимых динамикой жизни.

Успех или неудача перво-наперво зависят от «лоцманов» строительства — проектировщиков. Определяя, где, что и как делать, они, образно говоря, прокладывают конкретные маршруты и задают темпы созидания. Но даже если предусмотрят все «самое-самое» — это еще не гарантия оптимальных результатов. Ведь от начала разработки документации до ее полного воплощения в натуре проходит несколько лет. За это время появляется немало новых видов материалов, изделий, более совершенных конструктивных, технологических приемов. Не заметить их — значит, ориентироваться на вчерашний день. К тому же, как бы тщательно и скрупулезно ни подходили авторы проектных разработок к учету особенностей района застройки, возможностей подрядных организаций, изготовителей конструкций и оборудования, они не могут охватить все до мелочей. А каждая такая малость в совокупности с другими порой таит солидный резерв для совершенствования.

Одним словом, даже при идеальном варианте, когда специалисты институтов выпускают чертежи, схемы и т.д., ориентированные на последние достижения науки и техники, у строителей остаются большие возможности для творчества, инициативы. А что говорить о рядовых ситуациях, где с различного рода недоработками соседствуют серьезные упущения, ошибки?

В самый трудный период — пору становления треста №37 — начальником производственно-технического отдела был Михаил Михайлович Назаров. В обязанности работников именно этого подразделения вменяются бесконечные хлопоты, связанные с приемкой от заказчиков проектно-сметной документации, ее выверкой и обеспечением исполнителей чертежами, расчетами по каждому объекту. Они должны

обладать большой пробивной способностью, стальными нервами, железной выдержкой и обширной инженерной эрудицией. Ведь им приходится иметь дело не только с головными проектными институтами, но и их смежниками, не только со своими (общестроительными) организациями, но и десятками специализированных, находящихся в «чужом» подчинении. Им недостаточно получить в одном месте и передать в другое документацию. Ее надо прочитать, оценить, насколько она учитывает все «за» и «против», в какой степени соответствует потребностям. Но и это не все. Выявив ошибку или просчет, они должны доказать исполнителям свою правоту, что не так-то просто сделать: кому приятно, когда обнаруживают его промахи?

Еще сложнее бывает, когда надо хорошее заменить на лучшее. Тут нередко срываются ведомственные амбиции: кто вы такие, чтобы нас учить? Мы — институт, имеем дело с десятками, сотнями организаций, которые посOLIDней вашей, проектировали и не такие объекты... Приходится не раз и не два выезжать за тридевять земель, доказывать, показывать, убеждать с цифрами в руках, добиваться своего, а время поджимает...

Документацию для застройки Лангепаса готовили на разных этапах четыре института. Уже одно это ничего хорошего не сулило. Положение усугублялось тем, что каждый из проектировщиков допускал свои просчеты, да плюс к этому — их проекты порой просто не состыковывались друг с другом. Впору было схватиться за голову и всерьез думать о создании некоей инстанции по управлению согласованием и введению в штатное расписание должности «главначпуис», как у Маяковского в «Бане».

Но Михаил Михайлович до Сибири прошел хорошую школу на строительстве нефтеперерабатывающего завода в Ярославской области, третьего и четвертого рудоуправлений объединения «Белорускабель» в Солигорске. Вооружившись терпением (знаний и опыта хватало), он со своими коллегами методично занялся рационализацией проектных решений. Прежде всего специалисты обратили внимание на те разработки, где недостаточно полно учитывались особенности строительства в условиях севера.

Так, согласно проекту института «Укрпипрониинетфть», первый микрорайон Лангепаса застраивался деревянными брусчатыми домами. В зоне более мягкого, умеренного климата они, конечно же, неплохо служили бы людям, особенно если учесть, что в них предусмотрены все коммунальные удобства — центральное отопление, горячая вода, канализация... Но тут, на Тюменщине, эти дома оказались и продуваемыми, и промерзаемыми. Надо было найти способы их дополнительного утепления. Строители Нижневартовска применили наружную штукатурку — не самый лучший выход из положения, так как влечет за собой дополнительный мокрый процесс при выполнении работ, что и вообще

нежелательно, а на севере — тем паче. Благодаря стараниям М.М. Назарова, в тресте №37 пошли иным путем: стены снаружи утепляют минеральной ватой, а поверх аккуратно обшивают вагонкой (выструганными дощечками).

Не учли как следует в свое время украинские проектировщики северные тонкости и при проектировании водоочистных сооружений. Первая их очередь была предусмотрена в монолитном исполнении. Значит, чтобы бетон твердел, набирая естественную прочность, а не замерзал в сибирские морозы, требовалось применить электроподогрев. Но главное — не менее чем на два года растягивались сроки работ. Как же в это время решать вопросы с жильем? Ведь ни один объект не может быть задействован, если он не подключен к очистным сооружениям.

Во многих инстанциях побывал тогда Назаров и сумел доказать неприемлемость такого варианта. По его настоянию проектировщики не только переделали документацию для первой очереди, но и вообще пересмотрели свое отношение к подобным объектам, комплексам, возводимым в нетипичных условиях. Теперь их проектируют в комплектно-блочном исполнении и строят индустриальными методами, т.е. монтируют из сборных крупноразмерных элементов заводского изготовления.

Михаил Михайлович внес свои коррективы и в схемы тепловых сетей, предложив более компактную, более рациональную их прокладку. В результате уменьшилась протяженность этих коммуникаций, сэкономлены десятки тонн стальных труб, сотни тысяч рублей, труд людей и время.

В августе 1985 года Назарова назначили начальником строительного управления №235. Через несколько месяцев его назначают главным инженером треста. Менялись места и характер работы, но ее стиль оставался прежним. Это высокая взыскательность к себе и другим, постоянный поиск лучшего пути к цели. С удовлетворением можно отметить, что подобным образом действуют многие инженеры, командиры производства тридцать седьмого треста.

Когда Лангепас виделся еще поселком, проектировщики предусмотрели для промышленной базы строителей автономные инженерные сооружения. Но ситуация быстро изменилась: Лангепас стал городом, расширилось и увеличилось его хозяйство. В этой связи требовалась серьезная корректировка прежних задумок. Однако возвращаться к тому, что ранее принято и утверждено, особенно по частностям, специалисты институтов и мастерских не спешили. Их захлестнули новые заботы. В этой ситуации подлинно государственное мышление проявил начальник производственного отдела управления механизации С.Н. Телеш. Зачем строить отдельно весь комплекс инженерных сооружений, если промбазу можно подключить к общегородским подземным и наземным

коммуникациям? Этот вопрос в его устах не был риторическим. Сергей Николаевич тщательно изучил проектно-сметную документацию, реальные возможности городского хозяйства и сделал детальные расчеты, экономические выкладки. Технический совет треста рассмотрел его предложения и единодушно их поддержал. Результат: сэкономлено более 300 тысяч рублей денежных средств.

Большой эффект дала инициатива начальника строительной лаборатории П.М. Рубашевского. Он предложил вместо мокрой штукатурки внутри деревянных брусчатых домов применять плоский шифер с последующей покраской — выигрыш во времени, удобстве, эстетике, трудовых и материальных затратах. Кроме того, Павел Максимович подсказал хороший способ усовершенствования технологии монтажа санитарно-технических кабин в пятиэтажных крупнопанельных жилых домах.

Разговор об инженерном поиске, новаторстве, творчестве был бы неполным без имени Асеева. То и дело слышишь: «Асеев начинал», «Асеев придумал», «Асеев нашел выход». Действительно, трудно найти такой объект, при строительстве которого Владимир Михайлович, будучи начальником участка, а затем и главным инженером управления №235, не предложил бы свое, нестандартное решение.

На первых порах много неприятных сюрпризов преподносили строителям местные грунты — сыпучие, ползущие, плывущие... Ни котлована, ни траншеи не вырыть без того, чтобы не затратить вдвое-втрое больше времени, сил, средств, чем это требуется обычно. Но даже преодолев эти «рогатки», нельзя было в дальнейшем рассчитывать на спокойную жизнь. Вспучивание, проседание, промерзание почвы приводили к тому, что проложенные в земле трубопроводы, кабели лопались, рвались, засорялись... Инициатором «обуздания» таежных грунтов в тресте №37 по праву считают В.М. Асеева.

Началось все с насосной станции, которую возводили на берегу протоки. Предполагалось, что котлован для закладки фундамента надо рыть с применением металлического шпунта: иного способа противостоять плывунам проектировщики не видели. Значит, надо загонять в землю на глубину 15-20 метров 170 тонн дефицитных изделий, а затем извлекать их покоруженными. И делается это лишь для того, чтобы укрепить стенки котлована, предупредить оползни и размывы. Не слишком ли дорогостоящее «удовольствие»? Есть более экономичный путь — делать фундаменты методом «опускного колодца». Остов подземной части по всему периметру или окружности делается наверху. Нижняя ее кромка (она может быть железобетонной или металлической) клиновидно заострена — это так называемый «зуб». Когда

стенки фундамента выросли на земле до соответствующей высоты, на оконтуренной ими площади начинают экскаватором выбирать грунт. По мере углубления котлована конструкция, надавливая собственной тяжестью на зуб, оседает. Если необходимо, ее поэтапно наращивают. Когда она достигнет проектной отметки, устраняют перекосы, бетонируют днище, внутри устраивают перегородки, если они предусмотрены, делают остальные работы. Благодаря стараниям В.М. Асеева этот метод и прописался в Лангепасе. С его легкой руки на многих объектах традиционные ленточные фундаменты заменили свайными, трубопроводы магистральной теплотрассы вынесли из водонасыщенных грунтов на поверхность.

Специалисты, руководители тридцать седьмого треста стараются быть на высоте современных требований, как в технологии производства, так и в организации труда.

По примеру передовых предприятий республики они создали диспетчерскую службу. Работников там немного. Но благодаря их стараниям трудовой ритм треста стал четче, размеренней. Теперь гораздо меньше срывов. Диспетчеры следят за продвижением железнодорожных составов из Гомеля, за их разгрузкой, за использованием автотранспорта, который обслуживает трест, контролируют выполнение недельно-суточных графиков. Отпала необходимость проводить ежедневные планерки, они заменены коротким селекторным совещанием. Прорабам, мастерам в случае каких-то срывов не надо, как прежде, ехать на растворный узел, на склад или в управление комплектации. Стоит позвонить в диспетчерскую — и вопрос будет решен.

Кто бывал на стройках, наверняка встречался с выражением «чужие грехи». Отделают, скажем, штукатурки квартиру и оставят после себя кучи мусора. И плотникам, вместо того, чтобы сразу полы настилать, приходится сначала убирать этот мусор. Но случается и хуже.

Выполняя свою работу, некоторые нерадивые строители могут испортить сделанное раньше. Потом длительные поиски виновного, пререкания с мастерами, бригадирами. Бывало такое и в тридцать седьмом тресте. Потому немало домов сдавали с оценкой «удовлетворительно». Но управляющий, Леонид Александрович Новогран, его соратники не стали мириться с таким положением. В то же время они понимали, что одними призывами, административными мерами высокого качества не добьешься. Нужна заинтересованность всех и каждого, нужна четкая система.

Теперь эта система действует. Выполненная работа принимается специальной комиссией и оценивается баллами. Сделал отлично, хорошо — получай премию, посредственно или плохо — только тарифную оплату. Как

правило, в работу по этой системе включаются все смежники, участвующие в строительном конвейере.

— Теперь никто не оставляет мусор, недоделки, а если кто навредил чужой работе, сам же свои огрехи исправляет в неурочное время, — рассказала штукатур Т.И. Салова.

Внедрение системы качества привело к хорошим результатам. Большинство домов трест сдает с оценками «хорошо» и «отлично». Но коллектив не останавливается на достигнутом. Сейчас он добивается права сдавать объекты заказчику без государственной комиссии. Это все равно, что работать с личным клеймом, на доверии. Такая высокая ответственность по плечу лишь настоящим мастерам, привыкшим трудиться на совесть.

Коренным образом на качестве строительства должно отразиться развитие собственной производственной базы. Каким бы совершенным ни был железнодорожный транспорт, как бы хорошо ни была налажена погрузка и разгрузка, не все можно довести в целости и сохранности за тысячи километров. К тому же дальние перевозки дорогостоящи. Поэтому в тресте решили изготавливать на месте ряд изделий, необходимых для объектов. Уже созданы специализированные участки по производству наличников, плинтусов, закладных деталей, перемычек, бортов и плиток для тротуаров, фундаментных блоков. Есть мастерские для приготовления колеров, раскрою и сварке линолеума, резке обоев.

Мне пришлось побывать во всех отделах треста. И редко где слышал разговоры о текущих делах. Больше о перспективе, ближней и дальней, о технических новшествах, их внедрении. Одно из таких новшеств — безростверковые фундаменты. Что это такое? На сваи надеваются так называемые оголовки из бетона. И не надо ростверков. Конструкции здания монтируются прямо на оголовки. Фундамент для одного из домов сделали по новой технологии. Достигли большой экономии времени и средств. Но вся беда в том, что кустарным способом делать эти оголовки очень долго и трудоемко. Трест этого не осилит. Нужна помощь проектировщиков. Они должны заложить новые детали в проект, а гомельские домостроители наладить их выпуск.

И вот уже полетели телеграммы из Лангепаса в Минск, Гомель... Инженеры треста пробивают дорогу очередному ценному новшеству.

ХАРАКТЕР ВЕДУЩЕГО

Ленивый, сумрачный рассвет. Над протокой Лангепас клубится туман. Посвежели зори. Порывистый ветер срывает с берез и уносит листья.

На околице затарахтели пускachi тракторов. Со станции донеслись гудки манежрового тепловоза. Новый день начинается на земле.

Леонид Александрович Новогран вышел на улицу. Пора в трест: в семь тридцать селекторное совещание.

Он уже в думах о предстоящих хлопотах и заботах, которые несет ему, управляющему, нарождающийся день. Предстоят встречи и разговоры с людьми, неизбежные конфликты, столкновения с непростыми характерами. И в каждом случае его слово, поступок, решение должны быть выверены по самому точному компасу, потому что он — руководитель.

В его кабинете сходятся нити жизни треста. Кто-то позвонит, кто придет на прием, кто-то обратится с жалобой. Вопросы, вопросы... Не нашли общего языка начальник управления и главный специалист... Не создали условий для творчества молодому инженеру... Задержалась разгрузка конструкций для домов... Мастер не поладил с рабочими... А где-то просто разгорелся спор. И все за советом к нему.

...Новогран — инженер-строитель. По призванию. Но он не «технар». Ни разу не слышал от него выражений, присущих некоторым местным руководителям: «Кроме дела, меня ничто не интересует», или «Отбросьте вы там всякие причины». Он всегда вникает «до самой сути» и за любым делом видит прежде всего людей. Потому люди к нему и тянутся.

Бывает он и вспыльчив, и крут, но только там, где лень, равнодушие вредят делу.

Довелось присутствовать на планерке, которой руководил управляющий. Проходила она в конце 1984 года, когда в тресте сложилось трудное положение: из-за недопоставок конструкций Нижневарговым домостроительным комбинатом срывалось выполнение плана. Естественно, это сказывалось на настроении присутствующих. Выяснение взаимных претензий, обычное для строителей, на этот раз было нервным. Споры то гасли, то как пламя на ветру, вспыхивали вновь.

Только на лице управляющего ни тени растерянности. Он чувствовал себя уверенно и этим настраивал на такой же лад других. И постепенно разговор вошел в спокойное русло, люди уже не упрекали друг друга, а искали выход, вносили предложения, как поправить дело.

В ходе планерки возник вопрос об отделке аптеки плиткой «кабанчик».

— Леонид Александрович, в проекте это не предусмотрено, — сказал один из прорабов.

— Это красиво. Значит, надо делать. Мы должны строить не хуже, чем в Белоруссии.

Сделав небольшую паузу, Новогран продолжал:

— У вас уже не впервые подобные предложения, которые не делают вам чести. Нельзя быть равнодушным к своему делу.

Инженер опустил голову. Чувствовалось, ему стало не по себе.

Другому прорабу досталось покрепче. Одна из его бригад допустила брак при строительстве детского сада: небрежно заделала соединительные швы на стыках бетонных плит. Через «дырявые» швы в помещение стала просачиваться вода...

Сообщив об этом факте, управляющий резко бросил:

— Такие люди позорят наш трест. Придется применить к бракоделам самые строгие меры.

Позже стало известно: прораба и бригадира, «отличившихся» на том объекте, понизили в должности. Еще двое обиженных..

Впрочем, такова участь каждого крупного руководителя: иной раз приходится быть и «радикалом».

— Если быть «всепроцентом», то крепкой дисциплины не жди, — заметил как-то Леонид Александрович.— А это плохо в любом деле. На стройке — особенно. Здесь должна царить взаимная требовательность.

...Он никогда не боялся тяжелой работы. Начинал монтажником. Потом учеба в инженерно -строительном институте. После распределения предложили должность прораба. Но он попросился мастером. Тогда считал и сейчас считает, что в любом деле надо начинать с азов.

В 1983 к нему в Лангепас приехал после института сын Игорь вместе со своим товарищем Володей Набоко. В тресте предполагали, что парни сразу получают прорабские должности. Но пророки ошиблись. Им были предложены должности... рабочих.

Владимир удивился. Но Игорь, как бы предваряя его недоумение, сказал, как отрезал:

— Папа прав. Нельзя стать руководителем, не изучив азы...

Сыну втолковывать эту истину было не нужно. Для него стала достойным примером жизнь отца, который стремился прежде всего стать отличным специалистом. А должности? Все придет своим чередом. Если заслужишь, конечно.

Кто-то заметил: красивая биография у Новограна.

Это, действительно, так. Рос быстро, уверенно. Повышения получал заслуженно. За несколько лет прошел ступени от прораба до начальника управления. Потом стал главным инженером объединения.

Подразделения, которыми командовал Леонид Александрович, обычно были в авангарде, первыми внедряли передовые технологии. Новогран умеет держать слово. Не потому ли ему доверяли самые ответственные объекты — корпуса тракторного, автомобильного, моторного заводов, птицефабрики, высотные жилые дома? Управление во главе с Леонидом Александровичем возводило одно из самых уникальных сооружений республики — Курган Славы, памятник освободителям Белоруссии от фашистских захватчиков.

Двадцать лет проработал Новогран в Минске. Выезжал в 1966-м помогать пострадавшему от землетрясения Ташкенту. Сейчас вспоминает:

— Наш строительно-монтажный поезд «Белстрой-1» был оперативно сформирован в составе тогдашнего пятого треста и незамедлительно выехал в Узбекистан. Стояла жара, за сорок в тени. Для нас она была непривычной. Но скидок на трудности не просили. Надо было торопиться, ведь люди жили в палатках, скверах, парках. Строить там было, конечно, сложнее, чем в Белоруссии. Приходилось учитывать сейсмику, чтобы при новых подземных толчках дома не рассыпались. И фундаменты, и каркасы зданий делали со специальными предохранительными поясами. Построили целый микрорайон. На торце одного из домов кирпичом выложили надпись «Узбекскому народу — от строителей Белоруссии». Узбекские товарищи высоко оценили наш труд. Многие вернулись домой с Почетными грамотами Узбекистана, знаками «Строитель Ташкента» и другими наградами.

Отмечу, что в числе других был удостоен наград Узбекистана и руководитель строительно-монтажного поезда. Затем снова Минск, снова работа, новые ответственные объекты. Как всегда, был увлечен тем, что делал. Но вот узнал о белорусском десанте на Тюменщину и захотелось еще раз проверить себя в необычных условиях. Одно дело построить объект, а другое — город.

Начинать с нуля ему не пришлось — в Лангепас попал через два с половиной года после начала строительства.

В Нижневартовском аэропорту его встречал начальник управления №236 треста Валерий Дмитриевич Жук. По дороге в Лангепас говорили о многом. Особенно запомнилась Новограну ироничная фраза Жука:

— Эра деревянных двухэтажек у нас уже закончилась, а эра крупнопанельных домов еще не наступила.

Вот где, пожалуй, главная причина сложностей, возникших в тресте. Гомельский домостроительный комбинат еще не перестроился на выпуск домов в северном исполнении, а нижневартовские домостроители с поставками не справлялись. Впрочем, на это обращали внимание еще в министерстве, обещали помочь.

Но когда «наверху» обещают помочь, это значит, что там надеются, что и «низы» проявят активность — это правило Леонид Александрович усвоил еще на минских стройках. Поэтому не заблуждался: впереди у него дни весьма и весьма хлопотные.

Изучение трестовского хозяйства сочетал с бесконечными звонками в Гомель. Чем быстрее закончат гомельчане реконструкцию, тем быстрее заработает конвейер Гомель — Лангепас.

После очередного такого телефонного разговора управляющий спросил на планерке у начальников управлений:

— А у нас все готово к переходу на крупнопанельное домостроение?

В кабинете воцарилось молчание.

— Так, понятно. Надо немедленно переучивать людей. Нам ведь очень скоро потребуются не плотницкие, а монтажные, комплексные бригады...

И вскоре многие асы строительного дела сели за парты организованных курсов. Кое-кого это удивило: не слишком ли рано? Еще неизвестно, когда начнут поступать железобетонные конструкции, когда еще понадобятся на стройке монтажники, бетонщики, сварщики?

— Жить одним днем сегодня, значит, топтаться на месте завтра, — отвечал Новогран.

И вот прибыли из Гомеля первые составы с деталями домов. На заранее подготовленных свайных фундаментах начали расти этажи. Причем довольно быстро... Ставка управляющего на упреждающую подготовку людей оказалась верной.

Сдача первого крупнопанельного дома была праздником. И для треста, и для генерального заказчика — нефтегазодобывающего управления «Урвнефть», для всех жителей Лангепаса. Были и торжественный митинг, и символический ключ, и музыка... Слушая торжественные речи, Новогран вспомнил стихи местной поэтессы, которые прочитал в альбоме, посвященном первым шагам треста. В них были и такие строки:

Пусть не создан еще Лангепас, не создан,

Но осознан, уже осознан...

Над землей он чуть-чуть поднимается,

В котлованах пока вода.

Но всерьез уже принимается,

Зачисляется в города.

Всего полтора года назад родились эти стихи. Теперь «пейзаж» будущего города совсем иной: рядом с готовой девятиэтажкой поднимаются еще две, недалеко от них готовятся фундаменты для пятиэтажек. План 1983 года выполнен. Сдано сорок тысяч квадратных метров жилья. Большая стройка будущего города набирает темпы. С каждым месяцем они должны становиться стремительней. Поэтому значительную часть своего рабочего времени управляющий отдавал отладке конвейера Гомель — Лангепас. Понимал: половина, а, может быть, и большая часть успехов треста зависит от ритмичности поступления конструкций для домов, материалов, их качества.

Часть конструкций, прибывших с первым и вторым составами, оказалась с трещинами, отбитыми углами. Пришлось их «доводить до ума» на месте. Новогран попросил специалистов из стройлаборатории треста выяснить характер повреждений. Оказалось, крепления железобетонных изделий не рассчитаны на дальние перевозки.

В тот же день на завод ушла телеграмма с просьбой принять меры. Но когда прибыл следующий состав, испорченных конструкций было не меньше. Леонид Александрович вновь связался с Гомелем. Ответили ему не очень вежливо: «Грузим для всех одинаково, почему для вас нужно делать исключение?»

Так и подмывало Новограна пожаловаться в министерство. Но вспомнил свое же правило: принуждать следует только тогда, когда невозможно убедить. Полетел в Гомель сам.

И не пожалел о своем решении. На месте Леонид Александрович нашел общий язык и с директором, и со специалистами. Новаторы предприятия в короткий срок разработали более надежный способ крепления конструкций.

А потом были поездки к железнодорожникам, на предприятия, поставляющие материалы... Новогран ничего не требовал. Он агитировал помочь сибирской новостройке. И просьбы его действовали убедительнее, чем любые приказы сверху.

Теперь конвейер Гомель-Лангепас действует четко, без перебоев. Составы идут из Белоруссии десять дней, монтаж дома длится не больше месяца.

Белорусские дома стали украшением Лангепаса. Ажурные решетки фасадов, удачная цветовая гамма окраски лоджий придают им нарядный, праздничный вид. В квартирах удобная планировка, просторные кухни и коридоры. На каждом этаже сушилки для белья.

Быть хозяином. Сегодня эти слова повторяют часто. Но далеко не всегда за ними следуют конкретные дела.

— Вы, наверное, такое встречали на стройках: на стене висит яркий плакат, призывающий экономить, беречь, а рядом кучи застывшего раствора, втоптаный в землю рубероид? — спросил Новогран и, не дожидаясь ответа, продолжил: — О чем, вы думаете, говорит такая «картинка»? Прежде всего о том, что тот, кто выступил с призывом, совсем не заботится о его воплощении. Если поставлена какая-то задача, то ее выполнение должно стимулироваться и контролироваться непрерывно.

Еще до Новограна в тресте говорили, что надо навести должный порядок на стройплощадках. Говорили. А Леонид Александрович, несмотря на множество забот, казалось бы, более важных, начал активно действовать. По его предложению было созвано экстренное совещание профсоюзного комитета. На нем обсудили и приняли поправку к условиям соревнования. В чем она заключалась? За небрежное складирование материалов, нерациональное их расходование бригада лишается премии, даже в том случае, если выполнит план. В то же время, за хозяйское отношение к раствору, столярке, другим материалам и ресурсам предусматривается премия.

Казалось бы, что еще нужно? Рубль свое сделает. Но в тот же самый день Новогран пришел на заседание группы народного контроля и попросил помощи у «дозорных».

— Нужны регулярные рейды на стройплощадках. Желательно с фотографом.

Не ошибся Леонид Александрович: фотообвинения иногда действовали сильнее, чем лишение премии.

Теперь беспорядок на объекте явление крайне редкое. Но Новогран в конце каждого месяца непременно напомним председателю группы народного контроля Павлу Семеновичу Якубову:

— Не забыли рейды запланировать?

Потому что убежден: к такому делу, как утверждение порядка, нельзя «остывать». Впрочем, он считает, что нельзя остывать к любому важному делу. Взять хотя бы историю с проектом детского сада.

И в Нижневартовске, и в соседних поселках, как и на «большой земле», многие объекты соцкультбыта строят из кирпича. Кирпич завозной. Следовательно, очень недешевый. Но дело не только в цене. Срок строительства кирпичных зданий вдвое, а то и втрое длинней. А тех же детских садов в растущих городах и поселках нужно намного больше, чем в обычных. Рождаемость здесь — самая высокая в стране. Лангепас не исключение. К приезду Новограна поселок располагал единственным деревянным дошкольным учреждением на 280 мест. Председатель поселкового Совета Владимир Михайлович Стешенко показал Леониду Александровичу длинный список мам, которые сидят дома с ребятишками.

— Многие из них очень хорошие специалисты. В том числе и строители. Так что ждать детский сад два года просто невозможно. Надо искать какой-то выход.

— Выход вижу один, — ответил Новогран, — перейти с кирпичного варианта на крупноблочный. Обсудим это с проектировщиками.

Об этом Новогран думал еще до беседы со Стешенко: чтобы люди быстрее осваивали нефтяные промыслы, надо сделать все возможное и быстрее создавать им необходимые условия. А много ли сделаешь, если стены возводить из кирпича?!. Но пойдут ли навстречу проектировщики?

Как и ожидал, предложение о переделке очередного проекта те встретили без энтузиазма. Ему еще долго пришлось убеждать, доказывать в разных кабинетах, на разных уровнях, свою правоту, пока в институте не приняли решение проектировать детский сад из сборного железобетона в северном исполнении. Одновременно была дана команда Светлогорскому домостроительному комбинату наладить выпуск «детских панелей» для Лангепаса. Первый детский сад из сборного железобетона построили в

четыре раза быстрее, чем такой же кирпичный в Нижневартовске. А выглядел он нисколько не хуже. И тепло «держал» очень даже неплохо. Уже сооружены три таких дошкольных учреждения.

Надо ли объяснять, что вмешательство Новограна и его подчиненных «не в свои дела» отнюдь не всегда вызывает радость тех, в чьи функции он вторгается? Иной раз приходится идти на конфликты со смежниками, вышестоящими организациями. Но Леонид Александрович не боится ответственности. Главное — интересы дела. Ради них стоит быть и жестким, и требовательным, и до настырности настойчивым. Что характерно: этот колючий, до предела «неудобный» Новогран в конце концов приходится по душе многим. Не случайно он буквально оброс друзьями, соратниками, единомышленниками, людьми, которые хотят и умеют работать в нелегких условиях севера.

ЭФФЕКТ МАМАЕВА

Рано просыпается рабочий Лангепас. Первыми его будят нефтяники. Группами и поодиночке спешат они к автовокзалу, откуда вахтовыми автобусами развозят их по окрестным месторождениям. А их, этих месторождений, здесь ни много ни мало восемь — Поточное, Северо-Поточное, Урьевское, Лас-Еганское, Локосовское, Покамасовское, Нивагальское, Чумпасское. Следом за нефтяниками, но теперь уже на объекты самого города, устремляются строители. В их рядах бригадир монтажников Виктор Григорьевич Мамаев.

Сегодня его маршрут в новый микрорайон, где поднимаются этажи очередного крупнопанельного дома. На строительной площадке бригадира встречает звеньевой третьей смены Г. Г. Мальцев.

— Полторы нормы, — подчеркнуто буднично сообщает он.

— Ладно, — тоже без особых эмоций дает оценку сделанному бригадир.

Но выдают глаза: он доволен, очень доволен. И не только потому что высокая выработка достигнута в самый трудный для строителей отрезок суток. Приятно, что его надежды оправдались — человек обрел уверенность, обрел самого себя. Он помнит, как пришел в бригаду Мальцев — добросовестный, старательный работник, но без достаточного опыта монтажа крупнопанельных домов. Возглавил звено, которое по численности превышало другие, но утнаться за ними все равно не могло. Выкладывался звеньевой и бывало падал духом от чувства собственного бессилия: «Не справляюсь я, Виктор Григорьевич, не умею. Толку от меня, видать, не будет» .

Мамаеву импонировала эта самокритичность, но он подмечал и излишнюю суетливость, растерянность своего подопечного. Неназойливо поправлял, подсказывал. Всякий раз, когда звеньевому надо было принимать ответственное решение, неизменно оказывался рядом. Через месяц положение выровнялось, отпала необходимость в избытке рук, монтажники «уплотнились» и стали меньшим составом выполнять гораздо большие объемы работ. И вот, пожалуйста, — 150 процентов в третью смену. Такое и «асам» не всегда удается. Что ж, Мальцев почувствовал твердую почву и твердо встал на ноги...

Появившийся на этаже звеньевой первой смены, Михаил Малашко, на ходу бросает:

— Сегодня выставляем наружные.

Бригадир молча кивает в знак одобрения. К началу рабочего дня он уже обошел все отметки, где трудятся монтажники, увидел сделанное, учел запас изделий, определил, чем необходимо заняться прежде всего. Звеньевой свое дело знает: действительно, пора монтировать наружные панели.

Михаил нетороплив, но в работе преобразается, движения четкие, выверенные — ничего лишнего. Трудится со сварщиком на пару, хотя по норме нужен третий. Но работа идет без задержек, решения звеньевой принимает грамотно. Молодец.

Не успело пробить восемь, как над головой крякнул по-утиному башенный кран, перенес в «клюве» и опустил тяжелую ношу на перекрытие. Начинается монтаж очередной секции дома. Никакой раскачки, никакой суеты. Инструменты, бетон, детали там, где им положено быть. Тут так заведено: предыдущая смена заботится о следующей. В результате, в выигрыше все.

Примечаю такую деталь. Виктор Григорьевич, не дав фактически ни одного указания, молча занялся с электросварщиком А. А. Ярошем установкой перил. Нет, нетипичный он бригадир. «Типичный» обычно бегаёт, суетится, вмешивается во все дела. Мечется по стройке, кого-то отчитывает, с кем-то ругается, что-то выбивает... И сразу видно: человек при деле, ну просто незаменим!

Виктор Григорьевич о таких «незаменимых» иного мнения.

— Непосвященный человек подумает: вот трудяга, весь в работе. А я скажу — это форменное безобразие. Он или не умеет организовать, или латает прорехи инженерной подготовки строительства. Нет, бригадир не должен быть «толкачом», подменять мастера, прораба, снабженцев,

диспетчеров... Он — высококвалифицированный рабочий, и должен оправдывать свою квалификацию — выдавать продукцию в соответствии со своей тарификацией. Конечно, далеко не все имеют возможность, а иные уже отвыкли стоять всю смену на рабочем месте и сваривать, красить, штукатурить, монтировать, вести кладку. Вот где, кстати, огромный производственный резерв!

А руководить людьми... Это не обязательно командовать. Выигрывает не тот, кто бегает, а тот, кто думает. У нас отработана четкая звеньевая система. Каждый загодя знает, что ему делать. Моя забота — проверить работу, подсказать в сложной ситуации, помочь, если у кого-то что-то не получается.

Виктор Мамаев — труженик по призванию. Его любимая поговорка: «Работа — не забота, а состояние души». Пожалуй, нет такой операции в строительстве, которую он не смог бы выполнить: он и монтажник, и сварщик, и стропальщик, и плиточник, и каменщик, и штукатур, и маляр... А начинал...

— Отец мой, Григорий Николаевич, — мастер на все руки. Многому научился у него по плотницкой части. Самому захотелось стать мастером, но — ученым. И после восьми классов махнул в Бобруйск, получил в ПТУ специальность столяра-плотника. После армии закончил в Минске архитектурно-строительный техникум. С тех пор моя судьба с большими и малыми новостройками связана.

В Минске он работал в тресте № 1, где стал специалистом-«многостаночником». И это здорово пригодилось в Лангепасе, куда он приехал в 1980-м в числе первых. Сначала преобладало деревянное строительство — он орудовал топором, начали возводить кирпичные здания — взял в руки кельму, перешли на «бетонный поток» — показал себя как незаурядный монтажник. Причем не только сам быстро «вписывался» в меняющуюся обстановку, но и другим помогал. И всегда делал это охотно. Это благодаря ему вчерашние плотники быстро на ходу перестроились, переквалифицировались в монтажников и без заминок взяли высокие темпы в работе.

Однако чисто профессиональные знания, навыки, умения — это лишь частица того, что Виктор Григорьевич без оглядки отдает бригаде, стройке, городу... Влияние его неумной природы на дела, события, людей масштабнее, объемнее, многограннее.

Монтировали фундаменты для трансформаторной подстанции. «Почему ленточные? — сразу возник вопрос у Мамаева, — не годится. Ведь можно свайные: они технологичней, дешевле, менее трудоемки, дают большой выигрыш во времени». Теперь в тресте делают только такие...

Поручили бригаде перекладывать бетонные плиты подкрановых путей, а у этих увесистых изделий не оказалось монтажных петель — обломались во время эксплуатации. Значит, «эй, ухнем»? Но Мамаев придумал специальные захваты — и в работу включился подъемный кран...

Вообще, если перечислять дела Мамаева в Лангепасе, то ко многому, к чему он оказался причастным, надо добавлять слово «первый». В числе первых в сентябре 1980 года высадился на пустынном берегу протоки, давшей имя городу, ставил первую палатку, рубил первый барак, мастерил первое общежитие, монтировал первое здание из сборного железобетона, строил первую среднюю школу, применив впервые в тресте метод бригадного подряда. О последнем, впрочем, стоит рассказать подробнее.

Бригада Мамаева готовилась начать монтаж первого крупнопанельного дома: изготовили своими силами нормоконспект инструментов и приспособлений, обустроили площадку, сделали фундамент. И вдруг другое задание — надо форсировать возведение школы. Ребята, естественно, ворчали: столько труда вложено и, — на тебе.

— А давайте взглянем на ситуацию с другой колокольни, — сказал на бригадном собрании Мамаев, — детишкам учиться надо, строительство школы в прорыве. Надо закрыть образовавшуюся брешь, никто лучше нас с этим не справится. Так неужели будем корчить из себя капризных барышень?

— Да не обращай ты внимания, бригадир, на наше ворчание. Оно больше для проформы. Побубнишь слегка и, как будто полегчало, — засмеялся плотник Александр Шкнай, — конечно же, кроме нас, некому. Все сделаем в лучшем виде.

Легко сказать «сделаем»! Реальность отнюдь не внушала оптимизма. Сметная стоимость строительства миллион рублей. За полгода из-за срыва поставок конструкций освоили лишь пятую часть. Таким образом, за два оставшихся месяца до 1 сентября предстояло не только выполнить объем работ на 800 тысяч, но и сдать школу в эксплуатацию. Более тысячи учеников должны сесть за парты без опоздания.

На возможность такого чуда мало рассчитывали даже выдавшие виды специалисты. Ни капельки не сомневались лишь ребята из бригады Виктора Мамаева. Они в него верили. Как Мамаев сказал, так и должно быть. Так и будет.

На другой день Виктор Григорьевич докладывал свои соображения руководству управления:

— Первое, что поможет ускорить дело — бригадный подряд. Это заинтересованность, ответственность, порядок. Второе — максимальное совмещение операций. Я все уже прикинул. И третье — укрупнение бригады, но не по нормативам, а разумное, чтобы каждый работал с полной нагрузкой и не создавалось толчеи, сутолоки. Словом, вот конкретные выкладки. О материально-техническом обеспечении не говорю: само собой, оно должно быть без сучка и задоринки.

Все предложения Мамаева были приняты.

Эта стройка в Лангепасе стала ударной, первоочередной. Специально созданные группы депутатов следили за тем, чтобы не допускали сбоев транспортники, снабженцы, чтобы строители были обеспечены работой каждую минуту. Бригада установила на площадке трехсменный режим работы. Смежники шли бок о бок, а не друг за другом, как обычно. Монтажники еще устанавливали стеновые панели, а на этажах уже вовсю развернулись электрики, сантехники, плотники, штукатуры, маляры...

В последний день августа в Лангепасе состоялся всеобщий праздник. Под звуки оркестра Виктор Мамаев вручил хозяевам новой школы символический ключ. В ответ двести первоклашек хором трижды повторили «спасибо». Строители заслуженно чувствовали себя именинниками на этом светлом торжестве.

Недавно еще одна средняя школа (тоже на 1176 мест) распахнула свои двери перед юными лангепасцами. Пополнилось хозяйство города новыми домами. Вон сколько вспыхнуло огоньков от того сентябрьского костра, который зажег у первой палатки Виктор Григорьевич Мамаев в далеком теперь 1980 году...

— Самые сложные, самые «горящие» ответственные дела мы всегда поручаем Мамаеву, — говорит нынешний управляющий трестом №37 П.С. Дулькевич. — У него обостренное чувство ответственности, высокое понимание долга. Он не допускает даже малейшей оплошности, и мимо чужой бесхозяйственности никогда не пройдет.

Мамаев не просто принципиальный, настойчивый и последовательный человек. Он боец, не привыкший отступать, не смотря ни на какие преграды.

Пока гомельский ДСК перестраивался на выпуск конструкций для жилых зданий в северном исполнении, четыре крупнопанельных дома в Лангепасе комплектовал Нижневартовский комбинат. Поставки велись из рук вон плохо. У монтажников сплошные простои. Один из бригадиров не выдержал — уволился. Но когда в такую же ситуацию попал Мамаев, он с первых дней пошел в атаку: побывал у директора, других руководителей

комбината. Там обещали помочь, но слова не сдержали. И тогда Виктор Григорьевич обратился к журналистам. В нижевартовской городской газете появилась критическая корреспонденция. Помогло — конструкции стали завозить ритмично.

— Другим я его и не представляю, — рассказывает жена Мамаева Раиса Петровна, — он всегда и во всем лично заинтересован, все принимает близко к сердцу, за все справедливое воюет. Когда работал в 235-м управлении, частенько приходил домой расстроенный. Я уже знала: опять была стычка с начальством. Старалась утешить, переживала за него, но одновременно радовалась. Ни разу не смалодушничал, не уступил неправому, не поддался инстинкту самосохранения! А иначе я бы его уважать перестала.

— Не всегда бывал прав, — не щадит себя Виктор Григорьевич, — в том смысле, что не всегда сдерживался. Слишком был горяч, особенно по молодости. Все свои срывы помню, стараюсь не повторять подобного.

Свои срывы он не просто помнит, а помнит в подробностях. Даже случай, произошедший лет десять назад в Минске. В управление, где он работал, поступило профильное стекло на несколько сантиметров длиннее, чем требовалось. Задача — укоротить каждый лист по периметру — оказалась настолько сложной, что приостановилась вся работа. Мамаев начал думать как выйти из положения. Допоздна колдовал над этим проклятым профилитом (не простое стекло!) и нашел-таки способ резки. Сам все и сделал. А ему за это... даже спасибо забыли сказать. Обиделся, наговорил начальству кучу дерзостей и уволился.

Вот такой характер... В первые дни в Лангепасе, случалось, мог за грудки схватить нерадивого, накричать. А однажды главному инженеру (теперь уже бывшему), который не выполнил своего обещания и крупно подвел коллектив, на улице, принародно заявил, что он трепач и что гнать его надо такой-то метлой из треста.

С годами, конечно, Мамаев научился сдерживаться. Стал понимать, что решать проблемы можно и не повышая голоса. Положение тоже обязывало: избрали бригадира депутатом городского Совета. Надо ли говорить, что будучи равнодушным человеком Мамаев и к своей общественной работе относится с предельной добросовестностью? Он активно участвует в различных депутатских комиссиях, решает самостоятельно многие вопросы. Приходят на прием люди со своими заботами и бедами. И он в каждом случае стремится помочь.

Как-то пришел на прием к депутату молодой человек, успевший по глупости искривить свою судьбу. После отбытия наказания вернулся в Лангепас к матери, да вот с работой заминка. Кадровики осторожничают...

Между тем несложно рассудить, что от того в какую среду попадет этот молодой человек, зависит его будущее. Без колебаний Мамаев предложил посетителю:

— А знаешь, давай в нашу бригаду. Ребята у нас хорошие, ты с ними подружишься.

Так и получилось. Недавно вся бригада гуляла на свадьбе новичка, который стал полноправным членом коллектива, неплохим специалистом.

Вот так: брать на себя забот побольше, не оправдываться «обстоятельствами» для Мамаева — это само собой разумеется.

В 1984 году для ускорения строительства в Лангепасе тресту №37 понадобилась еще одна бригада монтажников. Сформировать ее попросили Виктора Мамаева. Жаль, конечно, ему было оставлять отлаженный, испытанный успехами и невзгодами механизм — прежнюю бригаду. Но интересы дела требовали — и он вновь пошел по целине, бездорожью.

С чего начинал вновь? Как и прежде, с коллективной выработки бригадного устава. Раз в неделю собирались всей бригадой для разговора «по душам». Каждый без обиняков, без опаски, что его одернут, высказывал свои замечания, обиды, предложения. Черту подводил бригадир. Потом формулировалось коллективное мнение: «бригада решила...»

Одним из первых таких решений, ставших частью устава коллектива, было: работать без огрехов. Допустивший брак устраняет его за счет своего личного времени. В другой раз постановили: тот, кто не одернул нарушителя, попытался скрыть чей-то неблагоприятный поступок, отвечает наравне с провинившимся. Такое понимание ответственности — убедительное свидетельство зрелости коллектива, осознания им своей роли в становлении людских судеб. Впрочем, становление самого коллектива проходило не сразу, постепенно...

Как-то после третьей смены к бригадиру подошел исполнявший обязанности звеньевый Сергей Каршакевич.

— Григорыч, надо собирать «консилиум» — человек «заболел».

А случилось вот что. Один из монтажников пришел на работу под хмельком. Пришлось ему держать ответ перед всей бригадой. В тот день в уставе бригады появился новый пункт: пьянство — самый тяжелый проступок. Тот, кто оскорбит коллектив таким позором, подлежит суровому наказанию, вплоть до увольнения. Позже подобным правилом стали руководствоваться и другие трудовые коллективы.

А что же с тем проштрафившимся монтажником? Его не уволили. Дал слово, что подобного больше не повторится. Поверили. И свое слово парнишка сдержал. А вот другому, который в похожей ситуации нарушил обещание и сорвался во второй раз, бригада отказала в доверии и исключила из своих рядов.

— А могли бы вы не согласиться с мнением бригады?— спрашиваю у Мамаева.

— Как руководитель я имею право принимать решения единолично. Но мне не хочется быть над коллективом. Я в коллективе, его частица. Если с чем не согласен, отстаиваю свое мнение, убеждаю других. Конечно, могут возникнуть ситуации, когда руководителю надо «власть употребить». Но это исключительные случаи, а для нашего коллектива возможные, пожалуй, лишь в теории.

— Чувство артельности — великая сила, — считает Юрий Головкин, — мы чувствуем себя, как альпинисты в связке. Всегда боимся и поддерживаем друг друга. У нас в бригаде властвует справедливость, открытость — никаких недомолвок, шушуканий за спиной, все в глаза, все во весь голос.

— Благодаря Виктору Григорьевичу мы почувствовали вкус настоящей работы, — дополняет товарища Сергей Каршакевич. — Он многогранен. Всегда интересен. Много знает, умеет, но не кичится этим, а всем делится без оглядки. У него дар — будить в людях чувство собственного достоинства. Причем деликатно, незаметно — профессиональный педагог мог бы позавидовать.

В подтверждение правоты рабочего можно привести десятки фактов и примеров. Вот один, на мой взгляд, весьма красноречивый. Об этом эпизоде рассказал один из монтажников.

— В бригаде появился новичок, молодой парень, тихий, неприметный. Работал без явных помарок, но, как говорится, только «от и до». И знаете, эта безынициативность была своего рода вызовом: дескать, не хочу, как все — а что вы мне сделаете? Видел, чувствовал, конечно: и бригадиру, и многим ребятам его поведение не по душе. Вроде как повинность отбывает. Затаенно ждал «проработки», приготовился защищаться. И вот очередное собрание. Ну, думает парень, головомойка обеспечена. Посмотрим, как это у них получится, что поставят в вину. Ничего не нарушаю, ничего не порчу, а что из кожи вон не лезу, так это сугубо мое личное дело. Но никакой проработки не было. Просто уже в самом конце собрания Виктор Григорьевич «ни с того, ни с сего» сделал отступление от производственной темы. Сказал примерно следующее: «Перед тем как разойтись, послушайте одну притчу. Было это в древние времена во Франции. Как-то мудрец

подошел к людям, возводившим Шартский собор, и спросил, чем это они заняты. «Разве не видишь? Камни растреклятые обтесываю», — ответил один. «На пропитание добываю», — молвил второй. А третий восторженно произнес: «Строю священный храм». Мудрец склонил перед ним голову и проникновенно сказал: «Здравствуй, мастер, да будет благословен твой путь, великий человек». «Моя мечта, — закончил Виктор Григорьевич, — поработать хотя бы пару годков в бригаде, где каждый видел бы и понимал высокий смысл своей работы. Давайте попробуем, а?» Скажите, разве можно было не откликнуться на такое? Разве можно брыкаться, когда человек тебя вверх подталкивает, в гору тянет? Противиться такому может только безнадежный идиот. А я себя, по крайней мере, таковым не считаю. Вы, наверно, уже догадались, кто тот «тихий саботажник»? Верно, это он собственной персоной перед вами...

Вот, примерно так проходило становление нового коллектива, так проходили в нем свои рабочие «университеты» молодые парни. А результат? Он был замечательным. Бригада-новичок, бригада-неумеха под руководством опытного рабочего «профессора» Виктора Мамаева в считанные недели стала вровень с лучшими бригадами, а затем заняла прочное место среди лидеров,

И последнее. За успехи, достигнутые при строительстве жилых домов в районе Западно -Сибирского нефтегазового комплекса, В.Г. Мамаев в 1985 году награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ЛЕТАТЬ УЧАТ КРЫЛАТЫЕ

Начальник специализированного отделочного управления №258 Василий Павлович Пырко, характеризуя Нину Семеновну Сергиенко, был краток:

— Отличный бригадир, умный воспитатель, очень «злая» в работе и чрезвычайно добрая к людям. Тут же, в Лангепасе, ее сыновья, невестки. И все работают у нас. Побольше бы такой «семейственности» на наших стройках!

Нашел Нину Семеновну на стройке, во время обеденного перерыва. Ее бригада заканчивала отделку квартир в крупнопанельной пятиэтажке во втором микрорайоне. В бытовку вошла стройная миловидная женщина. Пригласила сесть, поправив спецовку осторожно опустилась на стул. Видно, что давать интервью для нее дело непривычное: волнуется, не знает, куда деть руки. Впрочем, волнение вскоре прошло — стоило нам заговорить о работе, о бригаде, о людях, которым, по ее мнению, она обязана многим. Совсем преобразился человек — от моей собеседницы исходит упругая

волна тепла, бодрости, оптимизма. Хотя её жизнь не была особенно ласкова...

Над ее колыбелью не песни звучали, а предостерегающий шепот: «Тише, тише», не радость струилась, а материнские слезы. Ведь родилась Нина в сорок первом, «сорок памятном» году. Про отца знает лишь по рассказам: был колхозным кузнецом в их деревне Велин, что в Речицком районе на Гомельщине, и погиб, когда она появилась на свет... Мать с четырьмя ребятишками (старшему не исполнилось и девяти) оказалась в оккупации. Страх, лишения и нищета цепко держали в своих жестких объятиях семью фронтовика. Маленькая Нина не могла понять, отчего мама с трудом переставляет отяжелевшие ноги. Беспощадный смысл слова «голод» до ее сознания дошел позже. Как самое счастливое мгновение оставила детская память минутой, когда она, едва научившись ходить, отыскала в давно опустошенном погребе чудом завалывшиеся пять маленьких картофелин...

— Мы даже и чистить их не стали, чтобы не потерять ни грамма съедобного. Помыли, порезали мелко и сварили в большом чугушке. Я не видела, чтобы сегодня дети так радовались какой-либо диковинке, как мы тем сморщенным клубенькам...

Нужда быстро взрослит человека. Рано познала Нина труд. И коров доила, и овец пасла, и огород полдела, и сено косила... Все спорилось в ее руках.

— Работящая ты у меня, доченька, смекалистая, учиться бы тебе, — часто говорила мать.

Дочь и сама мечтала о том же. С первого класса училась прилежно, старательно. После семи классов поступила в Гомельское строительное училище. Стала штукатуром. В числе лучших учеников ее направили работать в Темиртау. Близ этого города возводился крупный металлургический завод. Такого Нина еще не видела: на огромном пространстве ковыльной степи Казахстана поднималось ввысь сразу несколько домен-громадин. Вокруг суетились тяжеловесные грузовики, высоченные краны. Люди казались маленькими, почти незаметными. Но это странное ощущение человеческой малозначимости сразу прошло, как только сама поднялась на леса новостройки. Попала девушка в комплексную бригаду.

Приходилось и штукатурить, и малярничать, и каменщика подменять. Много приходилось начинать заново. Порой обидно было до слез: училась, училась и на тебе — неумеха. Опытный бригадир, прекрасно понимая душевное состояние новенькой, по-отцовски подбадривал:

— Не расстраивайся, дочка, что получается медленно, главное, чтоб получалось аккуратно, красиво, как подарок для мамы. А скорость — дело наживное. Всё обязательно придет, если любишь свою работу.

Брал её руку вместе с малярной кистью и водил по стене, наставляя:

— Вырабатывай гибкость. Рука должна двигаться легко, плавно, как у балерины, что изображает лебедя. Понятно?

Немало часов вот таким занятиям посвятил бригадир. И постепенно, от урока к уроку, набирала профессиональную статью его подопечная. Большим праздником стал для него тот день, когда Нина сумела опередить самых опытных, в том числе и его, по скорости выполнения малярных работ (это соревнование бригадир затеял специально). А качество у нее всегда было отличное.

На строительстве металлургического Нина и судьбу свою нашла. Приглянулась девица-красавица молодому парню писаному, работавшему здесь же прорабом. На комсомольскую свадьбу пришла вся бригада. Желали счастья, здоровья, достатка и, естественно, полную горницу детей.

Пожелания сбывались: крепкая любовь, интересная работа, уважение людей. И дети. В шестьдесят третьем родился Николай, в шестьдесят пятом — Виктор, в шестьдесят восьмом — Ирина...

Подрастали ребятишки, рос завод. Вот уже все восемь домен высились на окраине молодого города. И в каждую из них была вложена частица и ее труда. Объем строительства пошел на убыль. Уговорила мужа поехать в Белоруссию. Их приняли в Речицкое ремонтно-строительное управление Гомельского облремстройтреста.

Поселились в райцентре и взялись собственный дом возводить. Вырыт котлован. Заложен фундамент...

Беда, как это обычно и бывает, пришла неожиданно. В 1969 году в автомобильной аварии погиб муж. Осталась одна с тремя детьми, старшему из которых не было и восьми. Как же теперь? Вдовье отчаяние граничило с безысходностью. В критические моменты вспоминала мать: та осталась в тяжелую годину одна с четырьмя малолетками, никто ничем ей помочь не мог — все жили в голоде и холоде, при постоянной угрозе со стороны оккупантов. А с ней коллеги по работе, друзья мужа, государство... Ссуду дали, кирпич и доски для строительства дома выделили, оказывают не только моральную поддержку, но и материальную помощь. Не сидят дети без куска хлеба.

Выпрямилась, пересилила горе. Утром шла на работу, не только свои обязанности выполняла, но и помогала новичкам, а вечером бралась за свой дом — решила во что бы то ни стало достроить. Хотя и подсобляли соседи, товарищи по бригаде, нелегкой была вдовья стройка.

Новоселье стало большим праздником не только для семьи, а для всей улицы, друзей, знакомых. Люди радовались мужеству, жизненной стойкости этой не сломленной горем женщины. Человек построил дом — значит, смотрит в будущее.

Приученные с малых лет к труду, детишки росли, не чувствуя себя обделенными судьбой. Особых огорчений не доставляли. Внутренняя порядочность, привитая матерью, ограждала от аморальных поступков. А вот житейские неприятности случались. В повседневной суете на какое-то время упустила из виду учебу старшего. Появилась двойка, вторая, третья... Под горячую руку накричала на сына, хорошенько «всыпала». О чем пришлось вскоре и пожалеть. На следующий день после работы застала у себя взволнованную Колину учительницу.

— Наверное, мы с вами переборщили, распекали мальчика больше, чем следовало, — сказала та и подала записку, в которой прыгающими буквами было выведено: «Не ищите. Не вернусь».

Побежали по дворам, обыскали все чердаки и подвалы. Поздно вечером пришли на вокзал, где наконец и увидели спавшего на скамье беглеца. В кармане у него был билет до следующей станции на поезд, ушедший два часа назад. Слава богу, что проспал... Все трое расплакались.

— Вот тогда я усвоила главный урок: воспитывать человека надо прежде всего добротой, душевным словом,— говорит Нина Семеновна, — стараюсь следовать этому правилу и дома, и на работе, по отношению к детям и взрослым.

Как-то средний, Виктор, будучи уже подростком, пришел домой внутренне «взъерошенным».

— Что-то случилось? — спросила осторожно.

— Один мужик в наемную бригаду зовет. Говорит, много можно заработать. Может, пойти?

Этот вопрос, заданный вкрадчиво, с опаской услышать отказ, прозвучал, как внезапный выстрел над ухом. От неожиданности съежилась, уловив материнским чутьем, что сын готов погнаться за длинным рублем. «Неужто проглядела? Неужто рвач пускает свои поганые корни в этой неокрепшей душе?» Ее охватил панический страх. Но погасила вспышку

негодования: криком не излечишь, скорее навредишь. Молча собрала на стол. А когда вся семья уселась за ужин, заговорила как можно спокойнее:

— Дом у нас не хуже, чем у других. Все вы одеты, обуты и с кваса на воду не перебиваетесь. Как вы думаете, это легко дается?

— Зачем ты так, мама? Мы же не маленькие, все понимаем, — заерзала на стуле Ирина.

— Хорошо, значит, понимаете: тот хлеб вкусный, который собственным соленым потом полит, а то, что дается как манна небесная — хуже перца жгучего.

— Хоть убей, мать, не пойму, отчего ты сегодня вдруг «завелась»? — пробасил Николай.

— Оттого, что все вы у меня хорошие ребята. И взрослея, каждый старается помочь матери. Спасибо, дети! Только хочу, чтоб вы твердо усвоили, как таблицу умножения: я приму честно заработанную копейку, она в радость. Но если кто позарится на легкую наживу, то я лучше с сумой по миру пойду, или камень на шею — и в омут.

— Ну чего ты, мама? — забеспокоился Николай, оглядывая сидевших за столом. — Есть причины?

— Да нет, сынок. Просто мне сегодня захотелось дать вам напутствие, а то все некогда...

Когда все разошлись, подошел Виктор:

— Прости, мам, я ляпнул не подумавши. Разве может твой сын быть нечестным человеком?

В 1975 году во вдовьей судьбе Нины Семеновны произошли перемены. В семью пришел Леонид Гаврилович Сергиенко, плотник из Речицкого РСУ. Добрый, душевный, он сдружился с ребятами и стал для них родным человеком.

Через два года у них родился сын Олежка. Это прибавление в семье стало радостью для всех.

Один за другим старшие дети уходили в самостоятельную жизнь. Первым за порог родительского дома шагнул Николай. По материнским стопам пошел в гомельское ПТУ строителей, получил специальность каменщика. До армии успел поработать в комплексной бригаде, повысить квалификацию. Сняв солдатскую шинель, вместе с товарищами, такими же

бывшими воинами, по комсомольской путевке поехал в Нижневартовск. Его приняли в управление, которое методом гидронамыва готовило площадку для строительства Лангепаса. Когда начали прибывать первые трудовые десанты из Белоруссии, перешел к землякам в тридцать седьмой трест плиточником. В письмах родным рассказывал о Сибири, работе, будущем города, звал всех сюда.

Нина Семеновна с мужем решили: поедем. Вот только Виктора надо проводить на армейскую службу.

Так весной 1982 года в коллективе хозрасчетного отделочного участка (позже преобразован в управление) треста №37 появилась штукатур-маляр с 22-летним стажем из Речицы, отмеченная за безупречную работу правительственной наградой — орденом Славы III степени, Нина Семеновна Сергиенко. Быстро освоилась с обстановкой, приноровилась к местным условиям и стала бесспорным лидером. Ее сноровке, мастерству завидовали не только новички, но и бывалые. Не считаясь со временем, показывала свои приемы начинающим, помогала всем, кто в этом ощущал потребность. Спустя четыре месяца двадцать пять отделочниц единодушно избрали ее своим бригадиром.

Леонид Гаврилович устроился на ремонтно-строительный участок нефтегазодобывающего управления.

После армии приехал в Лангепас и Виктор. Бывший танкист стал, как и его брат, плиточником. Теперь по утрам Нина Семеновна шла на работу вместе с сыновьями. Вся семья (за исключением Ирины — она учится в Тобольском техникуме) в одном коллективе, на одной стройке. Но вскоре семейное трио стало квартетом.

Летом Николай проводил свой отпуск в Речице. Возвратился оттуда вместе с девушкой по имени Люда. Бывшей соседкой и одноклассницей, а теперь...

— Мам, мы решили пожениться, — выпалил буквально с порога. — Ты не против?

— Отчего же! Семья — это хорошо. Люди вы самостоятельные. Только как и где собираетесь строить совместную жизнь?

— Здесь, в Лангепасе, и под твоим крыльшком. Невестка у тебя добрая, послушная, недоразумения исключены, — весело заговорил Николай.

— Как с учебой, профессией? — этот вопрос Нина Семеновна задала Людмиле, когда возбужденная суета сменилась спокойной домашней обстановкой.

— Закончила десять классов...

— Дальше учиться не собираешься?

— Она хотела бы продолжить образование в твоём «институте», мама, — вмешался в разговор Николай, — возьми ее в свою бригаду.

— Переговорю с девчатами, начальником участка, думаю, не откажут. Обучим всему, что умеем. Только учти, спрос с тебя будет особый: ты же мне, считай, дочка. Так что старания у тебя должно быть больше, чем у других. Идет?

Невестка не возражала.

Бригада приняла новенькую радушно. Опытные работницы Валентина Степановна Стаховец, Мария Александровна Астрейко, Тамара Викторовна Зубарева, Валентина Васильевна Петровская, Мария Павловна Кузьмина поочередно становились с ней в пару, обучали премудростям малярки и штукатурки. Нередко рядом оказывалась и свекровь. Людмила буквально «вгрызалась» в работу. Срок ее ученичества сократился почти вдвое против обычного.

Незаметно пролетел год. В отпуск в Речицу Люда уезжала, имея уже третий разряд. Вернулась не одна — «прихватила» с собой младшую сестру.

— Знакомьтесь, Жанна. Хочет пожить и поработать в Лангепасе. Возьмем ее в нашу бригаду? — обратилась она к Нине Семеновне и, не ожидая ответа, зачастила: — Я рассказала, что со своих вы требуете вдвойне. Она к этому готова. Да ей и легче будет, чем мне, в строительном техникуме учиться, теперь на заочное перевелась...

— Ну, коли все так складно, то и ладно, — засмеялась Нина Семеновна и обняла обеих.

Вскоре она привела Жанну в бригаду:

— Моя невестка... будущая, прошу любить и жаловать, — сказала, лукаво подмигивая подругам, и вывела вокруг засмущавшуюся девушку.

Нина Семеновна тогда и предположить не могла, что ее слова окажутся пророческими и шутка обернется правдой. Но прошло немного времени — и Жанна стала женой Виктора. В бригаде она тоже давно своя.

— Права была Люда: ей наша наука дается легче, чем остальным, — с гордостью отмечает бригадир. — В техникуме не для одной себя учиться, нас всех теоретически подковывает, о новинках в строительном деле рассказывает. По ее настоянию с помощью компрессорных установок механизировали побелку, батареи начали красить «пистолетами». Хорошая мне замена будет, когда время подойдет на пенсию собираться. Хотя и не так скоро, но думать об этом приходится — как-никак уже бабушка.

Да, у этой рабочей династии появилось уже третье поколение: у Людмилы и Николая родился сын, Женя, коренной лангепасец.

В бригаде тоже обновление. Впрочем, это уже стало традицией: передовой коллектив, постоянно лидирующий в тресте, стал не только школой возмужания новичков, но и своеобразным резервом бригадирских кадров. Отсюда то и дело берут на выдвижение отделочниц, прошедших полный курс наук в «университете» Н.С. Сергиенко. Вот недавно Тамаре Ивелашвили поручили возглавить бригаду маляров. В помощь ей дали еще трех опытных работниц. А на их место пришли выпускницы ГПТУ. И Нина Семеновна по-матерински напутствует их:

— Не огорчайтесь, дети, что вначале не все получается быстро. Главное, чтобы люди не поминали нас лихим словом. Старайтесь отделывать комнаты так, как будто вы здесь сами будете жить, как будто готовите подарок маме. А скорость придет со временем.

Потом берет девчужку за руку и вместе водит кистью плавно сверху вниз, повторяя:

— Выработывайте гибкость рук. Они должны быть у вас как у балерины, что танцует партию лебедя...

И ЗИМУ ДЕВЧАТА ПОБЕДИЛИ

Вначале в тресте №37 была одна бригада штукатуров. Работала отменно, никаких проблем не возникало. Но объемы строительства в Лангепасе постоянно увеличивались, и в ноябре 1983 года встал вопрос о создании еще одного такого низового подразделения. Руководить им поставили одного из опытейших штукатуров — Татьяну Ивановну Салову.

— И мы с тобой! — в один голос заявили члены ее звена.

— Боюсь, девочки, хлебнете лиха, — пробовала предостеречь их Татьяна Ивановна, — я никогда людьми не руководила.

— Как так! Нас же шестеро под твоим началом, и в отстающих не числимся.

— Так то звено. Не считается. А вот бригада...Считай, тридцать человек...

— Какая разница? Справишься! Да и мы тебя всегда поддержим. Рассчитывай на нас.

— В зароботке потеряете, пока все на лад не пойдет.

— Ты же этого не боишься. Да и какие могут быть потери? Хуже мы работать не станем. А трудности... Они ведь для того и существуют, чтобы люди крепче на ногах стояли. Сама нас этому учила.

— Спасибо, родные, — обрадовалась Татьяна Ивановна, убедившись, что намерения у подруг самые серьезные. — Давайте тогда сразу брать быка за рога... А чтобы не было соблазна отступить, «сожжем мосты» — замахнемся на то, чтобы... опередить нашу прежнюю бригаду.

Дерзкая идея так захватила всех, что женщины тут же решили уведомить соперниц о своем намерении.

Этот вызов исключал спокойствие и размеренность.

С первых же дней семеро опытейших специалис тов, понимающих друг друга с полуслова, взяли высокий темп. В декабре — две месячные нормы! Выработка в полтора раза выше, чем у соперников! Успех окрылил. В то же время и эйфории не было. Легко побеждать всемером. Это еще не вся бригада. Предстояло в короткий срок увеличить численность втрое. На одного кадрового штукатура придется двое учеников. Вот тогда и начнется «настоящее» соперничество.

Действительно, с приходом новичков положение осложнилось. Надо было не только выполнять план, но и возиться с неумехами, уделять им много времени и внимания, помогать вместе с профессиональными навыками обретаать трудовую закалку.

Первые два месяца 1984 года принесли победу бригаде Саловой. Девчата и дальше рассчитывали на успех — как-никак выполнили задание на 194 процента! Но у соперниц результат оказался еще выше — сделав два с половиной месячных плана, они обеспечили себе успех в марте. В первом квартале — тоже... Зато все остальные победы года были за молодой бригадой.

Как же ей удалось так подняться? Однозначно не ответишь. Тут и высокое профессиональное мастерство наставниц, и то, что с первых дней они стали союзниками и помощниками бригадира, и конечно же, умение Саловой. Девчата так отзываются о Татьяне Ивановне:

— Она учит нас жить по совести. Считает: если у человека развито чувство ответственности, его легче научить хорошо работать

— Мы ее признали, еще когда она была у нас звеньевой. И одобрит, и поддержит, и на помощь придет. Поэтому и пошли за ней в новую бригаду.

— Справедлива. Требовательна ко всем и в первую

очередь к себе.

— Даже в сложных ситуациях не теряется, и её уверенность передается остальным.

А трудностей выпадало немало. Преодолевали их умением и настырностью. Многого делали сверх того, что от них требовалось — и побеждали даже тогда, когда, казалось, нет никаких шансов. Не хватало подъемников — все необходимое на этажи доставляли вручную. Бывали перебои с известью. Без нее раствор быстро терял эластичность и штукатурить было тяжело. Приспособились: протирали раствор через сетку, месили ногами, обутыми в резиновые сапоги, но всё равно работали. Тяжело пришлось зимой: на один из строящихся домов не подвели тепло. Попросили сделать буржуйки из бочек. Организовали дежурство и сутками топили. Бывало, ударит мороз, и штукатурка замерзнет — переделывали. Победили девчата зиму. Именно в те дни родилась частушка:

Ой, сибирская зима,

Не сходи-ка ты с ума.

Все равно не сломишь нас,

Мы построим Ленгепас.

Как они работают! Это надо видеть. И не каждый такую нагрузку выдержит. Устраивался в бригаду парень. Немного поработал — и к начальнику участка: «Не могу! Они даже «перекуров» не признают». Уволился. Девчата лишь посмеялись вслед.

Во всех добрых начинаниях рядом с бригадиром ее верные помощницы, ее верные подруги. Галя Остафий — мастер высшего класса, профорг бригады. Маша Леончик успевает и норму выполнять, и учениц

растить, и в общественных делах участвовать. Много для бригады значат Люда Рябцева и Лида Лучко, Валя Соколова и Лида Хрипун...

А душа коллектива, безусловно, — Татьяна Ивановна. Ее стараниями создается хороший рабочий настрой. Конечно, случаются разногласия, споры, но разрешаются они всегда коллективно, в открытую, и не остается ни у кого невысказанных обид, неулаженных противоречий. Часто для этого достаточно просто поговорить с человеком. И бригадир использует для этого каждую свободную минуту. Любят, особенно самые молодые, ее рассказы о жизни, о себе. Часто пристают с расспросами.

— Теть Тань, а как вы стали строителем?

— Из-за двойки по физике?!

— Росла я в детском доме, в Лиозно, это под Витебском. Привыкла к воспитателям, к подружкам. Но однажды закрыли наш дом на ремонт, а нас распределили по другим домам. На новом месте все для меня было не так, невыносимо хотелось назад.. Вот тогда физика и сыграла свою роль. Этот предмет я любила, а тут вдруг двойку получила. После этого вбила себе в голову: уеду! Хоть куда! Тут как раз объявили набор в Полоцкое строительное училище. Уговорила, чтобы направили и меня.

— Там и полюбили нашу работу?

— Даже немножко раньше. С физикой, конечно, шутка. Это я больше для красного словца. Все было несколько по-другому.

В то послевоенное время всем было несладко. Ребятишкам, даже самым малым, как говорится, от горшка два вершка, приходилось и на поле работать, и самим нехитрую свою одежду латать... А нам троим, оставшимся без родителей, было и того горше. Полегчало, когда меня, сестренку и братишку определили в детский дом. Как ни трудно было, а государство заботилось о сиротах — кормило, одевало, учило. Привыкшие солнышко встречать на ногах, мы и тут находили себе работу, старались в меру своих силенок помогать взрослым. И вот когда начался ремонт, я с несколькими девчужками к отделочникам пристала. Подносили краски, раствор, воду, песок. Иногда нам давали в руки мастерок или малярную кисть. Вы бы посмотрели на нас тогда — такие все были гордые, важные... Крепко западали в память те дни, полюбила я эту работу и стала строителем.

— И сразу все стало получаться?

— Да что вы, девочки! Это только во сне да в сказках все легко дается. Помню, после учебы нас направили на практику в Москву. Вели отделку дома на Ломоносовском проспекте. Как я ни старалась, а выходило

неважно. Бывало, готова уже разреветься, но стыдилась и, сжав зубы, начинала сызнова. А однажды почувствовала ла: получается! Тут уж я взялась основательно. Девчонки на обед, а я съем булочку с мороженым — и за мастерок. А если вижу, что в конце смены раствор остается, подговорю подружку и упрямлю руководителя практики разрешить после работы задержаться. И вот как-то смотрю: красота-то какая! Гладила влажную стену руками. Отойдя на несколько шагов, всматривалась в четкие линии углов и откосов — неужели это я сделала?

— Никогда не жалели, что стали строителем?

— Нет. А вот изменить профессии однажды пыталась. Было это в городе Жодино. До работы долго добираться, а дома — двое малышей. Решила пойти на трикотажную фабрику — она рядом, в обед можно детишек проведать, покормить. Пошла. Но очень быстро пожалела. Целую смену сидишь на одном месте как привязанная! Да и воздуху мне не хватало в закрытом помещении, я будто задыхалась. Нет, это не по мне. Другое дело стройка! Простор, горизонты, дышишь полной грудью. Одним словом, пошла просить своих, чтобы взяли обратно. Нет, думаю, лучше работы строителя не найти.

— А на каких стройках вы побывали?

— Москву называла. Ездила в Тургайскую область — там целинный поселок строили. Ну и больше двадцати годков в Жодино. Теперь вот Лангепас...

Любят девчата своего бригадира. Еще и потому, что видят: каждый человек ей интересен, каждого старается понять. Каждому по-своему помогает: одному делом, другому словом, третьему о человеческом достоинстве напомнит...

Был такой случай. Все звенья, получившие под отделку по этажу, заканчивали задания, кроме одного — работавшего с прохладцей.

— Завтра с утра идем помогать отстающим, — объявила всем Татьяна Ивановна.

Одной этой реплики и хватило. Помощь не понадобилась — проснулось у аугсайдеров самолюбие.

Выполнит кто-то работу лишь бы как — пристыдит: «Мы же красоту создаем, чтобы людям приятно было. Оставим брак — недоброе слово помянут. И не одну тебя — всех нас».

Неопытной покажет, подскажет, подбодрит: «У тебя обязательно получится!»

Как в хорошей семье, девочки после работы стараются побыть вместе. Кому-то надо просто выговориться. В другой раз, за чашкой чая посидеть в торжественный день. Особая дружба у них с песней. Когда в тресте проводился конкурс художественной самодеятельности, бригада подготовила несколько номеров и помогла участку отделочных работ завоевать первое место среди подразделений треста.

...Было это в мае 1985 года. В раздевалку, размахивая газетой, влетела Галя Гаевая:

— Девочки! Нашей Ивановне — орден!

Все потянулись к газете и начали громко, наперебой, читать. «Указ.. Салова Татьяна Ивановна, бригадир... За успехи, достигнутые при строительстве жилых домов в районе Западно -Сибирского нефтегазового комплекса... награждена орденом Дружбы народов».

Радовались так, будто наградили каждую лично. Растроганная Татьяна Ивановна так и сказала:

— Тут заслуга всех девчат.

Это была ее вторая правительственная награда. А первую — медаль «За доблестный труд» — Татьяна Ивановна получила еще в городе Жодино.

СЕМЕЙНЫЙ КЛИМАТ

Комплексная бригада Петра Ивановича Горошко с заданием одиннадцатой пятилетки справилась за три года и семь месяцев. Такие результаты восхищают и вызывают уважение к людям, чьим трудом они достигнуты. Тем более, что эти достижения даются нелегко. Вот и у коллектива Горошко на пути к победе было немало помех и преград: тут и жгучие морозы, и беспощадный гнус, и неритмичные поставки материалов и конструкций, и переброска с места на место «в силу производственной необходимости»... Да мало ли чего неприятного было в избытке, а полезного, необходимого не хватало!

Успеху в значительной мере способствовало то, что бригада комплексная. В ней плотники, бетонщики, каменщики, монтажники. Причем большинство рабочих кроме основной, владеют еще двумя-тремя смежными профессиями. Это часто выручало: не подвезли раствор — брались за монтаж, запоздали железобетонные конструкции —

переключались на деревянные изделия... Если требовалось, шли в тайгу на лесоповал и трелевку. И другим в помощи не отказывали. Вот только один эпизод из десятков подобных.

Приглашает как-то к себе бригадира начальник управления:

— Тут такое дело, Петр Иванович. По разным причинам, от нас не зависящим, много пусковых объектов сбежалось на конец года. Отделочникам самим не управиться. Надо бы подсобить.

Бригадир не спорит:

— О чем речь! С превеликим удовольствием! Мы все даже во сне видим, как бы побыстрее в лекарей или пекарей переквалифицироваться. А стать штукатурами или малярами — вообще предел мечтаний.

— А если без шуточек?

— Без них мы, как рыба без плавников или белка без меха. А если серьезно, то лишних рук у нас нет — все заняты, сами знаете. Но объекты надо сдавать, это тоже факт. У отделочников маловато сил, не успевают. И не успеют. Иначе вы бы не стали нас тревожить — тоже ясно. Значит, выручим. Само собой.

И выручили. В бригаде нашлись рабочие, умеющие квалифицированно выполнять отделочные операции. Они и были брошены на «прорыв». А их нагрузку взяли на себя остальные. Таким образом и смежникам оказали подмогу, и на своей площадке не допустили отставания.

Бригада Петра Горошко трудилась в Лангепасе на многих объектах — жилых домах, овощехранилищах, гостинице, центральной котельной... И нигде не было срывов. Любое задание, считает Петр Иванович (и убедительно доказывает это на практике), можно выполнить своевременно или досрочно, но никак не с опозданием. Для этого следует поработать не только руками, но и обязательно головой, даже если имеешь дело всего-на-всего с ломом или лопатой.

Бригадир отлично знает, кто на что способен, где кого поставить, чтобы достичь максимального эффекта.

Вот недавно пришли в коллектив отец и сын Гороховы. Горохов-старший с первых же шагов стал делать все, даже мелочи, очень тщательно, доводя до высокой «кондиции». Кто-то даже бросил однажды реплику:

— Ну скажи, ради бога, зачем ты лоск наводишь в этой темной кладовке? Молотку или ватнику как-то все равно, где лежать или висеть.

— Зато людям это небезразлично.

— Но ведь сюда они будут заглядывать на минуту раз в неделю, а то и в месяц.

— погоди, не суетись, — остановил «задиру» бригадир. — Это здорово, когда человек все мастерит основательно, как на выставку. Только грешно его ставить на устройство перегородок в подвале или поручать делать подмости, которые через день-два уже никому не понадобятся. Он должен заниматься тем, что на виду у всех, что требует повышенного внимания. Спасибо, что навел на мысль. Нам предстоит Домом культуры заняться. Вот мы и пошлем туда нашего умельца с двумя-тремя помощниками.

Можно назвать еще немало подобных примеров, раскрывающих в какой-то мере технологию успеха. Но все они характеризуют отдельные детали, служащие отличным дополнением к главному. Основной же производительной силой, обеспечивающей трудовые победы бригады, являются, судя по всему, взаимоотношения в коллективе, его микроклимат.

— Я до этого шесть лет проработал на БАМе, — говорит Николай Бутко, — много повидал хороших бригад. Но эта особенная. В ней как-то легко дышится, полной грудью. Как бы ни складывались обстоятельства, здесь никогда не бывает уныния. Заводила во всем бригадир. Мы еще никогда не видели его с унылой физиономией. Сам не любит раскисать и всех приучил настраивать ДРУГ Друга на веселую волну. А знаете, как здорово работается, когда хорошее настроение!

Между прочим, Николай почти слово в слово повторил мне то, о чем недавно пришлось услышать от бригадира. Горошко убежден, что эмоциональная приподнятость, настрой людей — основа основ любого успеха. Умение, высокий профессионализм, взаимовыручка, самоотверженность, считает он, рождаются, крепнут и становятся привычной повседневностью лишь там, где царят бодрый дух и приподнятое, радостное настроение. Тут своего рода замкнутый круг: плодотворный труд приносит удовольствие, которое в свою очередь дает заряд для новых поисков, нового творчества.

Нетрудно заметить, что в бригаде ценится острота, шутка, в ходу веселые безобидные розыгрыши — и вовсе не услышишь окриков, перебранок, не говоря уже о ссорах. Все дела делаются, проблемы решаются как бы играючи, «по-свойски». И в то же время — в коллективе строжайшая дисциплина, высокое чувство ответственности. Сибирь — не место для разболтанности, считает Петр Иванович, и его всецело поддерживает бригада. Помогать неопытному, показывать, объяснять незнающему — пожалуйста, все согласны. А вот если лентяй, забуддыга, охотник сделать поменьше, а урвать побольше, то уж извини. «Ты не

младенец, а мы тебе не няньки», — скажет бригадир, и это будет последним предупреждением, после которого, если нарушение повторится, любителю «легкой жизни» устроят шумные, но отнюдь не торжественные проводы. Такой случай был, правда, единственный. Однако и его оказалось достаточно, чтобы о коллективе пошел слух: «Там мужики серьезные». Поэтому в бригаду просят те, кто безоговорочно приемлет ее правило: «Деньги зарабатывать честно». Эта установка идет от бригадира, его жизненной

позиции.

— Я не за длинным рублем сюда ехал. Не ставил себе целью: мол, поработаю годик-другой, соберу на машину и назад. Хочу посмотреть, чего стою в суровых условиях. И когда возвращусь в Минск, не сберегательную, а трудовую книжку буду показывать знакомым. Пусть знают, что я на такой стройке плотником работал, именно плотником! Конечно, заработок никто со счетов не сбрасывает. Большая зарплата — престижно. Значит, хорошо поработали. В дни закрытия нарядов в отдел

труда прибегают из других бригад: «А сколько Горошко закрыл? Опять больше?» Мои ребята довольны, и я доволен.

Когда слушаешь Петра Ивановича и видишь, как он ведет дело, как тянутся к нему люди, невольно думаешь: это прирожденный лидер! Но сам Горошко считает, что стал, по его выражению, «сержантом» на стройке по стечению обстоятельств. Вот его рассказ об этом.

— 22 года проработал в Минске, в институте «Оргтехстрой». Прошагал все ступеньки от лаборанта до ведущего специалиста. Мне было интересно там работать! Но когда предложили в Сибирь поехать, отказываться не стал. Это еще интереснее — целый город с нуля возводить! Летел в Нижневартовск вместе с ребятами из бригады Минковского. Познакомились. Напросился к ним в плотники. Этим ремеслом владею неплохо. Впечатления о своем первом рабочем дне в Лангепасе не забуду никогда. Бригаду направили на лесоповал. Теперь-то я знаю, что это самый тяжелый труд, особенно зимой. Правда, тогда был май. До обеда шел мокрый снег, а потом приморозило, одежда покрылась коркой льда. Передвигались, как космонавты в скафандрах. Валим деревья, но оказывается, их еще и относить надо. Трелевочника не было. Имел я тогда сто два килограмма весу. При такой массе передвигаться по болоту даже порожняком — проблема. А тут с тяжелой ношей. Через час уже ног не чувствую, пот градом, голова крутом. Гляжу на хлопцев. Они, хоть и тренированные, но тоже шатаются. Ну, я, чтобы подбодрить и себя, и их, говорю этак небрежно (хоть и заплетающимся языком): «Что это вы, братцы, в заблуждение меня вводили? Обещали жаркую работу, а тут замерзнуть можно. Вместо солидного груза жердочки таскать приходится.»

Переглянулись ребята, засмеялись. «Ладно, — говорит старшой, — перекур на пятнадцать минут». Это он понял мое состояние и, чтобы я мог отдышаться, объявил перерыв.

Приезжает вскоре бригадир из отпуска. Ему ребята рассказывают: мол, взяли новенького. «Ну и как?» — спрашивает. Я стою чуть в стороне, уши наострил. «Нормально, — отвечают, — Под вершину не норовит, а комель на плечи взваливает и не киснет». Почувствовал, что приняли меня. Через полгода собрался бригадир уезжать в Белоруссию. Подходит ко мне и огорошивает: «Народ хочет, чтобы ты принял бригаду». Я страшно удивился, но, конечно, и обрадовался. А он продолжает: «Постарайся остаться таким, какой ты есть — жизнелю бом. Люди охотнее пойдут с веселым в пекло, чем с нудным в рай». Ну, вот и держу марку.

Время показало, что Горошко «держит марку» очень даже неплохо. Впрочем, это, пожалуй, — не стоило ему особых усилий. Он такой по натуре — добряк, балагур, весельчак и в то же время человек дела, долга. Благодаря своим качествам Петр Иванович — непререкаемый авторитет в бригаде. Он — как глава крепкой большой семьи. Такое сравнение правомерно, потому что в руководимой им бригаде на самом деле сильно чувствуется духовное родство, «семейный климат». Даже в неурочное время все частенько собираются вместе — в клубе, спортзале, на лыжне, в бане... Да, баня для них — своеобразный ритуал. Любят мужики после смены крепко попариться, посидеть по-сибирски за самоваром, поговорить не торопясь. Потом кто-нибудь Парфелюку: «Гриша, баян!» Тот охотно берется за инструмент. Следуют заявки. Поют все. Парфелюка сменяют Ярош, Горохов — тоже владеют баяном.

— А еще, — вспоминает бригадир, — был у нас в бригаде отличный мужик Петя Лукьяненко. Уехал. Жена приболела. Он Маяковского любил, шпарил стихи наизусть целыми страницами. Иногда я Есенина что-нибудь прочту, а он еще и Блока. И сам стихи писал. На каждое торжество — обязательно. Или кто-то уезжает — на память стихотворный экспромт сочинит. Часто о нем вспоминаем.

У ребят в бригаде Петра Горошко (и, наверное, это не случайно) нет пустого времяпрепровождения. Григорий Парфелюк — участник художественной самодеятельности треста, а еще в конкурсе вокалистов второе место занял. Валерий Реентович все время что-то мастерит, паяет, заодно и бригадные бензопилы ремонтирует. Молодые ребята Сосновский, Беляев — отличные лыжники, на районных соревнованиях выступали за первую сборную города. Игорь Горохов — борец, выполнил норматив кандидата в мастера спорта.

Разные люди в бригаде — по характеру, возрасту, образованию, стажу работы. Но между ними крепкая внутренняя связь, обусловленная

общностью взглядов на жизнь, пониманием своей роли на этой стройке. Так группа людей становится коллективом, той социальной ячейкой общества, где происходит становление личности, шлифуется ее нравственное совершенство.

— Костяк бригады у нас, можно сказать, постоянный. Но есть и новички, недавно пришедшие на стройку. Они приобретают опыт, акклиматизируются. Но главное схватили на лету, — завершает свой рассказ Петр Иванович. — Недавно валили тайгу под третий микрорайон, в дождь, слякоть, по пояс в болоте. И никто не отказался, не раскис. А когда начали поваленные деревья складывать в штабеля, каждый норовил за комель взяться, там, где потяжелее...

ЧЕЛОВЕК МНОГОЕ МОЖЕТ

Стояло мрачное осеннее утро. Лишь изредка сквозь густые серые тучи пробивались робкие лучи солнца. И сразу же золотом вспыхивали листья на березах. Ветер раскачивал деревья, свистел над площадкой. Но подъемный автокран работал четко. Секунда, другая — и очередной грузовик, заполненный поддонами с кирпичом, скрывается в лесу за поворотом.

— Virtuoz! — восхищенно произнес сопровождавший нас инженер. Было видно, что ему приятно давать такую оценку работе крановщика.

Вот уж кто действительно заслужил славу. Я это к тому, что парень справедливо награжден орденом Трудовой Славы III степени. Ему всегда поручают самую ответственную работу: — А разве тут сама горячая точка? — удивился я.

Еще бы! Трест №37 работает на привозных материалах. Все доставляется из Белоруссии: и кирпич, и панели для домов, и металлоконструкции. На станцию Лангепас ежедневно приходит по несколько составов для стройки. Замешкался крановщик — задержка поставок, срывы на объекте. Потому-то и работает сегодня тут Валерий Конухов. У него заминки исключены, постоянно опережает график.

...Вырос Валерий Конухов в семье фронтовика. Его отец, кавалер восемнадцати правительственных наград, был морским десантником. Участвовал в обороне острова Котлин, взятии Кенигсберга. Пареньку часто приходилось слушать его интересные воспоминания о подвигах балтийцев, о том, как они находили выход из самых безвыходных положений. Он восхищался, а когда подрос, нередко задавался вопросом: а смог бы я выдержать такие испытания?

Армейская служба была относительно спокойной. И потом все шло как-то гладко. Сняв солдатскую форму, поступил в Кричевское ПТУ, получил профессию крановщика, затем трудился в этом же училище мастером производственного обучения.

О Лангепасе прочитал в газете. Автор статьи не приукрашивал трудных сибирских условий, и, может быть, именно это задело Валерия, как говорится, за живое. Жена, каменщик по профессии, охотно согласилась с предложением мужа поехать на строительство белорусского города в Сибири. Взяв с собой маленькую дочурку, Конуховы уже через несколько дней отправились в Лангепас.

Кадровик долго рассматривал документы Конухова, потом сказал:

— Это хорошо, что детишек учил... Ну, а как с практикой?

— Приходилось работать, но не так уж много.

— Тогда вот что: пошлем тебя напарником к Леониду Михайловичу Лагуну. Он поможет тебе быстрее освоиться.

Валерию всегда везло на хороших людей. И в армии и в профтехучилище. Повезло и на этот раз, свела судьба с Л.М. Лагуном.

— Я сразу же залюбовался его работой, — вспоминает Валерий, — он быстро перешел из одной кабины в другую, установил стрелу на нужную высоту и тут жестропальщик зацепил груз. Секунда, другая — и поддон с кирпичом оторвался от земли, взлетел вверх. Прочертив в воздухе радиус, без скачков, плавно опустился в кузов машины. Ни одного лишнего движения, все операции слились воедино. Завидно стало и боязно: куда мне? Но Леонид Михайлович верил в меня и помогал. С первого дня Лагун стал раскрывать напарнику все свои секреты. Рассказывал, как рассчитывать положение стрелы, как поднимать, как принаравливать к тому или иному грузу. Часто повторял: «Машина любит ласку, техуход да смазку... Потому — никогда не ленись проверить перед сменой все агрегаты. Где надо — гайки подтянуть, где надо — масличка подлить. Ухоженный кран никогда тебя не подведет».

Валерий исправно следовал советам наставника. Если было что-то не ясно, немного отдохнув, отправлялся на стройплощадку. Чтобы поработать вместе с Лагуном. По вечерам перечитывал специальную литературу. Прошел месяц, другой, многое у Конухова уже получалось не хуже, чем у наставника. На каждой операции он научился экономить время. В результате, — перевыполнение сменных норм.

Но не только профессиональные приемы перенял Валерий у своего старшего товарища. Творчески мыслить, узнать все возможности машины научил его наставник. «Пусть это сегодня не нужно, но когда-нибудь то, что знаешь и умеешь, обязательно пригодится в жизни», — повторял он не раз.

Вскоре Валерий убедился в справедливости этих слов. В начале 1983 года его направили на строительство школы. Занимался своим обычным делом: сгружал стеновые материалы, конструкции. Однажды вечером бригадир Виктор Григорьевич Мамаев и старший прораб Владимир Михайлович Асеев позвали его из вагончика. Лица у обоих были озабоченные.

— Понимаешь, Валерий, тут такое дело: нет у нас на этой стройке башенного крана. И еще месяца два не предвидится, — сказал Асеев. — А останавливать работы нельзя. Школа нужна к первому сентября. Надо попытаться вести монтаж твоим краном.

Валерий вспомнил рассказ наставника о подобной ситуации на одной из строек Белоруссии. Было такое в практике Лагуна: удлинил стрелу — и автокран заменил башенный. Вспомнив, сказал уверенно:

— Конечно, можно и так. Но прежде надо сделать расчеты.

Расчеты они делали вместе: инженер и рабочий. А уже через несколько дней трестовские умельцы изготовили вставку.

Стройка не замерла. Изменившийся до неузнаваемости автокран со стрелой, ставшей на четырнадцать метров длиннее, днем и ночью поднимал и монтировал конструкции. Два месяца Конухов со своим напарником выручали строителей, пока не пришел из Белоруссии башенный кран. Когда в конце августа школа вступила в эксплуатацию, многим рабочим треста объявили благодарность. Первым в их числе был Валерий Конухов.

С тех пор повелось: где надо выполнить сложную работу — приглашают Валерия. Особенно запомнилось строительство пожарного депо. По ряду причин здесь не могли использовать башенный кран. И опять обратились к Валерию: «Выручай». Снова удлинит стрелу. Теперь вставка была уже семнадцатиметровой. Работал крановщик с большим напряжением, но не роптал.

Позже, вспоминая те времена, Валерий скажет:

— Я рад, что приехал в Лангепас. Здесь стал настоящим специалистом, здесь понял: многое может человек. А еще этот город стал для меня школой товарищества, общественной работы.

И тут сыграл свою роль пример наставника. Являясь профсоюзным активистом, участником самодеятельности, Лагун еще в первые дни работы Валерия в Лангепасе вовлек его в спортивную секцию. Валерий с детских лет занимался борьбой и сейчас в этом виде обогнал многих. Оказавшись сильнее других, Валерий стал по сути вторым тренером в секции. Сдружился с ребятами. Целеустремленный, умеющий довести начатое дело до конца, Конухов понравился комсомольцам, и они избрали его своим вожаком.

Во многом благодаря его умению, энергии комсомольская организация управления механизации стала одной из лучших в тресте. Она выступила инициатором проведения субботников по благоустройству Лангепаса. Заработанные средства ребята перечислили в фонд мира. Большая часть оперативного отряда «Дзержинец» — молодые механизаторы. Они многое делают для укрепления общественного порядка в городе, шефствуют над трудными подростками.

В управлении боевой «Комсомольский прожектор». Вместе с членами группы народного контроля он проводит рейды, направленные против бесхозяйственности, растративания государственных средств. Результаты рейдов отражаются, как правило, в фотогазетах.

Валерий Конухов частый гость в местной школе-десятилетке. Комсомольская организация управления шефствует над пятиклассниками.

Спрашиваю Валерия о его дальнейших планах. — В ближайшие пять лет собираюсь поработать в Лангепасе. Хочется увидеть, каким он будет, наш белорусский город в Сибири. Ну, а потом, наверное, вернусь в свое профтехучилище, учить ребят. Думаю, что теперь это у меня будет получаться гораздо лучше, чем прежде...

ЧАРОДЕЙ ЭТОТ СЛЕСАРЬ

Это мы еще с детства знаем, что «не сама машина ходит»... Малая строительная техника в этом отношении не исключение. И бетономешалки, и растворонасосы, и шлифовальные агрегаты, и аппараты для обстругивания полов — нуждаются в человеческих руках, человеческой заботе.

Этим хозяйством в отделочном управлении ведает слесарь СВ. Чергинец. Начальник строительного управления №258 Василий Павлович Пырко дал ему такую аттестацию:

— Порой кажется, уже не вернуть к жизни ту или иную машину: как говорится, довели до ручки. Но поколдует Сергей Васильевич часок-другой — и опять она в работе. Чародей, да и только!

— Ничего особенного, — пожимает плечами Сергей Васильевич. — Просто люблю пораскинуть мозгами да поработать руками.

Это у него с детства. Тогда, в годы военного лихолетья, детишкам не с чем было играть — стране было не до игрушек. Их мастерили сами ребяташки. У Сережи получались самые красивые.

— У тебя умелые руки, сынок, — сказал как-то пареньку сосед, работавший в артели «Красный металлист» в Минске. — Подрастешь — приходи к нам.

В пятнадцать лет, после семилетки, стал Сергей учеником слесаря той самой артели. Она выпускала велосипеды, коляски, санки, детские кроватки. Сначала новичку поручили делать самые простые детали — полозья для санок. Освоил дело быстро, стал даже взрослых обгонять в работе.

— Теперь можно тебя переводить и на велосипедный участок, — сказал начальник цеха.

За три года научился изготавливать все детали велосипеда, получил самый высокий разряд.

Пришла пора армейской службы. Зачислили в артиллерию. Участвуя в ремонте сложной техники, рядовой Чергинец приобрел дополнительные навыки. Когда вернулся в Минск, изготовление велосипедов показалось делом слишком простым и легким. Поэтому, поработав недолго на прежнем месте, перешел на станкостроительный завод.

С присущим ему рвением взялся за новое дело. Старание и способности парня заметили быстро: поручили собирать экспериментальные станки. А через два года выдвинули мастером.

— В этой должности проработал четыре года, — вспоминает Сергей Васильевич. — не могу сказать, что не получалось. Люди уважали. Но все-таки тянуло к станку. При первой же возможности перешел на часовой завод, на участок малых серий.

Тут Чергинец стал слесарем широкого профиля и быстро завоевал авторитет. И почет, и зарплата приличная... Но вот в 1982 году случайно встретил старого знакомого, который работал на строительстве Лангепаса.

Он так увлеченно рассказывал о Сибири, о земляках, уехавших на север, что Сергей Васильевич был готов хоть прямо сейчас лететь туда. Но...

— Жаль — специальность у меня сугубо заводская. А стройка — не завод, — вздохнул он.

— Ты стройку плохо знаешь. Там все профессии нужны. И слесари тоже. Нам требуется, кстати, опытный специалист по уходу за малой механизацией.

— Ну, тогда ждите меня в Лангепасе...

Так он оказался в специализированном управлении №258 треста №37, участвующем в освоении Тюменского края.

Первый вызов новый «лекарь техники» получил из бригады отделочниц.

Где тут ваша малая механизация? — спросил у девушки, которая набирала в ведро раствор.

— Вон там, — показала она на костер, где кипел котел с густой черной массой.

— Смеешься?

— Какие уж тут шутки. Смастерил бы нам что-нибудь такое, удобоваримое для варки клея. А то приходится костры жечь.

— Хорошо, подумаю.

Прошло совсем немного времени и новый слесарь опять появился в бригаде отделочниц.

— Принимайте заказ, — и он поставил на пол компактное, аккуратно сработанное устройство для приготовления клеевых масс.

— Он и правда сделал! — удивилась та девушка. — У нас раньше слесари таким не занимались. Ну, спасибо...

Теперь женщинам для того чтобы сварить клей, не надо было разводить костер. Новым устройством с электрическим подогревом можно пользоваться в вагончике.

Слава об умельце быстро разнеслась по управлению. К нему зачастили представители разных бригад. У кого-то агрегат вышел из строя, кто-то

хочет какое-то приспособление сделать. И никому слесарь не отказывал, хотя приходилось порой и часы от отдыха отрывать.

— За короткий срок Чергинец привел в порядок все оборудование, — рассказывает В.П. Пырко, — придумал множество усовершенствований.

Может после этого работы у слесаря поубавилось?

Нисколько! Ведь нет предела совершенству. К тому же Чергинец из тех людей, которые не сидят сложа руки ни при каких обстоятельствах.

Не раз наблюдал Сергей Васильевич, как «мучились» строители с краном типа «Пионер», который они использовали из-за нехватки лебедок. Один рабочий внизу закреплял груз, второй принимал на какой-нибудь из этажей, а третий находился на крыше у пульта управления. Верхний не видел, как перемещается груз, а «информация» снизу до него доходила в искаженном виде, что порой приводило к ненужным остановкам. К тому же для перемещения «Пионера» с крыши одного подъезда на крышу другого требовался башенный кран. А если он уже демонтирован?

Не смог умелец глядеть на такое. Долгими зимними вечерами корпел над книгами, чертежами, не раз советовался с инженерами. И превратился кран «Пионер» его стараниями в лебедку. На крыше осталась только консоль. Двигатель и пульт управления — внизу, установлены на санях. Обслуживают такой агрегат двое: один цепляет груз, другой принимает. Перестановка лебедки, скажем, к другой секции здания, занимает всего полчаса. Применение только одного такого агрегата позволяет экономить более трех тысяч рублей в год.

Усовершенствовал он и лебедку. А в голове уже новые задумки.

— Пока еще довольно трудоемок процесс герметизации швов между панелями зданий, — говорит Сергей Васильевич. — Мастику приходится закладывать вручную. Сейчас думаю над тем, как механизировать этот процесс.

Свою новаторскую деятельность Чергинец считает «делом для души» и посвящает ей немалую часть своего личного времени. Это после того, как выполнит другую, так называемую черновую работу. Ведь надо и ремонтировать агрегаты, и готовить для них запчасти, и обкатывать новые механизмы. Последнее, на первый взгляд, кажется несложным. Но это только на первый взгляд.

— Недавно запускали в работу мозаично-шлифовальную машину, — рассказывает Сергей Васильевич. — Буквально в последний момент выяснилось, что нет шлифовальных кругов. Начали подгонять куски

абразива. Но закрепить их не удалось. Тогда пришлось переделывать держатели. На это ушло несколько дней. Машину все-таки запустили. Действует исправно.

— Что бы ни делал Сергей Васильевич — везде проявляет смекалку, во всем чувствуется его творческий подход.

Как-то создалось трудное положение с окраской зданий. Начальник управления обратился к Чергинцу.

— Надо что-то придумать для повышения производительности труда маляров.

— Пожалуй, следует их освободить от перестановки люлек, — сказал, подумав, мастер.

Так и сделали. Эту операцию взяли на себя слесари. В результате маляры стали выполнять сменные нормы на 140-150 процентов и смогли за короткий срок наверстать упущенное.

Обычно почетом и уважением в строительных организациях окружают представителей основных, «титульных» профессий. И нередко не замечают тех, кто занят «второстепенной» работой. В том числе и слесарей. Но любые традиции и создаются, и изменяются людьми. Сергей Васильевич Чергинец — один из самых уважаемых работников в своем управлении. Одним из первых он награжден медалью «За трудовое отличие». Его имя занесено в Книгу Почета треста.

КАК ПЕСНЯ

Вроде бы все у нас сделано для того, чтобы каждый человек жил активной жизнью, с творческим взлетом. Ведь никому на роду не написано выполнять работу спустя рукава, ходить в середнячках, а то и в отстающих. А многие так живут. Почему? Другие же становятся мастерами своего дела, о которых испокон веков на Руси идет добрая слава. И сегодня профессиональное мастерство вызывает у нас уважение и восхищение. И никогда это не зависело и не зависит от популярности профессии. Неважно, кем работает Мастер — печником, сапожником, бондарем, кузнецом, каменщиком...

Не знаю, как трактует наука такое явление, как деление людей на мастеров и немастеров, поэтому приведу пример из литературы. У Павла Бажова есть сказ «Живинка в деле». Его герой Тимоха, сменив много профессий, вдруг навсегда «застрял в углежогах», чему и сам страшно удивился. А обучавший его этому ремеслу дед Нефед дал на сей счет свое

философское толкование: «Теперь, брат, никуда не уйдешь! Поймала тебя живинка... Она, понимаешь, во всяком деле есть, впереди мастерства бежит и человека за собой тянет».

Вспомнился мне этот сказ, когда однажды судьба свела меня с мастером своего дела, стекольщиком Михаилом Иосифовичем Кучинским. И биография у него не исключительная, и дело вроде бы будничное — не космонавт и не испытатель, а несет этот человек в себе какой-то притягательный свет жизни. Только познакомившись с ним поближе, я определил, что и его, как того героя сказа, поймала живинка, да на всю жизнь. Чтобы проследить, когда это произошло, вернемся в его, Михаила Кучинского, детство.

...Родился Миша в небольшой белорусской деревушке в Могилевской области. Отец погиб в первые же дни войны. Не вынесла горя потери мать — и тоже ушла из жизни. Мальчика забрала тетка Сабина. Имея на руках своих двоих детишек, она приютила еще девять малышей. Нетрудно представить, сколько невзгод выпало на долю этой женщины и ее питомцев! Выдюжили.

С малых лет мечтал Миша стать шофером. Верхом блаженства была редкая возможность прокатиться в кузове пыльной, грохочущей по проселку полутурки. Но вот вернулся из партизан дядя — Александр Степанович Новаковский. Вместе с оставшимися в живых мужиками начал отстраивать разрушенную войной деревню. Работа строителей будила в мальчонке состояние глубокого душевного беспокойства, любопытства и восхищения. Помогая дяде, Михаил впитывал и его увлеченность строительным делом, которая уже тогда предвещала призвание.

— Дядя многое умел, — вспоминает Кучинский, — все делал охотно, от души и обязательно с творческой искоркой. Любил повторять: работа стремится отобрать у человека побольше сил, нервов и времени. А ты не хватайся за нее сторяча. Хорошенько присмотришься, с какой стороны к ней лучше подступиться, чтобы легче справиться. Тогда радости успеха будет больше, чем усталости. Конечно, глубокий смысл этих слов дошел до меня значительно позже, когда я понял, что есть особая красота — красота творческого труда.

Миша по мере сил помогал семье: и в колхозе трудодни зарабатывал, и дома по хозяйству успевал. Но самой горячей мечтой было поскорее начать трудиться «по-взрослому», полностью перейти на «свой хлеб», не висеть грузом на шее у родных. И потому, закончив восемь классов, заявил: В школу больше не пойду — буду работать. Немалых трудов стоило родным уговорить парня поступить в ремесленное училище.

— Члены приемной комиссии спрашивают меня, — вспоминает Михаил Иосифович. — Что умеешь делать? — Пилить, — отвечаю, — топор наточить. Вижу не произвел впечатления. Тогда, как спасительные, выпаливаю слова: стекло могу резать! — А ну покажи.

Достает Михаил из кармана свой стеклорез и вмиг раскраивает на полоски кусок стекла. Сделано это было настолько артистически, что педагоги, имевшие многолетний опыт обучения этому ремеслу, были восхищены. Попытались повторить — ни у кого не вышло. Правда, им было невдомек, что инструмент-то с секретом. Дядьков алмаз имел режущую грань где-то сбоку, поэтому человек, взявший его в руки впервые, ничего сделать не мог. Но, тем не менее, на паренька посмотрели с уважением и в училище он был принят.

— Более всего благодарен судьбе за то, что всегда окружали меня хорошие люди, — делится своими мыслями Михаил Иосифович. — С любовью вспоминаю педагогов училища, которые с большим терпением и тактом обучали меня искусству строителя. В Минске, куда меня направили после учебы, моим наставником стал бригадир Анатолий Тарасевич, человек, влюбленный в свою профессию. «Работа, Миша, как песня, — говорил он, — должна от сердца идти. А если сердце молчит, то кричи — не кричи, песни не будет».

Чтоб хорошо исполнить песню, надо много над собой работать. И Михаил отрабатывал движения до автоматизма. Стоя на лестнице, не имея возможности сместиться в сторону, нужно было одинаково быстро накладывать замазку на вставленные стекла не только правой, но и левой рукой. Последнее давалось очень трудно. Два месяца напряженных тренировок, не только в рабочие часы, но и после смены, по локоть в замазке. Наконец работа покорилась. Михаил же навсегда остался благодарен чуткому и доброму старшему товарищу, который учил выдержке и терпению, умению преодолевать минутную слабость.

Во время службы в армии осуществилась и вторая мечта Кучинского: он стал водителем первого класса, а вдобавок и машинистом автокрана шестого разряда. Только на минских стройках ждали Михаила — стекольщика. И он вернулся в свое управление к старым друзьям по работе.

Через несколько лет Кучинскому вручили заграничный паспорт. Могучий «ТУ» взял курс на Улан-Батор. Нет, не туристом летел туда Михаил Иосифович, а как лучший специалист, инструктор-стекольщик, передавать монгольским строителям тонкости своей профессии.

Из трех с половиной лет, которые он должен был отработать по контракту в этой стране, инструктором пробыл всего полгода. Его ученики, замороженно смотревшие на работу своего наставника, с невиданным

рвением взялись осваивать секреты мастерства, оставались после работы и тренировались, тренировались... Вскоре они в совершенстве овладели мастерством стекольщика и в помощи учителя уже не нуждались. Кучинский же сел за рычаги автокрана. О его ударном труде крановщика говорят награды дружественной Монголии.

И снова родной Минск. Улицы, микрорайоны, предприятия: Степянка, Слепянка, Заводской район, «Интеграл», подшипниковый, мотовелозавод — вот далеко не полный перечень адресов-новостроек, в которых участвовал Михаил Кучинский.

А через восемь лет снова позвала дорога. Белорусским строителям, возводящим Лангепас, нужны были водители. Знакомые пригласили Михаила. Только недолго ему пришлось пребывать в этом качестве. Как-то управляющий трестом спросил Михаила Иосифовича, не родственником ли ему приходится знаменитый минский стекольщик Кучинский?

— Нет, — отвечает, — не родственник. Это я сам.

В то время в тресте резку стекла выполняли в неподходящих для этого условиях — прямо на объектах. Делу сопутствовали низкая производительность труда, большой процент брака. При возросших объемах строительства это стало тормозом в работе треста. Нужен был стекольный цех. И вот, наконец, нашелся специалист, который мог с этой задачей справиться.

Под будущий цех Кучинскому отвели часть дощатого неотапливаемого склада. Закипела работа: сам утеплил помещение, сам выполнил разводку системы отопления. Для доставки в цех контейнеров со стеклом сам проложил рельсы, изготовил тележку. Колеса ее выточил из списанных катков трактора. Сам изготовил стеллажи, кассеты для готовых стекол... Свою конструкцию стеклореза он начал отрабатывать давно. Нашел не сразу: были пробы, неудачи, снова пробы, снова неудачи.

Жизненная позиция Кучинского: взялся за дело — выполни наилучшим образом. Как говорят, в лепешку разбейся, а своего добейся. Просто не умел он работать вполсилы, да и совесть не позволяла делать полшага там, где нужен полный шаг. Сутками не выходил Михаил Иосифович из строящегося цеха, пока все не было сделано так, как он задумал.

Недавно стекольный цех переехал в новое капитальное помещение. И снова все оборудование в нем Кучинский сделал или установил своими руками. Недаром говорят, что у человека на земле столько дел, сколько он сам на себя берет.

Работает Кучинский вдвоем с женой. Здесь, в Лангепасе, обучил ее своему мастерству — образовался семейный производственный дуэт. Вот уже несколько лет Кучинские постоянно лидируют в соревновании среди звеньев треста. Из года в год растет у них производительность труда. В текущей пятилетке вдвое возросли объемы строительства. Соответственно растет производственная программа Кучинских. За счет чего же они ее выполняют? Во-первых, рабочие движения у них отработаны до автоматизма. Во-вторых, находят резервы и во внедрении различных приспособлений. Например, на все ходовые размеры стекол изготовлены шаблоны — экономится время на измерениях. Природа ведь одарила Кучинского не только золотыми руками, но и светлой головой. В-третьих, Кучинский — рачительный хозяин. Ни одного кусочка стекла не выбросит, если увидит, что его можно пустить в дело. Так, узкие полоски стекла решил собирать и отправлять на минские стройки для устройства мозаичных полов. А потом мозаичные полы научились делать и в Лангепасе.

Для Михаила Иосифовича рабочая совесть — понятие многогранное. Это не только его мастерство на производстве, но и ярко выраженные общественные, гражданские качества, постоянная заряженность на любое благородное дело. Нередко мы встречаемся со случаями, когда человек рассуждает таким образом: «Я свою работу сделал добросовестно. Какие ко мне претензии? А что касается других дел, так пусть у начальства голова болит». Кучинский же относится к категории людей, которые воспринимают жизнь страны как что-то свое. И это естественно. Без такого вот личностного отношения все кругом становится для человека ничейным. А за ничейное волноваться не будешь. Сам же Михаил Иосифович по этому поводу как-то сказал:

— Человек живет среди людей. Так или иначе с ними связан. Не представляю, как можно жить только своими интересами.

Много общественных забот у Кучинского. Он и народный контролер, и наставник. Относится ко всем этим обязанностям с присущей ему щепетильной ответственностью. Начальник управления В.К. Коломиец сказал о нем:

— У Кучинского голова инженера и руки мастерового. Но и руками, и головой верховодит совесть, которая у него, по-моему, ни разу в жизни не только не уснула, а даже не задремала. Я сам как-то наблюдал такой случай. Идет Кучинский по территории прирельсового склада. Увидел, как паренек бросил из вагона ящик, да так небрежно, что из него содержимое посыпалось. Посуровели глаза у Михаила. Не знаю, что он сказал тому пареньку, только тот почувствовал себя довольно неловко. Слышу: — Дядя Миша, я все понял. Рядовой, на первый взгляд, случай на самом деле говорит о многом. Для неравнодушного человека нет мелочей...

Вот уже тридцать лет М.И. Кучинский с честью носит гордое имя рабочего. За это время воспитал сотни учеников. Главное звено его педагогики — личный пример, причем во всем. А еще он убеждает своих питомцев верить в их высокую миссию:

— Рабочий не тот, кто надел спецовку, а кто сознательно движет наше общество вперед. Не забывайте, что нас зовут «атакующий класс».

И сейчас Михаил Иосифович в окружении молодежи. Несколько раз в неделю к нему в цех приходят школьники. И он не только учит их всему, что умеет, но и отдает им весь жар своего сердца. Он, Кучинский — щедрый человек.

ПРИВЫЧНОЙ МЕРКОЙ НЕ ИЗМЕРИТЬ

Леонид Александрович Новогран засиделся в тот вечер допоздна, углубившись в бумаги и в свои не очень веселые думы. Что ни задача, то со многими неизвестными, что ни шаг, то в почти неизведанное. Впрочем, к чему оправдания? Выход всегда есть. Всего-то и дела сейчас: техники бы чуток, да материалов по потребности, да поставок без перебоев, да к суткам еще хотя бы минуток шестьсот...

В приемной стукнула дверь и закрипели половицы. Жавнерко, — по грузновато -размерным шагам безошибочно определил он посетителя.

На пороге появился плотный, уже немолодой владелец поредевшей и побелевшей, некогда пышной шевелюры и не торопясь направился в глубь кабинета. От его несуетливых манер, от всей основательной, степенной фигуры веяло спокойствием и уверенностью. Присутствие этого человека действовало ободряюще. Новогран выждал, пока гость тяжеловато опустился на стул.

— Ну, уважаемый Геннадий Семенович, как дальше жить-то будем?

— Думаю, надо браться самим. Другого выхода не вижу.

Управляющий трестом и начальник управления механизации понимали друг друга с полуслова. Понимали потому, что думали и говорили о наблевшем, требовавшем незамедлительного кардинального решения, каждый из них ломал голову над этим «орешком» не один день... А наболело вот что.

Трест №37 — генеральный подрядчик на застройке Лангепаса. Это, образно говоря, первая скрипка в многоголосом оркестре. Но, как чистота, красота и мощь звучания симфонии немислимы без слаженной игры всех

инструментов, так и в строительстве успех зависит от органичного единения усилий всех партнеров. Генподрядчик организует производство, определяет его темп и ритм, осуществляет общее руководство сложным хозяйством, создает условия партнерам для плодотворной деятельности, выполняет общестроительные работы. А «сантехнику», «электрику», монтаж технологического оборудования, прокладку инженерных сетей, благоустройство территории осуществляют специализированные подразделения по субподряду. К сожалению, нередко их ведомственные заботы не во всем совпадают с целями и задачами генподрядчика. Он отвечает за конечные результаты всего комплекса работ. А субподрядчик — лишь за свой сравнительно небольшой «кусочек». Таких «кусочков» у него по разным объектам много, он как бы одновременно играет в нескольких «оркестрах». Подумаешь, где-то чуть «не доиграл». А что получается на деле? Если дом возведен, он должен быть сдан в эксплуатацию и заселен. Иначе это не готовая продукция, а полуфабрикат. Но как он может принять новоселов, если, скажем, не подведено тепло, безмолвствуют водопроводные краны, нет подходов и подъездов к зданию? Труд сотен людей — проектировщиков, изготовителей материалов, конструкций, оборудования, монтажников, каменщиков, плотников, отделочников не получает логического завершения. Страдает генподрядчик — он не может сдать объект. Страдают и общегосударственные интересы: вложены огромные материальные и финансовые ресурсы, затрачен большой человеческий труд, а отдачи — никакой.

Генподрядчик пытается воздействовать на смежника, но тот административно ему не подчинен, у него свое начальство. И вот одно «начальство» начинает искать подходы к другому «начальству». Хорошо еще, если конторы партнеров рядом, а если — за тридевять земель? Доходит и до конфликтных ситуаций. Но они не выгодны никому. Поэтому чаще всего следуют просьбы, уговоры. На это уходит масса времени и нервов. И не всегда — эффективно.

Вот и в данном случае. Кажется, все рычаги пущены в ход, испробованы все меры воздействия на смежников, истрачено все красноречие, а работы по прокладке сетей водопровода и канализации, благоустройству поселка, особенно новых районов застройки, безнадежно отстают, задерживается ввод жилья, детских садов, магазинов... Короче, эта «ходьба не в ногу» как кость в горле, серьезно тормозит темп общего движения...

Не раз руководители, специалисты треста собирались отказаться от услуг несостоятельного субподрядчика, и взять его ношу на свои плечи. Но уж больно рискованным был такой шаг.

Во-первых, прокладка подземных сетей водопровода и канализации, благоустройство территории — весьма специфичные виды работ. Значит,

надо готовить кадры. Во-вторых, программа треста и так напряжена до предела и новый «довесок» сбоку — как бы сверх имеющихся возможностей. В-третьих, потребуются дополнительные механизмы, машины, материалы, конструкции. Доставлять их придется из Белоруссии, но удаленность треста от базы материально-технического обеспечения усложняет производственный процесс. В-четвертых... Короче, было множество всяческих серьезных «но», заставляющих семь раз по семь примерить, чем раз отрезать.

Но, сказав управляющему «надо браться самим», Жавнерко тем самым подвел черту под дебатами, положил конец раздумьям и колебаниям. Он не просто давал совет, а выказал готовность все тяготы и заботы, связанные с нововведением, взять на себя. Ведь участки предстояло формировать в руководимом им управлении механизации. Так Жавнерко по собственной инициативе (в который раз!) подставил свое плечо под тяжелую ношу. Есть категория людей, которые готовы в любую минуту без всяких раздумий и просьб со стороны протянуть руку помощи, взяться за сложное и трудное дело, взвалить на себя груз потяжелее. И в силу этой постоянной внутренней мобилизованности они всегда оказываются именно там и именно в тот момент, когда требуется их участие. Геннадий Семенович Жавнерко из их числа.

...Один из весенних дней послевоенного сорок шестого, а если быть точным — двадцать восьмое мая, врезался ему в память на всю жизнь. Этот день определил судьбу и начал отсчет его строительной биографии.

Накануне вечером в ватаге сверстников Гена сидел на соседском подворье, где собрались почти все жители деревушки, и слушал фронтовые рассказы вернувшегося из госпиталя односельчанина. Неумная радость переполняла солдата. Его уцелевшая рука ни минуты не оставалась без движения — виртуозно свертывала самокрутку, опускалась кому-то на плечо, извлекала из вещмешка нехитрые пожитки, приглашала к столу вновь подошедших, — словно отрабатывала и за вторую, отнятую войной.

Когда совсем стемнело, поднялся дед Захар, известный в округе печник и, подавая руку хозяину, проговорил:

— Ты тут маленько осмотрись. А мы закончим сруб Артемовне, поставим крышу — и к тебе всем миром. За неделю-другую переселим из землянки. А теперь прощай. Завтра зорю будить надо рубанком, пилой да топором — строимся.

— Спасибо вам, люди добрые, — обрадовался солдат, — только в обозе воевать я не привычный. Рука хоть одна, да жилистая. Ждите меня в своей артели.

Гена прозевал пробуждение утра. По скрипучим половицам выскочил во двор, пахнувший свежей стружкой и мхом. На деревне уже вовсю перекликались топоры и подпевали друг другу пилы. Побежал вприпрыжку.

— Посторонись-ка, малец! — послышалось сбоку. Повернувшись на голос, Гена увидел, как солдат с пустым рукавом за поясом тащит доску через дорогу. Сделав шаг в сторону, он подхватил ношу с другого конца, что волочился по земле.

— Спасибо, брат, что вовремя подставил плечо, — улыбнулся сосед. А когда подошли ко двору, где венец за венцом вырастал свежий сруб вдовьей хаты, громко крикнул:

— Мужики, принимай пополнение! Нашей артели прибыло...

— Весь в батьку, работающий, — произнес одобрительно мужской бас.

— И в матку жалостливый, — добавил женский голос.

Генке была приятна похвала взрослых.

— Ты кем собираешься стать, когда подрастешь? — берясь за пилу, спросил сосед-фронтовик.

— Не знаю еще, — хватаясь за ручку с другой стороны, пожал плечами парнишка.

— Тогда послушай, что я тебе скажу. Становись строителем. Профессия очень нужная во все времена.

Как будто в воду глядел сосед.

После семилетки Геннадий Жавнерко поступил в Полоцкий строительный техникум. Закончив учебу, не пошел в законный отпуск, а сразу же выехал в Витебск. Туда его направили на работу. Было это в августе 1954 года.

— Рады пополнению, — сказал начальник управления, — объемы работ растут и специалисты нам нужны, как воздух. Есть вакансия мастера участка. Будешь руководить самостоятельно, без прораба. Не боязно?

— Попробую.

— Это хорошо, что веришь в свои силы. Но должен предупредить: бригады не однородные. Всего на участке пятьдесят человек. Половина —

люди, познавшие запах и вкус стройки, половина — выпускники училищ, как говорится, не обстрелянные юнцы. Из них еще надо делать строителей.

— Я сам выпускник техникума.

— То-то и оно. Практики у тебя — всего ничего. А надо бы сюда человека опытного, бывалого. Но, понимаешь, некого. Правда, если сомневаешься, давай подыщем что-нибудь попроще...

— Что тут размышлять? Кто-то должен работать на этом участке. А насчет поблажек и скидок... К обозу я непривычный.

— Что, что? — не понял начальник управления.

— Да так, ничего. Это из детства.

— Ну что ж, сынок, спасибо, что подставил плечо. Вовремя. Хвалю за дерзость. Если какая загвоздка — обращайся, помогу.

И он обращался. Не считал зазорным посоветоваться и с бригадирами, и с опытными рабочими, не боясь уронить свой престиж руководителя. Люди уважали молодого мастера за эрудицию, душевность, доброту, беззаветную преданность работе, профессии и по мере своих сил помогали ему словом и делом. Из месяца в месяц участок шел без срывов, неуклонно ускоряя шаг. Первый кирпичный двухэтажный 16-квартирный дом был закончен на месяц раньше планового срока. К тому же — без традиционного акта о недоделках.

— С успешным боевым крещением, Геннадий Семенович, на самой что ни есть передовой, а не обозной линии фронта, — поздравил мастера начальник управления.

Потом в его судьбу вошел еще один город — Молодечно. Которому Геннадий, а потом уже Геннадий Семенович, отдал 25 лет жизни. Дома культуры, детские комплексы, торговые центры, заводы металлоконструкций и полупроводниковых вентиляей — вот далеко не полный перечень объектов, построенных Жавнерко за время работы в тресте «Молодечносельстрой». Здесь он стал строителем-эрудитом, здесь вырос от мастера до начальника управления.

Думал: уж в этом месте осел навсегда. Но судьба, как оказалось, приготовила Жавнерко сюрприз — и очень даже серьезный.

...Он был немало озадачен, когда его вдруг в середине квартала вызвали в министерство, не уведомив, по какому вопросу. Всякое перебрал в мыслях, пока ехал в Минск, но так и не нашел толкового объяснения. И

лишь разыскав требуемый кабинет, все понял. На двери висела табличка с надписью «Отдел организации строительства в Западной Сибири».

Приосанился и перешагнул через порог.

— Догадываетесь, Геннадий Семенович, зачем вас пригласили? — задал вопрос начальник отдела после обмена приветствиями.

— Знаю наверняка.

— В таком случае, каково ваше решение?

— Согласен.

— А условия вас не интересуют?

— Наслышан: длинная суровая зима, короткое лето, ну и прочие подобные детали местной экзотики.

— Не об этом речь. Вам разве безразлично, на какую должность приглашают, какой оклад дают?

— Интересное дело предлагаете. Это главное. А остальное, думаю, приложится, как-то утрясется.

И только возвращаясь электричкой в Молодечно, когда внезапно кольнуло сердце, вспомнил о возрасте. Как-никак шестой десяток разменял. Невольно подумал о жене, Ангелине Павловне. Вряд ли обрадуется, когда услышит, в какую глухомань ее муженек собрался. И про возраст еще раз напомнит, и про сердце. Возможны и вариации типа: «Голова уже белая, а все ребячишься»... Геннадий Семенович даже почувствовал себя виноватым. Ведь как ни крути, а имеет супруга полное право сказать, что мало он уделяет времени семье. Всегда в разъездах, всегда в делах, ни выходного, ни отпуска не провели вместе, считай, ни разу. Детей, можно сказать, сама на ноги поставила, весь семейный воз на себе тащит. А его помощь — лишь эпизодическая, урывками. И вот теперь вдобавок ко всему срывает семью с насиженного места, причем не спросив ее мнения...

Но жену свою Жавнерко, оказывается, явно недооценивал. Она, конечно, сильно удивилась («Неугомонный, как есть неугомонный!»), но когда он принялся извиняться, взглянула укоризненно.

— За что, Гена, простить тебя? — голос Ангелины Павловны звучал приглушенно-грустновато. — За то, что не научился за чужие спины прятаться? Что самим собой остался?

— Намаялась ты со мной...

— А я за такого замуж выходила. Заметь, по собственной воле.

...23 июля 1980 года с первым десантом белорусских строителей Жавнерко вылетел в Нижневартовск. И пошли северные будни — без долгого сна, без выходных, организационная круговерть. Пять месяцев длился подготовительный период, заполненный до предела большими и малыми хлопотами, заботами. Потом — Лангепас.

Вскоре после приезда туда его пригласил управляющий трестом. Разговор был предельно кратким.

— Режет нас техника. Большая ее часть вышла из строя. Без нее тут и шагу не ступить. Надо срочно принимать меры.

— Первоочередная из них, насколько я понимаю — создание участка механизации. Технику следует сосредоточить в одних руках, чтобы обеспечить системный уход за ней и грамотную эксплуатацию, — высказал свое мнение Жавнерко.

— Совершенно верно. Как и то, что такая задача под силу сегодня только вам. Вон какие плечи мощные, — улыбнулся управляющий.

Когда формировался трест, машины и механизмы для него собирали, что называется, с миру по нитке, из разных организаций. Естественно, они были не новые, и здесь, в болотной хляби, быстро выходили из строя. Ремонтировать их было некому, негде и нечем: ни соответствующих служб, ни помещений, ни инструментов, ни запчастей. А еще беда в том, что обслуживанием машин и механизмов занимались краткосрочно командированные. Поработает такой гость месяц-другой и домой, а технику — к забору.

Первым делом Геннадий Семенович добился, чтобы если уже и присылали механизаторов в командировку, то не менее, чем на два года. А сам не теряя времени приступил к формированию постоянного коллектива, подыскивая людей надежных.

Начали с территории. Отвоевали у болота и тайги площадку гектара в три, отсыпали песком. Стянули сюда всю «больную» технику. Запылали костры. Под открытым небом в сорокаградусный мороз начали ремонт. Один ныряет под машину, второй в это время отогревается у костра. Взгляните сегодня на руки тех, первых — на них пятна «холодных ожогов». В любое время суток здесь можно было застать Жавнерко. Он не только руководил, но и, засучив рукава, помогал механизаторам. Люди, казалось,

забыли о времени. Несколько часов сна — и снова работа. Никто не жаловался, не роптал. У кого не хватало сил — потихоньку уезжал.

Дней и месяцев с того времени отсчитано много, а дел еще больше. Если в 1981 году вновь созданный участок, насчитывавший 59 человек, выполнил работ на 295 тысяч рублей, то в следующем при численности 113 человек — на 735 тысяч. В 1983 году бывший участок уже именовался управлением механизации и при численности в 135 человек его производственная программа составила около двух миллионов рублей. К 1987 году первоначальная численность коллектива увеличилась менее чем в четыре раза, а объем выполняемых им работ — в пятнадцать с лишним раз. Неплохая арифметика.

То время, когда приходилось «врачевать» технику в зимнюю стужу под открытым небом, ушло в историю. Управление имеет прекрасные мастерские. Создан цех по ремонту двигателей и теперь их не надо отправлять самолетами на «большую землю» для восстановления. Здесь производят и капитальный ремонт гусеничных тракторов.

...Но вернемся к полуночному разговору двух руководителей, когда Жавнерко высказался более чем решительно: от услуг несостоятельных субподрядчиков следует отказаться и выполнять их объем работ собственными силами. Геннадия Семеновича не испугали трудности в связи с таким ответственным шагом. Раз это необходимо во имя общих интересов — значит, надо делать. Так воспитала его жизнь и закалило время. Кроме того, он был уверен, что коллектив его, безусловно, поддержит. Потому что это коллектив единомышленников. Так и получилось. Перестройка прошла без особых заминок. Вновь созданные два участка с первых же шагов взяли нужный темп и за короткий срок выровняли положение, хотя сделать это было ох как непросто. Сейчас сооружение инженерных сетей и прокладка подземных коммуникаций ведутся с опережением общестроительных работ, а к моменту заселения дома или сдачи в эксплуатацию школы, детского сада, больницы выполняется весь комплекс работ по благоустройству территории: наружное освещение, тротуары, газоны, пешеходные дорожки, подъезды для транспорта, детские площадки с замысловатыми сказочными домиками, веселыми качелями...

За пять лет Жавнерко вырастил отличные инженерные кадры. Именно вырастил. Давно ли линейный механик Виктор Аркадьевич Кукареко кодовал у ремонтируемых механизмов и машин, а сегодня он уже главный инженер управления. Экономист Кристина Францевна Почобуг стала начальником планового отдела, мастер Сергей Николаевич Телеш возглавил производственно-технический отдел. От бригадира до начальника участка вырос Леонид Васильевич Подрез. Был мастером, прорабом, а сейчас уже начальник участка Валерий Борисович Коншоев.

Многие рассказывали о педагогике Жавнерко, о том, как он учит людей думать, как вовлекает их в жизнь и дела коллектива. После этого новичок, на первый взгляд неприметный, словно обретает крылья.

— Любую свою задумку, — говорит тракторист А.И. Мягченков, — Геннадий Семенович с нами, рабочими, обсуждает. Вместе советуемся, как лучше сделать. И получается, что это уже не только его, а наша общая идея. Мы чувствуем себя не просто исполнителями, а хозяевами. Он доверяет коллективу решение многих вопросов, особенно тех, что касаются интересов людей. К примеру, мы сами решаем, кому выделить новую технику, кого поощрить, а кого и к порядку призвать.

— Что-что, а увлечь работой Геннадий Семенович умеет, — вторит начальник отдела эксплуатации Витольд Станиславович Воропай. — делает это душевно, доверительно. Подойдет к человеку, поинтересуется: что не ладится? И вместе разбираются...

Такое внимание, такая забота не остаются безответными. Они приносят огромную отдачу, великолепные плоды.

Жизнь первопроходцев нельзя втиснуть в рамки должностных инструкций. Скажем, отработал крановщик смену, а тут пришли вагоны, надо срочно разгружать. И он вновь садится за рычаги — ночь работает. Или прилег бульдозерист отдохнуть, а тут его просят поехать за несколько десятков километров, притащить сломавшуюся в дороге машину. И не было случая, чтобы кто-либо когда-то отказался выполнить просьбу Геннадия Семеновича. «Сам Жавнерко просит. Он считает, что только я могу сделать.»

А еще чаще ему не надо просить ни о чем — люди сами проявляют инициативу. Надо было по неухоженному зимнику доставить из отдаленного таежного поселка большое количество горючего. Но машины не пройдут.

— А что, если мне на своем «Кировце» пробиться? — предложил Мягченков.

— Идея, — одобрил Жавнерко, — и возмешь на буксир бензовоз.

— Нет, — ответил Анатолий Иванович, — у меня другая задумка: установим на площадку тридцатикубовую емкость и я поташу. А бензовоз нужен, чтобы закачивать горючее. Он пойдет следом. Где забуксует, выташу.

В трескучий мороз, сквозь пургу двое суток пробивался экипаж бензовоза и «Кировца», двое суток с тревогой ждали их в Лангепасе. Вернулись благополучно. Отдохнули — и снова в рейс.

Чувство собственного достоинства, своей значимости, возвращенные в людях руководителем, не позволяют им отсиживаться в тени, побуждают к активным действиям. В этом суть педагогики Жавнерко. Вот так, день за днем, улицами нового сибирского города Лангепаса, пишется страница жизни замечательного строителя, замечательного человека — Геннадия Жавнерко.

Указом президиума Верховного Совета СССР от 18 марта 1985 года за успехи, достигнутые в дни освоения Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, начальник управления механизации и специальных работ №250 Геннадий Семенович Жавнерко награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ЗДЕСЬ МОЙ ПРИЧАЛ...

Монолог воспитателя Галины Конючко

— Больше половины рабочих нашего треста — молодежь. Живут парни и девушки в семи общежитиях. Четыре из них закреплены за мной. В чем я вижу свою главную задачу? Прежде всего в том, чтобы свободные часы люди проводили с пользой и для души, и для здоровья, чтобы расширяли собой кругозор. Здоровый быт — труду помощник. Это любому известно.

Начинать пришлось с малого. На первых порах быт строителей был налажен неважно: жили в вагончиках, деревянных временках. Придешь в кино приглашать и слышишь: «Вы бы лучше позаботились, чтобы нам тепло провели».

Можно было, конечно, ответить, что это не моя забота и адресовать людей к тому, кому этим положено заниматься по штату. Но так я никогда не поступала. Отвечала, что постараюсь помочь. И ходила к начальникам управлений, управляющему трестом, в профком. Добилась, чтобы завезли калориферы, тумбочки, а потом и телевизоры. Жильцы оценили мои заботы. И уже не отнекивались, когда предлагала устроить диспут по книге или посмотреть интересную телепередачу.

Постепенно нашла себе хороших помощников — ребят активных, энергичных. Создали советы общежитий. С их помощью организовали соревнование на лучшую комнату. Победителей награждали радиоприемниками, телевизорами.

Вскоре из Минска спортивный инвентарь привезли. Спортсмены-разрядники (а их у нас оказалось немало) организовали футбольную и волейбольную команды, провели первенство между комнатами по шахматам, шашкам, теннису.

Нашлись у нас свои певцы, танцоры, музыканты. Стали вечера отдыха устраивать. Собирались на них жители со всего поселка, потому что тогда в Лангепасе не было ни одного клуба. В небольшом красном уголке, как говорится, негде было яблоку упасть. В организации вечеров мне много помогал тогдашний председатель объединенного профсоюзного комитета Анатолий Алексеевич Никитенко. Надо сказать, было непросто: и сценарии сами писали, и ноты подбирали, и помещение оформляли... Легче стало, когда у треста появился свой Дом культуры. Его работники стали часто поселяться в общежитии, оказывали и оказывают воспитателям деловую помощь. Недавно вместе провели смотр художественной самодеятельности, который помог выявить немало талантов. Вместе стали готовить вечера трудовой славы, торжественные проводы в армию. Чуть позднее родился клуб «Человек и закон». На его заседаниях выступают работники милиции, прокуратуры, суда, юристы предприятий. Вошли в традицию диспуты. Обсудили книги В. Ардаматского «Суд», Ю. Бондарева «Горячий снег» и другие.

Важное средство воспитания — хорошо продуманная наглядная агитация. Вместе с жильцами оформили тематические стенды: «В памяти народной», «Тропами голубого огня», «Ханты-Мансийский автономный округ», «Пьянству — бой».

Словом, в наших общежитиях созданы неплохие условия для отдыха. Но, к сожалению, далеко не каждый умеет сразу чем-то увлечься и даже к массовым мероприятиям не проявляет интереса. Чего греха таить, есть и такие, кто не против свой досуг посвятить общению с бутылкой. К чему это приводит, объяснять не надо. Долг воспитателя — помочь избавиться от дурных привычек. Тут голыми призывами, критикой с трибуны или в сатирической газете не обойтись. Нужна кропотливая индивидуальная работа. К каждому человеку требуется свой подход. С одним побеседуешь — и он исправится, а кое-кого приходится, как говорится, «пожурить» перед обществом.

Одно время увлекся спиртным рабочий управления производственно-технологической комплектации Юрий М. Свой день рождения отмечал трижды — в бригаде, с друзьями, да еще в общежитии. Сделала ему замечание, а он в ответ: «Что уж и в праздник нельзя выпить?» А вскоре появился под хмельком и в будний день. И тогда мы решили обсудить поведение парня на совете общежития. Помогло.

Иногда приходится обращаться за помощью и к администрации предприятий, организаций, где трудятся жильцы. Но такое бывает редко. Чаще своими силами справляемся — с ребятами из советов общежитий.

С каждым годом атмосфера в общежитиях становится все более здоровой. Теперь здесь редко увидишь выпившего. Общее собрание решило отмечать все праздники, в том числе и дни рождения, за чашкой чая. И надо сказать, большинство этого правила придерживается. Зарождению такой традиции способствовали чаепития, которые мы устраиваем вместе с комитетом комсомола треста. За самоваром разговор идет о литературе, искусстве, культуре поведения, чести, гордости человека...

Но можно ли успокаиваться на достигнутом? Конечно, нет. Процесс воспитания не терпит кампанейщины, «передышек». Он должен постоянно развиваться и совершенствоваться. Каждый день думаю над тем, как лучше провести очередное мероприятие, как подобрать ключик к трудному характеру... И пусть порой нелегко приходится, на работу иду с хорошим настроением. Чувствую, что нашла свое место на важной стройке, что приношу пользу.

МАСТЕРА ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

На месте будущего города только рубились просеки, первые посланцы республики еще жили в палатках и вагончиках, а в Минском городском управлении бытового обслуживания уже формировалась специальная бригада работников сервиса — пионеров лангепасской службы быта.

— Когда мы прибыли на место назначения, более или менее подходящих помещений там не было, — вспоминает первая заведующая прачечной Таисия Викентьевна Бородина. — Нам смогли предоставить лишь маленькую баню. Здесь было место и нашей работы, и наше жилье. Советовать не приходилось: мы были устроены даже лучше, чем многие строители. Вскоре в нашем штате появились слесари. Они быстро приспособили помещение бани для прачечной, установили две стиральные машины, сушильный агрегат. Через две недели начали принимать заказы, причем не только у строителей, но и у буровиков, ремонтников скважин, которые жили в ближних поселках. Работы с первых же дней было даже с излишком. Но мы старались никому не отказывать, хотя это было далеко не просто. Воду, к примеру, надо было носить ведрами из протоки. Но мы не жаловались. Всем тогда в Лангепасе было нелегко.

Вслед за прачечной открылась парикмахерская. Она разместилась в одной из комнат только что построенного общежития. Мастер женских и мужских причесок, командированная в Лангепас минским объединением «Восход» (которое, можно сказать, пожертвовало одним из лучших своих

специалистов), ожидала, что от посетителей отбоя не будет. Но ее постигло разочарование. В парикмахерскую, правда, нет-нет да и заглядывали мужчины с густыми бородами, но расставаться с ними решались немногие. А ведь основное население Лангепаса на первых порах составлял именно сильный пол. В общем, «салон красоты» первое время почти пустовал... Чтобы не сидеть без дела, Инна Михайловна устраивала даже «выездные стрижки» в ближайших поселках. Но вскоре начали прибывать отделочницы — и у парикмахерской, особенно накануне выходных, стала собираться очередь. С повышением «женского» процента населения почему-то изменили свое отношение к своему внешнему виду (а значит, и к парикмахерской) и мужчины — число бородачей резко пошло на убыль...

А вот к закройщице Нине Ивановне Бордник (ее мастерская располагалась рядом с парикмахерской) заказчики пошли сразу. Сначала сдавали одежду на ремонт, просили покрыть плащевой тканью куртку или полушубок. А через месяц-другой строители и их смежники начали справлять себе и праздничные наряды. Не знали пауз в работе сапожники, приемщик фирмы по изготовлению трикотажных изделий.

Население Лангепаса росло стремительно. Одно за другим рождались новые предприятия. А вот с соответствующим ростом бытовых служб вышла заминка: со все возрастающим напором посетителей по-прежнему справлялась все та же небольшая бригада из Минска.

— Работы было очень много, — вспоминает Таисия Викентьевна, — но мы не делали себе скидок на трудности, старались как могли. Трест нам выделил помещение попросторней, помог смонтировать дополнительное оборудование. И обнаружилось, что наш маленький коллектив способен искать и находить немалые резервы.

Когда перелистываешь книги жалоб и предложений бытовиков за 1982 и 1983 годы, то обращаешь внимание: там только благодарности. Вот характерная запись: «Большое спасибо нашим портнихам, парикмахеру, прачкам. Они отлично заботятся о нас, понимают наши трудности. Наверно потому, что вместе с нами их переносят. Девушки и женщины делают важное дело. На нашей стройке они люди не случайные».

Что верно, то верно. Люди в «сервисной» бригаде энергичные, инициативные. Они неоднократные победители социалистического соревнования. Грамот и благодарностей у них не меньше, чем у рабочих лучших строительных бригад.

Сейчас в Лангепасе уже есть филиал Нижневартговского городского управления бытового обслуживания. Казалось бы, минчанам можно возвращаться домой. Однако строители уже не раз добивались, чтобы им продлили срок командировок. Кстати, их энергично поддерживает и

местный Совет народных депутатов. Почему? Да потому, что силы здешнего филиала КБО невелики. Но главное в том, что у бытовиков Белоруссии шире ассортимент оказываемых услуг.

Особой популярностью среди северян пользуются шерстяные вещи, изготавливаемые в Минске. Заказы на них принимает В.И. Масловская.

— На севере без теплых вещей не обойтись. А мы предлагаем большой выбор: платья, джемперы, блузки, различные изделия для детей, — рассказала она. — Модели на любой вкус. Правда, срок изготовления пока большой — два месяца. Мы ведь заявки отправляем по почте, а готовые изделия получаем посылками. Но заказчиков это не останавливает. Видимо, радость приятных обновок компенсирует долгое ожидание.

В мастерской, действительно, многолюдно. Некоторые примеряют только что полученные вещи. Слышу восторженный отзыв одного из заказчиков:

— Вот этот джемпер для меня вроде привета из родной Белоруссии. А как хорошо сидит!

К сказанному надо добавить, что создают людям хорошее настроение не только те, кто изготавливает эти вещи, но и приемщик В.И. Масловская. Обладая хорошим вкусом, она помогает заказчику выбрать самый подходящий для него фасон.

А вот и швейная мастерская. Предлагаемые здесь ткани изготовлены, в основном, на фабриках Минска, Гомеля, Бобруйска. Тона, расцветки — самые разнообразные, на любой вкус.

— Мы дважды в год получаем специальные посылки,

— рассказывает закройщица Нина Ивановна Бордник.

— Приятно, что в объединении «Прогресс» учитывают все наши пожелания. Не ошибусь, если скажу, что сейчас лангепассцы одеваются не хуже минчан.

Как тут не вспомнить 1981-1983 годы, когда главной одеждой жителей будущего города были телогрейки, а обувь — резиновые сапоги и валенки! Теперь, когда улицы оделись в асфальт, когда есть куда пойти после работы, жители Лангепаса, которые, по выражению одного рабочего, «в средствах не стеснены», справляют себе добротные наряды. Работы у мастеров-швейников становится все больше. В повестку дня настойчиво «стучится» вопрос о том, чтобы на месте шить мужские костюмы, пиджаки, куртки, сорочки. К этому шагу уже готовятся. Навыписывали журналов

мод, делают выкройки... Одним словом, живут здесь не только сегодняшним, но и завтрашним днем.

Невелика белорусская бригада службы быта. Но можно с полной уверенностью сказать, что трудятся в ней истинные мастера хорошего настроения. Они достойные помощники тех, кто строит новый город в суровом северном краю.

ПЕСНИ НАД ТАЙГОЙ

Летним вечером 1982 года у вагончика, где жил крановщик Леонид Михайлович Лагун, остановился грузовик. Хозяин и двое его помощников стали аккуратно сгружать с кузова... пианино. Сбежались любопытные. Еще бы! Такое не часто увидишь: в вагончике трудно разместить даже предметы первой необходимости, повседневного обихода, а тут на тебе — пианино. Посыпались реплики: «Ты что, спать на нем будешь?», «А может, поставишь вместо платяного шкафа?»

Леонид Михайлович будто и не слышит шуток, кажется, всецело поглощен тем, как протиснуть инструмент в узкую дверь. Только когда нелегкая задача была решена, он, смахивая со лба капли пота, ответил:

— Приходите завтра. Увидите, какую славную песню заварим сообща вот на этой самой штуковине.

Леонид Михайлович с детства дружит с музыкой. Где бы ни работал, в свободное время играл в самодеятельных оркестрах. И у троих его ребяташек то же увлечение. Вполне понятно, что, приехав в Лангепас, он прежде всего позаботился о том, чтобы дети не прерывали музыкальных занятий. Да и самому без них скучновато. И вскоре поплыли над деревянными вагончиками Пионерного поселка звуки знакомых и незнакомых мелодий. Они притягивали к себе людей. Начали собираться по вечерам у Лагунов соседи, особенно молодежь. Некоторые приходили с гитарами. Слушали, как играют ребяташки. Потом за инструмент садился Леонид Михайлович. Из-под его пальцев взлетала мелодия песни, исполняемой по чьему-либо заказу. Ее подхватывали голоса, струны гитар... и вот вам импровизированный концерт хора с оркестром.

Коллектив увеличивался с каждым днем, приезжало много молодежи. И квартира Лагуна уже не могла вместить всех любителей музыки. Нужен Дом культуры! Это отчетливо видели и понимали руководители треста. Но плановая очередь до него еще не дошла.

— Пока у нас нет ни проекта, ни средств, ни лимитов, — сказал на одном из комсомольских собраний управляющий Юрий Александрович

Пупликов, — но если взяться за Дом культуры вне рабочего времени, да строить его сверх установленной программы, думаю, нам пойдут навстречу и изыщут определенные возможности в выделении материалов.

— Согласны! — дружно ответил зал.

На следующем собрании Пупликов сообщил:

— В Белоруссии нашли резерв изготовления конструкции для здания арочного типа. Давайте организовывать бригады, готовить площадку, делать фундаменты.

Уже на следующий день парни и девчата, отработав смену, пришли на свою сверхплановую комсомольскую стройку. В помощь им поселковый Совет привлек депутатов, представителей всех организаций Лангепаса. И наступил день, когда Дом культуры приветливо распахнул двери для посетителей. Назвали его «Беларусь».

Просторный вестибюль, много комнат для репетиций. Зрительный зал с прекрасной акустикой. Вместительное помещение для занятий спортом. Словом, это целый комплекс для многоплановой работы по организации культурного, содержательного досуга детей, подростков, юношей и девушек, взрослого населения.

Здесь скучно никому не бывает. Большой популярностью пользуются тематические вечера. Их посвящают новаторам производства, победителям социалистического соревнования. Молодежь проводит «голубые огоньки», конкурсы веселых и находчивых.

— У нас хорошо поставлена и кружковая работа, — рассказывает председатель профкома треста №37 К.С. Пинчук, — те, кто любит музыку, стали участниками вокально-инструментального ансамбля «Лангепас», духового оркестра. Любители сценического искусства принимают участие в работе агитбригады «Пламя» и драматического коллектива. Действуют фотокружок, курсы кройки и шитья, секции классической и вольной борьбы, волейбольная, баскетбольная, футбольная и многие другие.

В канун сорокалетия Великой Победы во Дворце культуры был проведен общетрестовский смотр художественной самодеятельности. На нем были представлены хоры, литературно-музыкальные композиции, пантомима, сольное пение, игра на фортепиано, скрипке, гитаре... Жюри отметило исполнительское мастерство маляра М.М. Стомы, плотника Г.Д. Парфелюка, инженера Е.М. Бобровой и многих других. А в ходе всесоюзного смотра в честь сорокалетия Победы художественная самодеятельность Дворца культуры «Беларусь» признана лучшей в Нижневартовском районе.

Входят в традиции выставки народного творчества. На последней были представлены ковры, кружева, верхняя одежда, декоративные панно из соломки, макраме. С интересом знакомились лангепасцы с работами местного художника-любителя В.Д. Круцкевича.

...Теперь пора сделать небольшую паузу, для того, чтобы провести тебя, дорогой читатель, по этой своеобразной выставке, ставшей выразительным штрихом в колоритных буднях города. Итак, последуем призыву огромного плаката, висящего у входа, и пройдемся по фойе Дворца культуры «Беларусь».

...С первых шагов здесь окунаешься в чарующий мир. В экспозиции много лирических картин о природе. Осенние пейзажи с березами, роняющими золотые листья-монетки, тучами, нагруженными дождями. Кажется, что ты находишься среди этих деревьев, вдыхаешь пряный аромат влажной листвы. В картинах нет безысходности. Из-за деревьев пробиваются лучи света, рождают радость надежды: придет весна. И вот она! Чистая заря, буйство вешних вод...

А это уже летние мотивы. На полотне солнечные светотени, невесомость серебристо-ватных тучек.. Снова ощущаешь запахи — теперь уже нагретых трав и цветов, сухой пыли, радуешься спасительной тенистой прохладе.

Много полотен, которые можно объединить одним общим названием: ни с чем не сравнимая природа Среднего Приобья. Тихий укромный уголок с болотцем в оправе лесных зарослей. Черная зеркальная гладь заводи с красавицами березками на берегу («Стрежевская осень»). Национальный поселок на пригорке у озера. На косогоре пурпурно-розовый ковер иванчая («Сибирское село»).

Вот у одной из картин задержалась группа молодых ребят, бурно обсуждают ее достоинства. На полотне один из живописных уголков окрестностей Лангепаса, увиденный художником («Крюковская протока»).

Это не просто пейзажи с натуры, а опоэтизированные картины, в которых чувствуется душа художника. Зачарованный человек идет по земле, вбирает в себя красоту природы и несет ее людям. Взгляните! Чудеса-то какие земные!

Увлекают и яркие публицистические полотна. «Начало», «Мост строится», «Проезд «Звездный», «В рабочем карьере», «На Первомайском направлении», «Рабочие будни», «Летит смена»... Эти и другие картины — художественная летопись трудовых свершений, напряженного ритма жизни сегодняшнего севера. В обыденном и будничном художник сумел увидеть значительное, неповторимое, прекрасное. Пройдет много лет. Уйдут

далеко на север строители трасс, станет большим, красивым городом Лангепас. И тогда люди смогут увидеть, как это все начиналось, станут участниками минувших (а для кого и сегодняшних) событий.

Куда бы ни забросила художника жизнь, у него всегда с собой этюдник, альбом, холсты. Вот мы с вами перенеслись в живописные уголки Азербайджана, увидели события сегодняшних и отголоски давно минувших дней. В Саратовской области родились картины «Калинова балка», «Бобровый заповедник»...

Пора поближе познакомиться с автором этих чудесных полотен. Он здешний, лангепасовский. Живопись — его увлечение. Основная же профессия — строитель. Удивительное сочетание: поэзия профессии строителя с поэзией творчества художника. Вот откуда на картинах эта убедительность. Автор не просто созерцатель происходящего, а активный его участник, создатель.

Эта выставка, на которой представлено сто двадцать полотен В.Д. Круцкевича, вторая по счету. Первая была в городе Стрежевом. Тогда его картины получили хорошую оценку профессиональных художников. Поддержал, вдохновил его на дальнейшее творчество заслуженный деятель культуры РСФСР художник из Томска М.Ф. Горбатенко. А десять картин Круцкевича были отобраны на всесоюзную художественную выставку.

Ближайшие планы Василия Дмитриевича — вплотную заняться художественным портретом, создать образы людей труда, наших современников, продолжить работу над полотнами, рассказывающими о нови нефтяного края.

Заканчивая осмотр выставки я возвращаюсь к прерванному рассказу о работе, жизни и отдыхе строителей Лангепаса, творящих эту самую новь. Кстати, во Дворце культуры размещается библиотека треста №37. Ее фонд больше десяти тысяч книг.

— Половина нашего фонда сейчас на руках, — сообщила заведующая библиотекой А.В. Некозырева. — Любят книгу строители. Ежемесячно у нас более двух тысяч посетителей. По вечерам особенно многолюдно в читальне. Монтажники, механизаторы, транспортники прежде всего интересуются изданиями, выходящими в Белоруссии.

Есть во Дворце культуры и спортивный зал. Построен он тоже из арочных конструкций методом народной стройки. Это пока единственное спортивное сооружение в Лангепасе и порой здесь бывает тесновато. Но тренеры стараются составить расписание так, чтобы позаниматься могли все желающие.

Самая массовая секция — группа здоровья. В ней занимаются и молодые, и пожилые, и подростки. Многие приходят на тренировки семьями. Пользуются популярностью среди строителей футбол, волейбол, настольный теннис, борьба, шахматы, ритмическая гимнастика. Спортсмены треста участвуют в районных, областных соревнованиях, занимают призовые места.

В двенадцати километрах от Лангепаса, на берегу таежной реки Ватинской Еган, в красивом кедровом бору создана трестовская база отдыха. Каждое управление имеет здесь свои вагончики, где можно переночевать, приготовить пищу. К услугам отдыхающих водная станция, лодки. В осеннюю пору, когда труженики треста приезжают с семьями собирать дары северных лесов, открывается грибоварня.

В период охоты открыты двери двухэтажного «Дома охотника». Там есть все необходимое для тех, кто любит походить с ружьем по тайге.

— То, что вы видите сегодня, это только начало, — сказал К.С. Пинчук, — постепенно вместо вагончиков вырастут комфортабельные домики, хорошо оборудованная кухня, столовая, игровые комнаты. Мы планируем в дальнейшем использовать базу отдыха и как профилакторий.

Руководство предприятия заботится о досуге не только работников треста, смежников, но и их детей. В 1982 году одно из двухэтажных зданий было предоставлено детской музыкальной школе. Сейчас здесь занимаются около трехсот юных лангепасцев. Они осваивают игру на фортепиано, баяне, скрипке, белорусском национальном инструменте — цимбалах. А в конце 1984 года открылся клуб юных техников.

Подарили строители юным жителям таежного поселка и помещение для библиотеки. А книги для нее собирали ребята Белоруссии. Все началось с заметки в газете «Піянер Беларусі». Группа школьников Лангепаса, рассказывая о своих делах, пожаловалась на «книжный голод». Та заметка вызвала широкий отклик. А почему бы не организовать сбор детской литературы для ребят из таежного поселка? — решили мальчишки и девчонки из Минска, Гомеля, Могилева... И вскоре газета объявила операцию «Книги для Лангепаса».

Тысячи ребят участвовали в этой акции. Каждый день в редакцию, которая стала своеобразным штабом, поступали книги. А потом оттуда уходили посылки в адрес треста №37 Минпромстроя БССР. Сейчас фонд детской библиотеки составляет более пяти тысяч томов. Здесь и произведения классиков, и современных писателей, и справочная литература. Специальный отдел обслуживает самых маленьких.

А у активистов треста новые планы. Они хотят организовать музей, малую картинную галерею...

— О досуге людей мы заботимся не меньше, чем о производстве, — заметил председатель профсоюзного комитета треста Кузьма Степанович Пинчук, — и люди эту заботу ценят.

ОСТАВЛЯЯ СЕРДЦА ЧАСТИЦУ

В один из декабрьских дней 1983 года в Лангепасе появилась оленья упряжка с легкими нартами. В них сидел человек, одетый в легкую малицу — непременный атрибут хантыйских охотников и рыбаков. Упряжка остановилась у поселкового Совета.

— Ваш коллега из села Аган, — представился приехавший председателю поссовета В.М. Стешенко, — Юрий Айваседа.

Имя это Владимиру Михайловичу было известно. Оно часто появляется в поэтической рубрике нижневартовской газеты «Ленинское знамя».

— Рад познакомиться поближе, — ответил на приветствие Стешенко и тут же стал агитировать гостя выступить в местном клубе перед молодежью

— Охотно, — сразу же согласился тот. — Но поэтом я буду вечером. А сейчас, если не возражаете, поговорим как депутаты...

— Само собой разумеется, — поддержал деловой тон Владимир Михайлович, — знаю, в такую дорогу отправляются не ради увеселительной прогулки. Так что же привело вас в эти края?

— Вы бывали в Агане?

- Пока не доводилось.

— Тогда несколько общих сведений о нем, думаю, не помешают, — Айваседа сделал небольшую паузу, а затем продолжил. — Так вот, село наше старинное, точно знаю, что во времена Ермака уже существовало. В нем теперь восемьдесят хантыйских семей. Мужчины рыбачат, охотятся, женщины делают сувениры из меха. Живем неплохо. И школа у нас с интернатом, и магазин хороший, и установка для приема телевизионных передач. Словом, не отстаем от века. Только клуб наш обветшал. Новый нужен. Не смог бы ваш поселок в порядке шефства помочь нам в строительстве?

— Сегодня же побываю в тридцать седьмом тресте, подброшу строителям такую идею. И хотя своих проблему них с избытком, уверен, откликнутся, обязательно помогут, — твердо сказал Стешенко.

В ту пору забот у белорусских строителей действительно было «выше крыши». Но все же просьба жителей таежного поселка не была оставлена на потом. На следующий день Юрий Айваседа уже вел конкретный разговор с начальником технического отдела Виталием Герасимовичем Сакевичем, которому поручили сделать проект клуба на сто мест.

А уже через месяц механизаторы треста начали пробиваться сквозь тайгу и болота к хантыйскому селу. Термин «пробиваться» здесь как нельзя кстати. Он наиболее полно отражает усилия, требуемые для преодоления топей и зарослей. На Тюменщине немало таких мест, куда можно добраться только на специальных вездеходах, и то лишь тогда, когда властвуют крепкие морозы. Но добраться одно, а доставить тяжёлый груз — совсем другое. Даже самые мощные автомашины порой оказываются беспомощными перед здешним бездорожьем.

Но люди научились преодолевать и эти препятствия. Для того, чтобы техника не тонула в болотах, прокладывают так называемые лежневки. Их делают зимой: вездеход, подминая под себя кустарники и чахлые деревца, расчищает трассу, по его следу кладут бревна и засыпают землей. Работа трудоемкая, требующая немалых затрат времени. Да и древесины сколько уходит! Поэтому такие временные дороги-гати появляются там, где необходимо регулярное сообщение в течение сравнительно длительного срока. Во всех же других случаях прибегают к более простому, ускоренному и более дешевому методу «дорожного строительства» — устройству зимника. При наступлении холодов (а минусовая температура здесь сохраняет снежный покров семь-восемь месяцев в году) в заданном направлении проходят вездеходы. Их гусеницы убирают с Пути стоящие помехи, уплотняют наст и вдавливают его в болото. Проступающая вода быстро схватывается ледяной коркой, образующаяся каша твердеет. Очередной проход машин — новое наращение покрытия. Так слой за слоем накатывают дорогу вездеходы, пока она не окажется в состоянии выдержать тяжелую технику вместе с грузом.

Обычно устройством лежневок и зимников занимаются специализированные подразделения, набившие, как говорится, на этом деле руку. Но тут коллектив треста №37 взялся делать семидесятикилометровый зимник собственными силами. Другого выхода не было. Ведь на согласование, увязку различных технических и организационных вопросов, определение финансовых взаимоотношений с привлекаемой субподрядной организацией требовалось время. А запаса его у белорусских строителей на этот раз не было. Приняв решение об оказании безотлагательной шефской помощи хантыйскому национальному поселку,

они должны были не только завезти все необходимые материалы, инструменты, но и завершить работы, связанные с возведением клуба, до начала весеннего половодья.

Механизаторы еще пробивали последние метры пути, а из Лангепаса уже вышел санный поезд со всем необходимым. Разгрузка его велась под аккомпанемент перестука топоров и повизгивания пил — прибывшее сюда звено бригады Виктора Мамаева без какой-либо «акклиматизации», буквально сходу включилось в работу. Стены клуба росли, как сугробы в северную пургу.

- Ого, можно надеяться, что при таких темпах в клубе месяца через два заиграет музыка, — оценив старания строителей, с восхищением сказал как-то бригадиру Айваседа.

- Не через два, а максимум через месяц сдадим вам его «под ключ», — заверил Мамаев.

И точно — не прошло и трех недель, как на объекте появились отделочники, а еще через семь дней авторитетная комиссия осматривала зрительный зал, сцену, комнаты для кружковой работы, репетиций, библиотеки...

На открытие нового клуба собрались жители Агана и шефы из Лангепаса. Звучала музыка, произносились слова благодарности. В торжественной обстановке депутат Лангепасского поселкового Совета, бригадир строителей из Белоруссии Виктор Мамаев вручил председателю Аганского поссовета Юрию Айваседе символический ключ.

— Мы, как и обещали, все сделали быстро, и при этом сделали так, чтобы этот очаг культуры служил людям долго, сделали на совесть, — сказал бригадир.

— Сработано быстро, оттого и помниться будет долго. Что сделано с душой и от души, не забывается, — произнес в ответном слове Юрий Айваседа.

Так завязалась дружба белорусских строителей с жителями маленького таежного поселка. И хотя сообщение между Лангепасом и Аганом непростое, встречи бывают часто. Верно, ведь говорится: для лучшего друга и сто верст не округа.

Стали традицией обмена делегациями в День строителя и День рыбака. Лангепасцы и аганцы обмениваются информацией друг с другом. В тридцать седьмом тресте вам с радостью покажут изделия из оленьего меха и дерева, преподнесенные аганскими умельцами. А в хантыйском

селении не преминут сообщить, что строители поделились с промысловиками палатками, лодочными моторами...

Но встречи бывают не только в радостные дни. Как-то у аганцев вышла из строя электростанция. Обратились за помощью к шефам и те срочно вызвали мастеров. Через несколько часов лампочки снова засветились в домах рыбаков и охотников.

Долго не могли найти в Аганском поссовете подрядчика для ремонта интерната. И опять выручили посланцы Белоруссии: прислали бригаду. Теперь интернат стал уютней, красивей. В спортивном зале появились новые снаряды. Их подарили строители.

С 1984 года коллектив треста №37 взял на себя организацию культурных мероприятий в Агане. В национальный поселок регулярно выезжают работники клуба, ведут занятия в кружках художественной самодеятельности. Строители решили собрать библиотеку для подшефного поселка. Уже передано в дар жителям Агана более трех тысяч томов.

Подшефные тоже не остаются в долгу. Они обеспечивают магазины Лангепаса рыбой, дарами северных лесов — ягодами, грибами.

Председатель Нижневартовского райисполкома Александр Иванович Пустовалов рассказал:

— В нашем районе десятки национальных поселков. Над ними шефствуют крупные предприятия. Это важное дело на постоянном контроле райсовета. К сожалению, у нас пока не организовано соревнование за звание лучшего шефа. Но если бы оно было — первое место наверняка присудили бы тресту №37 Министерства промышленного строительства Белоруссии. Помогает его коллектив не только Агану, но и другим селениям: в Покуре, например, отремонтировали школу, сделали фундаменты для двух коровников.

...Хлебом-солью встречают посланцев Белоруссии коренные жители таежных мест. И когда зажигаются в их поселках огни новых домов, клубов, школ — этому одинаково радуются и русский, и белорус, и хант, и манси...

Из архивов автора
ЗВЕЗДА ЛАНГЕПАСА
10 сентября 1986 года

О ДРУГОЙ ПРОФЕССИИ НЕ МЕЧТАЛ

Виктора Григорьевича Мамаева в Лангепасе знают все. С первым десантом белорусских строителей треста №37 высадился он в тайге, забил первый колышек на месте будущего города.

Он всегда на виду, на людях. Как депутат поселкового Совета народных депутатов, член исполкома часто встречается с избирателями, участвует в работе различных комиссий. Редко какое мероприятие или торжество проходит в поселке без его участия. Случалось, что виновником торжества становилась сама бригада. Рассказывая о делах этого коллектива, можно часто упоминать слово «первый»: строил первый вагончик, барак, столовую, крупнопанельный дом, аптеку, универсам, среднюю школу.

О школе подробнее. Депутата Мамаева, члена комиссии по контролю за строительством, не могла не волновать задержка с возведением этого важного объекта. Более тысячи родителей дали наказ своему депутату, чтобы школа была построена в срок. Нужно требовать! С кого? Может с бригадира Мамаева? Это его коллективу доверили вести монтаж школы. А виновники задержки стройки далеко. Они вместо стеновых панелей, шлют обещания. Собрал Виктор Григорьевич свою «дружину», обсудил с ней все, взвесил, и засучили ребята рукава.

— Никто не верил, что школу можно сдать к началу учебного года, — говорит управляющий трестом Л. А. Новогран. — Сметная стоимость ее — миллион рублей. За полгода выполнили только двадцать процентов работ, разве можно сделать остальное за оставшиеся два месяца?

Рабочие сделали, казалось, невероятное. Организовали круглосуточную работу. Не дожидаясь окончания строительно-монтажных работ, подключились отделочники. На стройплощадке царил невиданный энтузиазм.

Праздник состоялся в последний день августа. Весь поселок пришел на торжественное открытие Лангепасовской средней школы №1, первого крупнопанельного здания будущего города. Именинниками стояли монтажники бригады Мамаева. Им, неверное, и самим не верилось, что смогли одолеть такую работу. Но вот раздаются звуки духового оркестра, и Виктор Григорьевич Мамаев вручает будущим хозяевам школы символический ключ...

Был уже конец рабочего дня, и мы с бригадиром пошли к нему домой. Символично, что живет он на улице Первопроходцев. Шестилетней Юлии и маленькому ее братику Максиму повезло, что их папа — строитель.

Супруга Виктора Григорьевича с гордостью показала мне «финскую кухню» — творение ее мужа

— Отец мой, Григорий Николаевич, мастер на все руки, — начал свой рассказ бригадир. — Многому я научился у него по плотницкой части. Может быть, и унаследовал бы эту профессию. Помешал случай. Приехали шефы в нашу деревню отремонтировать клуб. Внутри его отделку выполнили деревом. Меня так это поразило — глаз не мог оторвать. «Дяденька, — спрашиваю, — как ваша специальность называется?». «Столяр-краснодеревщик, хлопчик», — отвечает. Окончил я восьмой класс и уехал в Бобруйск поступать в училище краснодеревщиков. Но, видимо, много было таких, как я, желающих — не приняли. Закончил ПТУ, получил специальность столяра-плотника.

— И когда почувствовали, что Вы строитель навсегда?

— После учебы в армии. В 71-м уволился в запас, а через год поступил в архитектурно-строительный техникум.

— А если не строителя, какую бы Вы другую профессию выбрали?

— Мне нравится эта. О другой никогда не думал

— Что дала Вам Сибирь?

— Насколько здесь труднее, настолько, а может и больше, интереснее. Простор для инициативы, творчества. И еще — чувство необходимости твоей работы.

— Как я понял, моральная удовлетворенность компенсирует трудности сибирской жизни?

— Да. Очень люблю рыбалку, охоту. А все же главное — это работа. Она дает материальное благополучие, моральное удовлетворение. Благодаря ей можно заслужить уважение людей. Думаю окончить институт. — Немного помолчав, добавил: — Хватит обо мне. Давайте о бригаде. Дома ведь в одиночку не строят. В моей бригаде звеньевые В. В. Иванов, С. В. Евсеев, С. И. Литвиненко, А. В. Шкнай — отличные специалисты и организаторы. Они ведь практически тоже бригадиры, только у них коллективы поменьше. Если вовремя не подвозят необходимые материалы, не подают нужные механизмы, бригада расхолаживается. Каждый вправе подумать: «Зачем я сегодня буду вкалывать, если завтра придется сидеть без дела».

Продолжение этой мысли я услышал на другой день от начальника участка А. И. Горловского.

— Приехал я сюда двумя годами позже Мамаева. Поначалу пытался противиться, чтобы бригадир занимался «выколачиванием» необходимого для бригады. Потом убедился, что пока еще рано нам сидеть сложа руки. Под лежащий камень вода не течет. Здорово переживает бригадир, если случился срыв в поставках. Старается заранее предупредить это.

...Теплеют глаза бригадира, когда рассказывает он о своих ребятах, которые умеют работать красиво, качественно и в срок. Бригада разбита на специализированные звенья: монтажников, каменщиков, бетонщиков, плотников. Численный состав каждого звена может меняться в зависимости от выполняемой работы, нужны бетонщики — создается укрупненное звено. Большинство владеют несколькими профессиями. Сейчас в бригаде двадцать шесть человек.

— Виктор Григорьевич, некоторые жильцы деревянных двухэтажек жалуются, что в квартирах холодно.

— В домах, построенных моими ребятами, такого нет. Допускаю, что в проектах могут быть ошибки, недоработки. Но если ты настоящий строитель, поправь. Там утеплителя добавь, здесь лишнюю планку приколоть...

В бригаде разные люди. У каждого свой характер, свои привычки, а вот работают, как четко отлаженный механизм. Помогает взаимовыручка. Каждый готов поддержать другого. Из месяца в месяц, из года в год у бригады устойчивые показатели в работе, она постоянно занимает призовые места в соревновании бригад управления и треста. Это и есть коллектив. Образовался он не вдруг и не сразу. Зато теперь, как плотно сжатый кулак. Все вместе.

— У Мамаева удивительный талант организатора, — говорит начальник участка А. И. Горловский. — Любое мероприятие с этой бригадой провести гораздо проще, легче, чем с другими. В последнее воскресенье комплекс ГТО сдавали. Самую большую массовость дала бригада Мамаева.

Такую оценку деловых качеств бригадира я слышал от многих. Принципиальный по натуре, он создал в коллективе атмосферу требовательности и доверия. Думает не только об организации работ, но и о настроении каждого. Считает обязательным знать, что волнует человека, как у него дела дома. Недавно женился Леня Пулянов — жить негде. Пошел бригадир к руководству треста, к председателю строительного комитета, добился — дали ему комнату.

— Виктор Григорьевич, — добавляет начальник участка А. И. Горловский, — никогда, ни при каких обстоятельствах не забывает, что он

коммунист. Если выступит где-то, то уж будьте уверены, не покривит душой, скажет правду в глаза, невзирая на лица.

Не за эти ли качества истинного партийца коммунисты избрали его членом партийного бюро треста? Растет Лангепас. Быстро растет. Кажется, это было вчера: сентябрь 80-го, когда с первым десантом В. Г. Мамаев высадился на разъезде Урьевский.

— Ребята в школу, я — в Сибирь, — шутит Виктор Григорьевич.

Помнит он, как первый вагончик по болотам бульдозерами тащили в будущий Лангепас, поставили на то место, где сейчас столовая «Алеся». Помнится ему, как усталые «клевали» у костра, потому что в вагончике холодно, можно примерзнуть к стенке. Развернули строительство трех общежитий, столовой. Однажды установили столбы под будущую пилораму, засыпать сил не хватило. К утру их льдом заковало, как забетонировало.

Растет Лангепас, растет и бригада. Такой, какая она сейчас, стала не сразу.

— Приезжает «специалист», — вспоминает Виктор Григорьевич, — и уверенно заявляет: «Я все умею». «Покажи, что ты умеешь». Оказывается — ничего. Топор в руках не держал. Это еще полбеды. Кто хочет работать, можно научить. А то были и такие, которым нужно было зарплату платить только за то, что они сюда приехали. И ничего не сделаешь: они же вовремя на работу приходят, вовремя уходят. А в получку — все равны. Вдохнули мы, когда смогли внедрить коэффициент трудового участия.

На тюменском севере главная ставка на таких людей, как В. Г. Мамаев, как его друзья по бригаде. Не погостить приехали они в этот край: действуют, творят, побеждают, оказывают свое влияние на ход событий, полезных и важных для нашей страны. Это их руками будет воздвигнут, встанет в тайге на века город нефтяников. Живут, работают, и некогда им думать, что своими делами историю страны пишат. Пройдут годы, первопроходцам поставят стелы, их именами назовут улицы, в музеях о них будут рассказывать экскурсоводы, им посвятят специальные стенды. Это будет потом.

А сегодня они чеканят свой трудовой шаг, сверяя его с гигантскими шагами свершений страны.

Л. АНИКЕЕВ

ЗВЕЗДА ЛАНГЕПАСА

2 сентября 1984 года

НАДЕЖДА

Бригада Н. Н. Милушевой работает в третьем микрорайоне. На новой пятиэтажке ведет отделочные работы. Из подъездов, окон слышны звонкие голоса девчат. Надежду Николаевну в тресте знают многие. Ее фотография висит на Доске почета. На ней она ходит на артистку кино. Глазами ищу знакомое лицо: где бригадир?

— Вы же мимо прошли. Вот она — наша Надежда.

Первый год двенадцатой пятилетки стал самой заметной вехой в судьбе Надежды Милушевой: она возглавила бригаду маляров. И уже в том же восемьдесят шестом ее девчата добились наивысших показателей в труде не только среди коллектива в управлении, но и треста. Не снижают темпов и в этом году.

Как же так получилось, что молодой коллектив с первых своих шагов стал вровень с лучшими бригадами? Во-первых, все члены бригады не новички в своем деле — за плечами у каждого большой производственный опыт. Во-вторых, почти все они и до этого работали вместе. Нужно было из одной создать две бригады. В новую пошла группа добровольцев. Все, как один, заявили: «Командиром у нас будет Милушева».

Успеху способствует не только многолетний опыт отделочницы, но и отсутствие у них успокоенности от достигнутого. Они знают, что мало хорошо выполнять свою работу, надо искать пути, чтобы делать ее лучше. Девчата постоянно в поиске. Скажем, раньше стены лестничной площадки шпаклевались и покрывались клеевой краской. Сейчас же делается набрызг под так называемую «шагрень». Выигрыш в производительности в 2-3 раза. Внедряются средства малой механизации. Обои, раскроенные комплектами на каждую квартиру, поступают из УПТК централизованно... Недавно девчата побывали у московских строителей в Нижневартовске, изучали их передовой опыт.

В бригаде Милушевой крепкая дисциплина. В первый же день создания нового коллектива девчата заявили бригадиру: «Спрашивай по всей строгости, расхлябанности и разгильдяйства не потерпим». Но не окриком воспитывает Надежда провинившихся.

— Хорошей работе Надя учит личным примером, — говорит Е. А. Говор. — Работает она не напоказ.

Да и если нужно выступить на собрании или поговорить с руководителем любого ранга, скажет все без обиняков, проявит настойчивость.

Девчата не скрывают, что бывают в их бригаде и споры, и размолвки — не без этого. Но это споры единомышленников.

— Надя умеет шуткой, словом сгладить, предупредить зарождающийся конфликт, — говорит Д. Л. Мальченко. — А уж, если где-то сама не права, обязательно подойдет к человеку, извинения попросит

Как-то одна из работниц на время отдала в другое звено валик. Потом пошла забирать, а ей вернули неухоженный: на нем «пуд» краски нарос. Надежда и пожурила девушку, мол, где ее глаза были, когда брала. На этом и разошлись. Перед обедом проходит мимо виновницы, а у той глаза на мокром месте. Пришлось успокаивать.

Добрый микроклимат царит в коллективе. Когда Надежду предложили выдвинуть кандидатом в депутаты горсовета, каждый отзывался о ней с теплотой. А Л.А. Янукович еще раз с волнением вспоминала, что значит Надежда в ее судьбе:

— Приехав в Лангепас, устроилась дворником. Не считаю это зазорным, но хотелось что-то поинтересней. Пошла в трест №37 учеником маляра. В бригаде, куда я попала, интереса ко мне никто не проявил. Вижу: чужая я им. Выскочила на улицу, плачу.

На мое счастье увидела меня Надя Милушева, успокоила. Стала я проситься в их бригаду — взяли. Началась учеба. Возьмет Надя мою руку со шпателем и водит, водит. У меня уже и рука занемела, а я от радости боли не чувствую: «Давай, Наденька, давай родная, все вытерплю, только учи». Потом мы с ней много говорили о женских радостях и печалях. И так она мне была понятна откровенностью своей. Тут я растаяла: прильнула к ее плечу, по-бабьи вволю выплакалась. Рассказала я ей что, когда ушла из дворников, ведомственную комнату пришлось освободить, и что с двумя ребятами ночью в коридоре, тут Надя переговорила в девчатами, и все начали действовать. Узнали, что в тресте вагончик освобожден: должен пойти под снос. Поселили меня туда, добились, чтобы прописали.

Любят в бригаде Милушеву. Часто слышишь: «Надя, помоги». «Надя, выручи». Никому ни в чем не откажет. Чуть что — бегут к Милушевой. Ее дом для всех открыт. И не только мы, взрослые, дети наши к ней привязались. Была я в отпуске, так дочка моя все твердила: «Мама, а какой подарок мы тете Наде купим?». Хорошим депутатом будет Надежда. Она сможет понять человека, помочь ему в беде.

Кто-то сказал, что выбрать профессию, все равно, что выбрать судьбу. Часто это зависит от случая. Так вышло и у Надежды. Когда первый раз взяла в руки кисть, каким-то шестым чувством поняла, что это дело по ней и на всю жизнь. Немалую роль сыграло и то, что рядом

оказался не только хороший наставник, но и душевный человек. Добрые слова говорит Надежда о своем первом учителе, бригадире из Макеевки В. А. Скидан,

— Переписываетесь с ней? — спрашиваю.

— Нет, она здесь, в моей бригаде.

— Надежда, — делится воспоминаниями В. А. Скидан, — пришла ко мне в бригаду и дело у нее начало ладиться буквально с первых дней. Уставала до изнеможения, но бывало с работы не уйдет, пока такую же, как все, норму не выполнит... Надежный она человек, Надежда.

Л. АНИКЕЕВ
ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
2 сентября 1984 года

ДАРИТЬ НА ПАМЯТЬ ГОРОДА

Комплексная бригада П. И. Горошко из строитель но-монтажного треста №37 Минпромстроя БССР выполнила задание одиннадцатой пятилетки за три года и семь месяцев. Готовя достойную встречу 40-летию Великой Победы, этот коллектив выступил с почином — задание шестидневной недели выполнять за пять дней.

Они опередили время на семнадцать месяцев. Победа далась нелегко. На пути к ней было немало помех. Тут и неритмичное материально-техническое снабжение, и организационные трудности.

Мало людей, которые бы спокойно относились к вынужденным простоям в работе. Но реагируют на них по-разному. Одни брзжат, теряются, а то и не выдерживают — уезжают. Вторые, когда появляется возможность наверстать упущенное, выкладываются не жалея сил, не считаясь со временем. К ним относится и бригада Горошко.

Успеху способствовало то, что бригада комплексная. Есть в ней плотники, бетонщики, монтажники, каменщики и рабочие других специальностей. Большинство, кроме основной, владеют еще одной-двумя смежными профессиями.

Не искали ребята работы полегче и повыгодней, если надо, шли на лесоповал и трелевку. И от помощи другим не отказывались. Пригласил однажды бригадира начальник управления В. Д. Жук.

— Петр Иванович, — говорит, — помощь ваша нужна. Не управляются отделочники со столярными работами.

Посоветовались в бригаде и решили, что нет оснований отказываться. Нашлись мастера, которые смогли квалифицированно выполнить нужные работы.

Много объектов в Лангепасе, которые строила бригада П. И. Горошко. Это брусчатые и «бамовские» жилые дома, склады и овощехранилища, гостиница и центральная котельная и многие другие. И что бы ни делали ребята, к любой работе у них творческий подход, свой маневр. Промозговали — сделали быстрее и лучше.

Бригадир хорошо знает, кто какую работу может выполнить, что кому поручить. Недавно пришли в бригаду отец и сын Гороховы. Горохов-старший так тщательно все делал, что кто-то не выдержал: «На выставку что ли готовишь?». А бригадир возразил: «Прекрасно! Нам вскоре предстоит дом культуры ремонтировать. Вот я его и пошлю. Пару помощников дам. Вопрос закрыт».

Можно было бы назвать еще немало факторов, которые способствовали трудовой победе. Только мне хочется рассказать более подробно о важнейшей, на мой взгляд, производительной силе бригады — сложившихся в ней взаимоотношениях, микроклимате, непосредственно влияющих на высокопроизводительный и творческий труд.

В выработке «технологии» взаимоотношений не последнюю скрипку ведет сам Горошко.

После первой же встречи с ним сложилось мнение, что это человек с крепкой и цельной натурой, который знает, что хочет от жизни.

Горошко считает, что ему повезло. Сибирь — самая интересная страница в его биографии. Ведь у него есть город, который он строит. Как в той песне:

«Не каждому дано так щедро жить, друзьям на память города дарить».

Петр Горошко стал лидером благодаря своему характеру. Этот простой дружелюбный человек, весельчак и балсгур по натуре, считает, что любую работу надо делать весело.

— Действительно, мы привыкли настраивать друг друга на веселую волну, — говорит Николай Бутько. — Заводила во всем наш бригадир. Ну и

мы не отстаем. Вы бы послушали нашего юмориста Николая Трофимовича. С ним не загрузишь.

Хороший настрой — великий помощник в делах. Не услышишь здесь, чтобы бригадир на кого-то повысил голос, страдал, читал нотации. Этого нет. А между тем в бригаде строжайшая дисциплина. Установка бригадира такова, что Сибирь — не место для разболтанности. И сила этих его убеждений в том, что бригада целиком и полностью их приемлет. Помогать, разъяснять, показывать, прививать человеку рабочие навыки — пожалуйста, все согласны. А вот если у тебя с дисциплиной, совестью неладит, то уж извини: «Мы тебе не няньки, — скажет бригада, — а ты не младенец». И был случай, правда, единственный, после которого человек сразу уехал. Надо сказать, что в бригаде очень хорошо понимают, какое великое дело они вершат.

Иногда слышишь, мол, в наш рациональный век для человека главное — материальный фактор. Интересно, а как об этом думает сам Петр Горошко?

— Конечно, заработок никто со счетов не сбрасывает. Большая зарплата — престижно. Значит, хорошо поработал. В дни закрытия нарядов в отдел труда прибегают из других бригад: «А сколько «Горох» закрыл? опять больше!». Мои ребята довольны. А вот самый радостный день у нас был, когда сказали, что мы заслужили, чтобы в день Великого октября во время демонстрации кто-то от бригады стоял на трибуне. У нас много было наград, но эту ни с чем не сравнить. Значит, мы что-то стоим, что-то сделали для будущего города, для живущих в нем людей.

В бригаде чувствуется «климат семьи».

Многих удивляет, что частенько и после работы ребята бывают вместе. Кто-то предложит: «Давайте в кино сходим». А назавтра, в свободную минуту, обсуждение: одному нравится, другому нет..

— У нас есть еще одно место отдыха после работы — это баня, — говорит Петр Горошко. — Попарились, помылись. Выходим в предбанник. Там стол, лавки. Сидим, рассуждаем. Потом кто-то Парфелюку: «Гриша, баня!» Все поем. Все. Знаете, как сплавивает, когда вместе? Один ту заказывает, второй — другую. А потом оказывается, что еще владеют этим инструментом и Ярош, и Горохов... И каждый играет что-то свое.

Нет в бригаде пустого времяпрепровождения или такого, чтобы кто-то сказал: «Нечего делать — пойдем «пузырь» возьмем, и на этом делу конце». У каждого есть занятие. Валерий Реентович каждый вечер что-то мастерит, паяет, бригадные бензопилы ремонтирует. В бригаде появился молодой парень, Игорь Горохов, с неделю поработал — его уже в

Нижневартовск приглашают на соревнования по борьбе. Занял первое место. Проходит неделя — едет на всесоюзные соревнования. Выполнил норматив кандидата в мастера спорта. Сосновский, Беляев — отличные спортсмены. Лыжники. Выступали в районе в составе первой команды Лангепаса по лыжам.

У многих есть общественная работа... Пять человек — комсомольцы, три коммуниста. Николай Трофимович — член комсомольского бюро управления. Молодому коммунисту Валерию Реентовичу партийное поручение — работа в группе народного контроля треста.

— Следить за порядком — в него в крови, — говорит бригадир. — Он всегда приметит, где какая бесхозяйственность.

А Гриша Парфелюк — участник художественной самодеятельности треста. В конкурсе, проводившемся в тресте в честь 40-летия Победы среди вокалистов, занял второе место.

— Вот я и говорю, — как бы подводит черту бригадир. — Раньше мы все в одном общежитии жили, видели, кто что делает по вечерам. Сейчас квартиры получили, разбежались по всему Лангепасу. А я все равно знаю, кто чем занимается в свободное время.

Крепкая внутренняя связь между членами коллектива помогла родиться сильной производственной единице, которой по плечу большие дела.

Чувство локтя вселяет в каждого уверенность в том, что он многое может.

В бригаде разные люди и по возрасту, и по образованию, и по характеру. И вот из них куется единый характер бригады, которому кто-то один противостоять уже не может.

— Сейчас валим лес под третий микрорайон, — Завершает свой рассказ Горошко. — Работа тяжелая. По плечи в снегу. Но хоть бы кто сказал: «Что мы, проклятые, ежедневно валить этот лес? Пусть и другие попробуют». Разговоров таких не возникает. Может, кто и подумает, а тянется за всеми, чтобы не выглядеть слабее их.

Л. АНИКЕЕВ

ЗВЕЗДА ЛАНГЕПАСА

14 апреля 1987 года

РАССВЕТЫ АЛЕКСАНДРА ГЕРМАНА

С высоты строящегося здания он видит, как встает солнце над городом. От искрящихся в его лучах льдинок и снега утренний Лангепас кажется сказочным островком среди тайги.

— *Моя работа — строить город и первым встречать рассветы, — с гордостью говорит Александр Герман.*

Вот уже шесть лет с высоты строящихся зданий любит расти город Александр Герман. Именно столько прошло с тех пор, как повернул он свою судьбу, связав ее с сибирской стройкой. И какой быть его жизни — счастливой или неудачной — сам в ответе. Поэт сказал: человек оставляет людям песни, книги, города. Александр со своими друзьями построит город. Намерение поехать на ударную стройку жило у него с юношеских лет. Помнит, как завидовал комсомольцам, уезжающим в Сибирь. Запали в душу услышанные однажды по радио слова бойца отряда «Молодогвардеец» Милы Левченко, произнесенные на митинге в Москве: «Я еду в Сибирь не в гости, не на сибирские пельмени, не потому, что мои руки и знания не нужны дама. У нас всюду есть дело рабочему человеку. Но есть самые главные дела. К ним сегодня зовет нас партия, а значит, и наше комсомольское сердце. И мы обещаем, что в новом, необжитом крае создадим новый город, город нашей мечты».

Спустя некоторое время буйные сибирские ветры подхватили и Александра. В первых числах июня восемьдесят первого с путевкой комсомола прилетел он в Лангепас.

Свои строительные «университеты» начал проходить в бригаде Д. Ф. Лавренчука. Работал Александр на совесть, а когда возникала какая-то заминка, быстро и расчетливо соображал, как найти выход. Говорят: жизнь — лестница. Каждый волен идти вверх или вниз. Он выбрал ступени, ведущие к мастерству. Как-то я спросил, в совершенстве ли он овладел им. Он с запальчивостью ответил:

— *Вы что! Разве мастерству есть предел? Человек должен совершенствоваться всю жизнь.*

Если говорить о главной черте Александра, то это — трудолюбие. Ты можешь многое знать, многое уметь, но, если работаешь с прохладцей, не быть тебе в бригаде уважаемым человеком. А у этого парня, видимо, было еще что-то такое, за что в июне восемьдесят пятого при создании комсомольско-молодежной бригады вожак ее ребята избрали именно его — Александра Германа. Бригадир нужно не только показывать образцы труда: «Делай, как я!» Надо, чтобы все действовали, как один человек,

чтобы каждый был поставлен на свое место и в то же время всегда был готов помочь товарищу или заменить его. Как-то я спросил Александра, что он сам об этом думает и что считает главным в своей работе как руководитель коллектива.

— Я считаю, — ответил он, — в первую очередь надо создать и постоянно поддерживать в бригаде доброжелательный микроклимат. Этому учил меня и Д. Ф. Лавренчук. Я, как заповедь, храню в памяти его слова, когда поздравили меня с избранием бригадиром: «Береги самое главное в бригаде — настроение. Думай не о себе — о людях. Знай: ты их компас и совесть, во всем и везде».

— А еще, — размышляет бригадир, — нужно, чтобы тебе верили. Верили во всем. Сделал ошибку — не пытайся скрыть. Гордыню свою перед людьми не выпячивай. Где надо, и настойчивость прояви, чтобы друзья-товарищи видели: бригадир не спасует, стоит за коллектив.

Этот молодой комсомольский коллектив как-то сразу стал вровень с лучшими бригадами треста. Уже по итогам прошлого года он признан победителем в республиканском социалистическом соревновании среди бригад Минстроя БССР, работающих по бригадному подряду и обеспечивших наивысшее выполнение всех заданий. Ему присвоено звание «Лучшая хозрасчетная бригада», вручен Почетный вымпел Минстроя БССР и Белорусского республиканского комитета профсоюза рабочих строительства и промстройматериалов.

По итогам четвертого квартала прошлого года бригада Германа стала победителем среди комсомольско-молодежных коллективов Лангепаса.

Бригада Германа — комплексная, — кроме монтажников, здесь и каменщики, и сварщики, и плотники. Все знают монтажное дело, монтажники умеют вести кирпичную кладку, все рабочие бригады хорошие бетонщики. Подобная универсальность, взаимозаменяемость позволяют бригадиру маневрировать в выборе работ, организовать двух- и трехсменную работу, экономить время.

Были и трудности. Душа бригадира восставала против бесконечных выбиваний стройматериалов и изделий, авральных штурмов в конце каждого квартала. Но еще хуже, когда люди простаивают без дела. Не мог бригадир выносить такого. Всем коллективом искали выход. Не было, к примеру, закладных деталей — ехали на свалку, собирали куски металла и делали эти закладные. Левая панель после некоторых переделок становилась правой и шла в дело. По правилу лучше сначала навесить панель, а потом делать примыкающие к ней перегородки. А если ее нет? Ребята делали перегородки, а когда появлялась панель, монтажникам

приходилось устанавливать ее, закрепив шись на подвесных ремнях. Конечно, это труднее. Но сколько бы времени потеряли впустую, если бы ждали. Или такой пример. Нет битумоварки. Ребята находят на свалке списанную, восстанавливают ее.

Бывают в бригаде споры до хрипоты и горячие словесные взрывы, и упрямство, но вот чего у них не отнять, так это горения в делах, упорства в работе. Коллектив выделяется своей организованностью: отшлифованы связи между людьми и звеньями. И не только этим.

— У меня твердое убеждение, что прогульщиков, пьяниц, лодырей и бражников плодит плохая организация труда, — говорит бригадир. Если человек пришел на хорошо подготовленное рабочее место, если вокруг отношение к делу серьезное, он и сам не подведет, да и товарищи не позволяют.

Сегодня в работе строителей главное — не только выполнение плана, повышение производительности труда, сокращение сроков строительства, но и умение каждого члена коллектива по-настоящему хозяйствовать.

Учит бригадир своих ребят считать государственные рубли. В прошлом году бригада сэкономила 1,3 тонны цемента, 2 тонны металла, 5 кубических метров пиломатериала, 3,5 тысячи штук кирпича... Чтобы оцифровать эту экономию, скажу, что пятью кубическими метрами пиломатериалов можно выполнить отделку более десятка квартир, из двух тонн металла — изготовить арматуру фундаментов двух секций жилых домов...

Александр Герман со своими друзьями по бригаде ведет монтаж последних изделий построенного ими Дома культуры нефтяников. Из транзистора, принесенного кем-то из ребят, летит песня Юрия Антонова о том, как трогательно возвращаться человеку под крышу дома своего. И мысли Александра, навеянные песней, возвращают его в далекое детство.

Трудолюбие — семейная черта Германов. У родителей Саши — Григория Карповича и Валентины Александровны — семеро детей. Саша — пятый. Сколько себя помнит, он и его братья и сестры с малых лет приобщались к труду. Младшим — коса или грабельки поменьше, старшим — побольше. И Саша в одиннадцать лет уже взял косу. Другой работы по дому, по хозяйству для него тоже всегда было в избытке: младших сестричек нянчить, коров пасты, поросят кормить...

Монтирует Саша панели, а сам думает о своих ребятах. Любого человека характеризуют поступки. Бригаду же — дела и действия всех вместе. К примеру. Руслан Алхазов — отличный плотник. Никому не

откажет в помощи: подсказать, научить. А вот сварочное дело в совершенстве знает Александр Михедько.

Вспоминает Герман такой случай. Получила бригада новый объект — строительство Дома культуры. Нужно монтаж вести, а специалист по этому делу в бригаде один-единственный — Володя Хотько. «Вот, — думает бригадир, — тут-то мы и сядем в лужу». Но прошло совсем немного времени, и все ребята бригады стали монтажниками..

Добрые дела бригады не замыкаются производством. Взять, к примеру, шефство над 7 «в» классом средней школы №2. Ребята подружались со школьниками, помогли им оформить классную комнату. Ведут у них секции общей физической подготовки.

Стали традицией выезды на природу всей бригадой с семьями: рыбалка, спортивные игры, душевная песня под гитару у костра еще крепче объединяют людей.

Дружбе ребят помогает спорт. Им в коллективе увлекаются практически все. Многие имеют высокие разряды, а некоторые по нескольким видам спорта. Заводила в этих делах Виктор Заяц. Он мастер спорта по лыжам...

Александр Герман понимает, что здесь, в Лангепасе, как и во всей Западной Сибири, идет битва за большую нефть. И чем больше они построят жилья, тем больше страна получит ценного сырья. «Постоянно надо иметь в виду, — сказал на совещании партийно-хозяйственного актива в Тюмени товарищ М. С. Горбачев, — что успехи нефтяников и газовиков Тюмени укрепляют мощь страны, а неудачи лихорадят экономику, замедляют наше движение». Так что и его, Александра Германа, бригада — солдаты передовой линии.

А. АНИКЕЕВ
ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
13 августа 1983 года

ВСЕГДА В СТРОЮ

Недавно Герою Социалистического Труда, кавалеру двух орденов Ленина строителю Н. М. Дуборенко исполнилось пятьдесят лет. Сегодня мы публикуем рассказ о ветеране труда, первопроходце нефтяной целины.

Дума о вчерашнем дне

Светлая «Волга», шурша шинами, бежит по городу. Встречный ветерок гладит лицо и волосы сидящего за рулем человека. Но не под силу разгладить морщины, отметины прожитых лет, которым завтра будет ровно пятьдесят. Дата особенная, заставляющая задуматься о прожитом, подвести предварительные итоги. Хотелось побыть одному, проехать по незабываемым местам, чтобы крепче удержать в памяти минувшие, близкие сердцу события.

Николай Маркович поставил машину на площадке недалеко от дебаркадера, уже многие годы заменявшего городскую пристань, прошелся по берегу в направлении старого Вартовска. Он пытался припомнить то место на берегу Оби, где девятнадцать лет назад, в августе 1964 года, высадился первый десант строителей во главе с Г.С. Арнопольским. С этим человеком свела его счастливая случайность. Прочел он как-то в «известиях» статью Ю. Г. Эрвье о Сургуте и решил махнуть туда. Доехал до Тюмени. Там и встретил. Георгия Самуиловича, с которым состоялся краткий разговор:

- Специальность?
- Электросварщик.
- Топор в руках держать можешь?
- Приходилось — в деревне вырос.
- Годишься.

Так и оказался он в Нижневартовске. Звенели топоры, визжали пилы. Появилась первая лежневка, здание конторы на улице Пионерской. Работали от темна до темна. Донимали камары, гнус.

Сколько было радости, когда появился первый экскаватор. До этого все земляные работы выполнялись вручную: траншеи под фундамент домов, котельной. Был он на пневмоходу, часто застревал в болоте. Все, кто был поблизости, спешили на выручку — укладывали под колеса бревна, поднимали вагонами — вытаскивали. И хоть не приспособлен был экскаватор к местным условиям, помощь все-таки от него была большая.

В 1965 году образовалось пятое строительно-монтажное управление, на базе которого в дальнейшем вырос трест Нижневартовскнефтестрой, а участок механизации стал первым управлением механизированных работ этого треста, где и работает Николай Маркович по сей день.

Машина притормозила на углу улиц Пионерской и Мусы Джалиля. Вот он, один из первых домов будущего города, в котором Николай

Маркович получил комнату. Сюда к нему с сыном и дочкой приехала его Зинаида Григорьевна — верный спутник жизни. Вспомнилось, как она оступилась однажды с лежневого настила у самого дома и ее засосало. Еле вытащил, а сапоги так и остались в болоте. Кажется, совсем недавно это было. А уже выросли дети, закончили техникум. Дочь работает в одном управлении с ним, сын — в мегионской геофизической партии.

Машина резво несется по бетонке. Вот и знаменитая двухсотая скважина Самоглора. Надо же, считай пятнадцать лет пролетело с тех пор. Где-то в первых числах октября 1968 года два трактора благополучно притащили сюда его экскаватор, установленный на лыжи из швеллеров. А вот вышкостроителям не повезло — буровую везли дней двадцать, да раз десять топчили. Первая его работа — вырыть траншею для трубопроводов протяженностью два километра, чтобы по ним подать воду для бурения. Начал копать, а через несколько дней провалился экскаватор. Три бульдозера, два трубокладчика пришли — с трудом вытащили. Где-то к январю следующего года водовод построили, 27 января, несмотря на активированный день, С.А. Повх начал проходку.

Николай Маркович вздохнул, вспомнив жизнерадостного мастера Степана Ананьевича, и вернулся к машине. Она за какие-то полчаса добежала до окраины города. Домой еще рано — Зина на работе до девяти вечера. Остановился на площадке у памятника покорителям Самоглора

... Ничего в жизни ему не давалось легко. Свой первый хлеб Коля начал зарабатывать рано. Отец умер, когда ему и пяти не было. А в шесть — семь, чтобы заработать копейку, летом лозу драл, зимой — метлы вязал. Однажды нарезал он для метел веток, уложил их на саночки и по снежной целине потащил их к дороге. Пока добрался, умаялся и уснул у обочины. Добрые люди подобрали, снегом оттерли, закутали в тулуп.

...С грустью он вспоминает годы оккупации и послевоенное лихолетье.

С лица земли стерли фашисты его родную деревню Узнат, что на Гомельщине. Половина района, где проходили бои, осталась без крова, жили в землянках. Мальчонкой пошел Николай работать на кинопередвижку.

Кое-кто из друзей-киношников отказывался ехать в сгоревшие деревни — ни выручки там, ни поесть, ни переспать. Коля ездил, потому что видел, понимал, как ждут его люди, как нужны были им эти минуты радости встречи с кино. И как велика была его благодарность за награду — булку хлеба, торжественно врученную руководством района за честную работу. Он и сейчас помнит материнские слезы. «Кормилец ты наш», — шептала мать, глядя его по голове. У ног ее терлись, шмыгая носами, две маленькие сестрички. Их отец, а его отчим, погиб в сорок пятом.

После службы в армии работал Николай на торфопредприятии Василевичи, где и получил профессию машиниста экскаватора. Когда надумал уехать в Тюменские края, Зина не возражала. Тем более денег на собственную хату он не успел собрать, не было еще насиженного гнезда, которое жалко было бы покидать.

...Николай Маркович взглянул на часы: «Пора», — и направился к машине.

Выводы делать рано. Немногословен Николай Маркович в разговоре о его работе. Более красноречиво говорят об этом цифры и люди, которым довелось работать с ним бок о бок. Сравним первый и последний годы десятой пятилетки. Производительность его труда возросла почти в полтора раза. За пять лет вырыто им около двухсот траншей, разработано около полумиллиона кубических метров грунта.

— О Дуборенко скажу, что героем он был всегда, — говорит начальник управления механизированных работ треста Мегионнефтестрой Илья Александрович Щепочкин, бывший руководитель Николая Марковича.

— У него обостренное чувство ответственности, причастности ко всем делам. Кто-то не может задание выполнить, а Дуборенко справится. Кто-то отказался в выходной сделать срочную работу — Дуборенко не откажется. Помню, улетел он на вертолете в Нижневартовск к семье на денек. А тут авария — его с порога вернули. Двое суток не покидал экскаватор.

Понадобилось послать кого-то в Финляндию изучать заграничную технику — бульдозеры «Каторпиллер». Решили: поедет Дуборенко. Он во всем дотошно разберется. Приехал домой, обучил других и снова вернулся на экскаватор.

Вспоминает Анна Петровна Бокова — инженер по технике безопасности второго строительного-монтажного управления, работавшая тогда прорабом.

— Мне довелось с Николаем Марковичем начинать обустройство Самотлора. Увозили нас туда на вертолете на неделю. Жили в вагончиках недалеко от двухсотой. С каким мастерством он преодолел вал болота. Пешком не пройдешь, а он на экскаваторе проползет. Отличался твердостью характера, смелостью решений, уверенностью в себе. Иной раз опускаешь руки: все, ничего не выйдет. Он посидит, подумает и обязательно найдет решение. Экскаватором и плети тянул, и трубы укладывал. Со временем никогда не считался. Помню, построили мы водовод на двухсотку, водой опрессовали, а он и замерз. Больше суток обогревали. Дуборенко был всегда здесь, пока не пошла вода.

Николай Маркович — участник всех добрых начинаний коллектива. Припомнился мне случай, рассказанный им.

— Лет девять назад решили мы в тресте заняться огородничеством. Начал я подбивать на это доброе дело своих коллег. Многие пошли, а один: «Кому это надо?» — и наотрез отказался. Прошло время. Сейчас своей картошки на весь год хватает, а летом огурчики, помидоры, лук, горох, у многих и цветы. Слышу как-то: «Эти передовики лучшие участки захватили...» Ах, ты, думаю, забыл, как я тебя уговаривал.

Много лет подряд Николай Маркович работал в комитете профсоюза треста, избирался депутатом городского Совета народных депутатов. Сейчас коммунист Дуборенко член партийного бюро управления, ответственный за проверку исполнения решений бюро и партийного собрания.

В прошлом году в тресте была создана сквозная, комплексная, механизированная бригада трубоукладчиков, выполняющая все работы от прокладки трассы до сдачи готового объекта заказчику. Как всякое новое дело, и это не обошлось без накладок. Среднемесячная зарплата экскаваторщика Дуборенко упала на сто рублей. Тот, кто сумел отказаться от нового дела, сейчас смеется: «Тебе больше всех надо?». «Рано делать выводы, — считает Николай Маркович, — поживем увидим».

А. АНИКЕЕВ

ЗВЕЗДА ЛАНГЕПАСА

30 октября 1986 года

«ЗУБРЕНОК» РОДИЛСЯ В СИБИРИ

Детский комбинат строительно-монтажно го треста №37 отмечает новоселье. Нарекли его «Зубренком». Разместился этот голубой трехэтажный теремок на углу улицы Первостроителей и Белорусского шоссе.

Как все переплелось! В далекой Сибири — Белорусское шоссе. А детский садик назвали в честь молодого обитателя Беловежской пуши. И вновь, в который раз, память наводит меня на слова известного советского поэта: «Сибирь — она не только якутская, русская, бурятская... Она и украинская, белорусская, азербайджанская, туркменская — всенародная, всесоюзная Сибирь». Лангепас — уголок Сибири, ставший особо близким и родным для белорусов. В него вложен труд не только тех, кто приехал сюда. Производственный конвейер

начинается там, в Белоруссии, за тысячи верст отсюда. Изделия для «Зубренка», например, изготавливались в городах Светлогорск, Гродно, Барановичи.

В «Зубренке» — новоселье. Здесь пахнут и свежеекрашенные стены, и новая мебель, и первый сладкий пирог, вынутый из новой духовки.

Счастьем светятся лица детишек, хотя они и пытаются быть, насколько это возможно, серьезными и сосредоточенными. Вместе со своими воспитателями они уже в который раз придирчиво осматривают каждый уголок своего нового дома.

Сегодня у них самые главные гости — строители. Торжественный момент. Управляющий трестом П. С. Дулькевич разрезает алую ленту, натянутую у входа. Кусочек ее привязывает к символическому ключу, который вручает заведующей детским садом А. Б. Гордынец. Звучат слова пожеланий новоселам. Сотрудники садика преподносят строителям на вышитом рушнике огромный румяный каравай со словами: «Дорогих гостей встречаем белорусским караваем». Гости рассаживаются за столы с самоварами, пирогами и горками сладостей...

Отступление первое.

Проблема социально-экономическая.

В Лангепасе острая нехватка мест в детских садах и яслях. Винны строителей в том нет. Все, что заложено в генеральный план города, строится в срок. Например, еще идет строительство второго микрорайона, а детские комбинаты, предусмотренные в нем генпланом, введены уже в прошлом году. Дело в другом. Строительство дошкольных учреждений велось по нормам, принятым для мест обжитых. В молодых же городах Западной Сибири живет молодежь. Рождаемость здесь самая высокая в стране. Не подходят эти нормы и для Лангепаса. Правда, проектировщики уже сделали поправку. В третьем микрорайоне города детские комбинаты строятся из расчета 120 мест вместо 90 на тысячу жителей. В этом жилом массиве будет уже не два, а три детских дошкольных учреждения на 280 мест каждое. По всей вероятности, рост очереди на места в садики приостановится. А что же делать для ликвидации уже имеющейся? Выход один: предприятиям строить самим. И вот первая ласточка — ясли-детсад «Зубренок» на 140 мест.

Стремление строителей решить проблему с обеспечением местами в детсад детишек своих работников получило поддержку в Министерстве строительства БССР.

Сегодня проблема с местами в детских садах полностью не снята. Существует еще очередь нуждающихся. Поэтому и не ликвидирована детская комната на 60 мест. Хотя условия в ней будут приближены к детсадовским. Там работают опытные педагоги. Будут в контейнерах доставляться горячие обеды.

Есть у строителей замысел продолжить доброе дело — в следующем году возвести еще один сад. Этим самым решатся не только социальные, но и экономические вопросы. Мамы, сидевшие дома со своими детишками, пойдут работать. Ведь большинство из них — опытные специалисты, работники строительных профессий. Появится дополнительная рабочая сила.

Экономическая выгода не только в этом. Скажите, какой из отца или матери работник, если в течение смены их не оставляет беспокойство за оставленного дома без присмотра ребенка? Нужной отдачи от них нет. А многие оставляли своих детишек одних. М. Я. Гришкевич, отец Андрюши, начавшего посещать «Зубренок», рассказал такую историю. Приходят они с женой как-то домой, а Андрюша и говорит: «Постучался дядя, спросил, где папа, мама, потом забрал транзисторный приемник, магнитофон и ушел». «Что сказал дядя?» — спрашивают малыша. «Спасибо!». А отец Димы — А. С. Павлович — признался, что брал сынишку с собой на работу, и тот целую смену катался в кабине.

Отступление второе.

Шефы.

Возводила этот садик бригада Н. В. Колтакова.

Она специализируется на монтаже детских комбинатов. Этот на ее счету четвертый. Поработал коллектив на славу. Монтаж выполнил на три месяца раньше срока. Не подкачали и отделочники.

— Мы постарались сделать все, чтобы «Зубренок» понравился детворе, — говорит управляющий трестом П. С. Дулькевич, — Яркие, светлые тона отделки в залах и игровых комнатах, удобная, красивая мебель, на полуковровые дорожки. Приобрели для ребят пианино, телевизор, магнитофону. Весь спортивный инвентарь изготовили у себя на предприятии. Шефство над садиком будет у нас постоянным.

В беседу включается председатель объединенного профсоюзного комитета треста В. В. Сосункевич:

— Мы уже сегодня думаем о работе с коллективом воспитателей. Разрабатываем положение об их премировании за улучшение ухода за детьми, за воспитание, за снижение заболеваемости.

...В зале оживление. Начались игры и конкурсы. Соревнуются в ловкости строители и работники детского сада. Видно по всему, воспитатели взялись доказывать, что взрослые — это большие дети. А коль их развеселили, то детишки и подавно не будут скучать. Начался песенный конкурс между гостями и хозяевами. Я же беседую с заведующей детским садиком.

Отступление третье.

Воспитатели.

Алла Борисовна рассказывает, что в тресте внимательно отнеслись к подбору кадров воспитателей. Все они имеют педагогическое образование. Восемь человек — высшее, остальные — среднее специальное. С первых же дней активно включились в работу Татьяна Новик, Алла Козлюк, Нина Плаксова, Ольга Головастая. Сами сшили шторы, покрывала. Сразу же включились в общественные дела.

...Над Лангепасом синее вечер, разбавленный электрическим светом. Свет горит и в больших окнах нового детского садика. Горит тепло, уютно.

Л. АНИКЕЕВ

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДОРОГИ

Говоря об участии Белоруссии в покорении недр Западной Сибири, нельзя не отдать должное особой роли дорожников и автомобилистов республики. Их десанты забрасывались в непролазную тайгу и непроходимые топи самыми первыми, опережая буровиков, строителей, нефтяников... Потому что и буровики, и строители, и нефтяники, равно как и все прочие участники «сибирского штурма», не могли развернуться в полную силу, пока к месторождениям не были проложены автомагистрали, пока по этим магистралям не начинали поступать потоки грузов, необходимых для жизни и работы гигантского организма Тюменского топливно-энергетического комплекса.

Первым, как известно, приходится тяжелее всех. Образно говоря, эти дороги по частичкам привезены автомобилистами за многие километры. У них и дорожников одна цель: в кратчайшие сроки сдать объект. Но все преграды успешно преодолевались работниками треста «Белнефтедорстрой»

и объединения «Белнефтеавтотранс». О том, в каких условиях добывались производственные успехи этих подразделений, можно судить даже по кратким воспоминаниям участников тех событий, записанных в 1985-86 годах.

25 ДНЕЙ ОДНОГО ГОДА

Николай Григорьевич Шавлак, главный энергетик ДСУ-11 треста «Белнефтедорстрой»

— Наш трест обосновался в Нижневартовске с 1980 года. Прибыли на место и сразу поняли: никто для нас ничего не приготовил. Поэтому, прежде чем начать прокладку дороги, нужно было самим построить жилье, создать базы будущих строительных и автотранспортных организаций... Причем, как правило, не на месте уже существующих поселков, а за десятки, сотни километров от них, в местах абсолютно необжитых и до предела суровых. Нам предстояло создать населенные пункты, дотоле не существовавшие на картах. Первым, построенным с нуля, был поселок Белорусский на берегу таежной речки Вах (более 200 километров от Нижневартовска — если по прямой и около 400 — если по воде). Следующими были поселки Беловежский, Минский, Брестский, Пионерный...

Их стремительное появление и не менее стремительный рост у многих вызывали удивление: таких темпов просто «не бывает». Но тут были свои, совершенно конкретные причины. Бесспорно, большую роль сыграла продуманная стратегия освоения «северного плацдарма», разработанная в белорусских промышленных и хозяйственных «штабах». Нестандартным условиям севера Западной Сибири были подстать и нестандартные управленческие решения. Ломались привычная структура и организация строительного производства, осваивалась совершенно новая технология сооружения дорог. Пересматривались (не всегда официально) и общепринятые нормы интенсивности труда: коллективы трудились в две-три смены, протяженностью каждая по 10-12 часов, без выходных и праздничных дней... Или такое, абсолютно, на мой взгляд, гениальное решение, принятое руководством Министерства дорожного строительства Белоруссии: создать для нужд треста «Белнефтедорстрой»...собственный флот. Дело в том, что более 70 процентов месторождений в Западной Сибири расположено по берегам малых рек. И создав свою собственную «плоскодонную» флотилию из небольших катеров и барж с мелкой осадкой, трест смог организовать бесперебойную доставку грузов на свои передовые опорные точки и трассы строящихся магистралей.

Но, безусловно, главным фактором, придавшим строительству «нефтяных» дорог невиданное, фантастическое ускорение, стал человеческий фактор. Ни одна, даже самая передовая технология, не

сравнится «по весу» и значимости с самоотверженностью и мужеством, могучей волей и энтузиазмом первопроходцев, их идейной и нравственной силой. И вот результат ударного, поистине героического труда: за годы одиннадцатой пятилетки коллективом треста введено в эксплуатацию более 300 километров дорог с твердым покрытием — что составляло ни много, ни мало одну треть всех автомагистралей, построенных за этот период в Нижневартовском районе.

Не хочу, говоря о героическом труде моих товарищей, быть голословным. Мне довелось войти в состав «отряда особого назначения» из десяти человек, высадившихся летом прошлого, 1985 года в ста километрах от поселка Белорусский (где находится контора нашего управления), на берегу речки Колик-Еган. Задание было такое: за месяц (и ни днем позже) смонтировать на «сотке» подстанцию и провести полуторакилометровую линию электропередач к ней. Ток будущей подстанции был необходим для скорейшего запуска в работу земснаряда. Земснаряд необходим, чтобы как можно быстрее начать намывку грунта для строительства дорог. А дороги, в свою очередь, нужны были нефтяникам для досрочной «распечатки» Гун-Еганского месторождения. Выходит, и от нас, десяти человек, от нашего местного «боя» зависел исход настоящего «сражения» за большую нефть. Каждый в нашей ударной группе прекрасно понимал, какую огромную ответственность взваливает на свои плечи. И Сергей Шайтор, и Валерий Кисмерошкин, и Валентин Морозов, и Геннадий Литвин. Да хоть всех перечисляй... Каждый — отменный специалист, и здоровьем бог не обидел, и с чувством ответственности у каждого тоже полный порядок. Но все же не случайно, провожая нас на задание, хмур был главный инженер ДСУ Эдуард Морозов. Было от чего хмуриться: по всем строительным нормам и правилам, да и по количеству «бойцов», поставленная перед нами задача была невыполнимой.

Неприятности начались сразу же, когда мы еще не отчалили от причала Белорусского. Я как старший по команде распорядился, в каком порядке расставить на барже бульдозер, кран, сварочный агрегат, вагончики, дорожные плиты и другие грузы, и по неопытности допустил серьезные просчеты. Капитан буксира в назидание рассказал поучительную историю о том, как однажды баржа, груженная вот так же, то есть с нарушением всех законов геометрии и физики, на первом же более-менее серьезном речном повороте перевернулась... И только через десяток километров (дело было ночью) на буксире заметили, что баржа следует за ними вверх дном.

Пришлось нашу посудину разгружать, загружать снова — как положено. Но от причальной стенки мы отвалили, конечно, с большим опозданием. Это опоздание нам, ясное дело, аукнулось: к месту назначения мы прибыли в самое неудобное время — где-то в четвертом часу утра. Не выспавшиеся, не отдохнувшие, злые, ребята работали молча. У всех на уме была одна мысль: быстрее закончить — и спать! Не знаю, как кому, но мне

их злость показала хорошим знаком. Я воочию убедился, что мои ребята на многое способны: к шести часам разгрузка была закончена.

Мы с самого начала разделились: часть людей займется монтажом подстанции, часть будет копать ямы под опоры ЛЭП. Приходилось, конечно, тяжело. Погода стояла на редкость жаркая, к тому же безветренная, скопища гнуса преследовали постоянно — поэтому работали, практически не снимая энцефалитных костюмов и накомарников. Да и сами физические нагрузки были будь здоров — особенно у «землекопов». Добавьте к этому одиннадцатичасовой рабочий день (такой распорядок был установлен коллективно в первый же день, иначе, решили мы, не успеть) — и вы поймете, какую добровольную каторгу взвалили на себя эти парни.

Выручали шутки, юмор. Особенно веселым нравом отличался наш всеобщий любимец Гена Литвин. Он у нас взялся заправлять котлопунктом (тоже, кстати, добровольно). Естественно, поднимался раньше всех (впрочем, как и ложился), чтобы успеть до начала смены приготовить завтрак... Однажды утром просыпаемся, а Гена стоит возле дымящегося котла... в одних плавках. И, странное дело, ни один комар на него не садится. Стали выяснять причину такого неестественного их поведения. И оказалось, что Геннадий свой фирменный «антигнусный» рецепт изобрел: смесь «Дэты» с одеколоном «Гвоздика». Казалось бы, что такое, — шутка, пустяк. Ан нет: пошутил — и зарядил всех на целый день хорошим настроением.

Шли мы заданным ритмом, строго выдерживая донельзя напряженный график. Казалось бы, уже совсем реально замаячил на горизонте успех... Готовились к установке опор линии электропередач. Все столбы были готовы, оставалось только содрать с них кору. И тут внезапно выяснилось, что местные лесозаготовители в нарушение договора наотрез отказываются от этой работы. В этот момент не выдержал, сорвался один из парней. Кричал, что он и так устал, что его, квалифицированного специалиста, превратили в землекопа, грузчика и вообще черт знает в кого. А закончил тем, что заявил: чужую работу выполнять не буду. Никто с ним не спорил. Настроение у всех было подавленное. Но что-то надо было делать. Я был не в состоянии, да и не имел права никого заставлять выполнять эту непредвиденную, «чужую» работу после уже сделанной «своей» сверхурочной работы. Поэтому молча взял топор и отправился к тем злополучным лесинам. Тюк, тюк! Смотрю, подходят один за другим мои парни, пристраиваются рядом и тоже: тюк, тюк! Подошли все, без единого исключения... Три дня занимались этой непредвиденной работой, став зато заправскими «шкуродерами». Но ведь в то же время мы упускали что-то на других участках «фронта». И это тянуло за собой цепочку непредвиденных осложнений. Конкретный пример: не успели соорудить нормальный причал к приходу баржи с дизтопливом — в результате, когда баржа пришла и стали ее разгружать, то пробили дно одной из бочек. Пролившаяся солярка

грозила залить берег, попасть в реку. Меня порадовало, с каким усердием, без ворчания и подталкиваний со стороны возились ребята, чтобы предотвратить загрязнение берега и реки. Ни у кого, похоже, не возникло и мысли, что здесь, у черта на куличках, экологическая катастрофа местного масштаба осталась бы гарантированно никем не замеченной.

После этого происшествия мы стали ближе друг к другу. Может быть, еще и потому, что, дружно справившись с этим авралом, с этой непредвиденной «сверхзадачей», увидели контуры приближающегося финала нашей таежной эпопеи. И действительно: оставалась лишь кое-какая необходимая работа по соединению концевой высоковольтной опоры с нашей «бревенчатой» ЛЭП да еще что-то по мелочам. С этой работой ребята справились играючи, за пару дней.

...А главный инженер как чувствовал — прилетел аккурат в день «подбирания хвостов». Ходил по объектам, смотрел — и все молча. Под конец только одно и спросил: как, мол, это вы управились за двадцать пять дней?

ДО И ПОСЛЕ МИТИНГА

Иван Брониславович Тышкевич, начальник службы эксплуатации производственного объединения «Белнефтеавтотранс»

— В октябре в Нижневартовске состоялся митинг. Производственное объединение «Нижневартовскнефтегаз» рапортовало о добыче двухмиллиардной тонны «черного золота» с начала эксплуатации Самотлора и близлежащих месторождений-спутников. Но надо отдать должное героям дня: не забыли, выразили огромную признательность белорусам за досрочный (на полгода раньше запланированного) ввод в действие дорог с твердым покрытием на Ершовском и Хохряковском месторождениях. Именно этот «дорожный задел» и проложил (в прямом смысле слова) путь к успеху...

Немало теплых слов было сказано и в адрес нашего «колесного» ведомства. И совершенно справедливо: не было бы никакого торжества без синхронной, дружной, бок о бок работы дорожников с автомобилистами. Да и то сказать: для того, чтобы построить дорогу, надо ее прежде привезти «по кусочкам». И привезены были эти «кусочки» (которых набралось за шесть прошедших лет — 33 миллиона тонн) автотранспортниками, зачастую в условиях полного бездорожья...

О многом поневоле вспомнилось на том митинге. Август 1980-го. Вслед за первым в районе Самотлора высаживается второй десант автомобилистов из Белоруссии (возглавить который было поручено мне).

После кратковременного «квартирования» в Нижневартовске нас перебрасывают в Лангепас. Поселяют в только что построенное общежитие. В первую ночь заснуть было практически невозможно — температура в комнатах не поднималась выше нуля. А на дворе ноябрь. Вместо сна устроили аврал: затыкали паклей, тряпками, одеялами, и вообще чем придется щели в полу и потолках, по периметру окон...

В столовой-вагончике было ужасно тесно. Питались «короткими очередями» по 10-12 человек. Из-за тесноты, холода, отсутствия вентиляции на потолке налипали огромные белые «снежинки», которые то и дело плюхались прямо в тарелки...

Тяжко пришлось в ту первую зиму женскому составу нашей команды. Комната у них была самой большой, но и — самой промерзаемой. Эта комната была всем одновременно — жильем, кухней, прачечной, парикмахерской... Но наши героические женщины не только сами стойко переносили все тяготы неустроенного быта, но еще и находили в себе силы, чтобы подбадривать мужчин!

Такая моральная поддержка мужикам, была крайне необходима: работали они буквально на пределе человеческих возможностей. Зимой, конечно, было относительно легче. Холод, но дорога накатанная, отсыпка полотна идет неплохо. Правда, сюрпризов от деда мороза хватало. Представьте: подъезжаешь к карьеру, а из забоя белые клубы валят, как из парилки. Но это вовсе не тот пар, не банный, а тот, что бывает в сорокапятиградусный мороз, когда застывают двигатели в машинах, карьерная техника — тоже... Экскаваторщику сквозь пелену тумана ни зги не видно, особенно ночью (работы велись и по ночам), а грузить надо... Ясно, что техника не выдерживала такого варварского к ней отношения...

И все же самым тяжким испытанием для водителей было летнее бездорожье. Жара, комары, мошки, оводы одолевают. А под колесами — грязь непролазная, невиданная. Со мной не раз ребята делились: поездишь по такому месиву смену, а то и полторы-две (в зависимости от обстоятельств) по разбитой лежневке, расползающейся насыпи, прислонишь голову к подушке, а перед глазами кружатся каруселью дорога и машина, дорога и машина...

Понятно, что, испытывая сверхперегрузки, автотехника нуждалась в частых ремонтах. А крытых помещений для ремонта у нас по первости не было, не успели построить...Что ж, ко всякому привыкали. Навсегда останутся в памяти костры «в чистом поле», неподалеку от них водители ремонтируют свои машины. А какое было счастье, когда удавалось устроиться вблизи газового факела на месторождении — здесь и тепла, и света больше!

Вот в таких, можно сказать, приближенных к боевым, условиях покоряли наши водители свои плановые и сверхплановые километры. Вранье, что только за зарплату. Какой рвач стал бы участвовать в многочисленных субботниках и выкладываться там на всю катушку?.. И очень хорошо, что на том митинге наряду с именами прославленных нефтяников звучали и имена «наших». Кстати, как говорилось в официальных документах, «за успехи, достигнутые при строительстве автомобильных дорог Западно-Сибирского нефтегазового комплекса», многие работники нашего коллектива, наши первопроходцы, были награждены орденами и медалями Родины. В их числе — водители М.И. Филипенко, Г.А. Рахоцкий, А.Ф. Комар, В.М. Доманов, Н.Н. Тукач, В.А. Гайдуков, начальник автоколонны В.П. Кононик...

...Приятно, что и сегодня первопроходцы составляют «золотой фонд» коллектива объединения, по-прежнему впереди, по-прежнему ведут за собой остальных. Они из племени неутомонных, для которых не существует понятия «не могу», для них по-прежнему определяющим является слово «надо».

СМЕЖНИКИ

Помните, как первый десант строителей Лангепаса тащил двое суток с разъезда Урьевский вагончики? Намаялись тогда ребята крепко. Прелестей бездорожья пришлось хлебнуть и тем, кто приехал попозже. Из Нижневартовска в Лангепас можно было ездить только по зимнику. Даже со станции Лангепас, которая появилась на второй год работы белорусского десанта на тюменской земле и находится в шести километрах от поселка, добирались с превеликим трудом.

Теперь Лангепас связан с Нижневартовском бетонкой. По хорошей дороге десять минут езды до станции. И внутри города проезды выложены бетонными плитами.

Это постарались наши земляки из треста «Белнефтедорстрой».

...На окраине Лангепаса поселился завод по переработке нефтяного попутного газа. За ним начинается строительство дороги, которая пересечет Локосовское месторождение, достигнет водозабора на Оби. Значение ее велико. Она облегчит труд промысловиков, откроет выход к обскому причалу. В город пойдут грузы не только по железной дороге и воздуху, но и по воде. Как известно, перевозки речным транспортом самые дешевые.

Отсыпaeмый участок земляного полотна на четыре метра возвышается над безлесой поверхностью поймы. Шумят бульдозеры, виброкатки. Ритмично двигают своими стрелами с ковшами экскаваторы.

«Дирижирует» работой дорожников бригадир К.Ф. Корниевич. Он крепок, энергичен, хотя еще семь лет назад разменял шестой десяток. Родился на Витебщине, трудился в Молодечно. С собой на север привез богатый опыт дорожного строительства. Его бригада одна из лучших не только в управлении, но и в тресте.

— Что помогает добиваться успехов в работе? — спрашиваю бригадира.

— Основательная подготовка производства. У нас работа сезонная. Годовую программу по укладке покрытия приходится выполнять за короткое сибирское лето. Все, что можно, готовим заранее. Материалы, например, развозим и складуем вдоль отсыпанного земляного полотна. Нынче нам хорошо помогли Оршанский, Молодечненский, Лидский заводы железобетонных изделий — досрочно поставили дорожную плиту. И мы ее быстро развезли по будущей трассе... Но, конечно же, главный залог нашего успеха — боевой коллектив. Ни в какую погоду ребята не раскисают.

Через ручей, пересекающий трассу, бригада мостостроительного участка, возглавляемая В.М. Пасечником, строит мост. Громко ухает сваебойный агрегат, сверкают огни электросварки.

— Эта бригада — признанный лидер в социалистическом соревновании, — рассказывает главный инженер шестого дорожно-строительного управления Анатолий Павлович Сей, — если требуется что-то сделать быстро, туда направляем этот коллектив. И не было случая, чтобы он опоздал хоть на день. Сейчас выработка в среднем по бригаде достигает 150-160 процентов

Заехали мы и в притрассовый карьер. Здесь работает экскаваторщик Петр Васильевич Анкудович. В Сибирь приехал по путевке комсомола, до этого работал в объединении «Минскпромстрой». На вопрос, что привело его в Западную Сибирь, ответил:

Захотелось подышать северным воздухом. Трудности ведь закаляют. Становишься крепче, выносливей...

Акклиматизацию Петр проходит отлично. Его экипаж в числе передовых. Тяжелая машина, которой управляет Анкудович, работает плавно, без рывков. Кажется, экскаваторщик слился со своим агрегатом, и все так легко, так просто у него получается. Но за этой легкостью — незаурядное мастерство. Посудите сами. Цикл экскавации (опускание

ковша, выемка грунта из рабочей зоны карьера, подъем и т.д.) состоит из двадцати восьми отдельных движений. И на все это по норме отпускается тридцать пять секунд. Анкудович же укладывается в двадцать пять. Благодаря этому месячное задание ему удастся выполнять за три недели, а то и быстрее.

Хлопот у Петра множество. Но он находит время и для общественной работы. Председатель группы народного контроля — это не шутка.

...Штаб десанта белорусских дорожников размещается в трехэтажном здании на улице Самогторной города Нижневартовска. Выставленные здесь красочные стенды рассказывают о выполнении социалистических обязательств. На одном из них яркий плакат, сообщающий о том, что коллектив треста «Белнефтедорострой» досрочно выполнил свое пятилетнее задание — построил на сибирской земле более трехсот километров дорог.

...Белорусские дороги на Тюменщине. С каждым днем их становится все больше и больше. Сегодня они бегут к Лангепасу, к окружающим его месторождениям, устремились к новым месторождениям в восточной части Нижневартовского района, где всего лишь год назад начало действовать новое нефтегазодобывающее управление «Новомолодеженскнефть», дают доступ к шестой очереди знаменитого самогторского месторождения. А впереди много еще дел на тюменской земле.

xxx

Начальника автобазы №2 Минавтотранса республики Михаила Терентьевича Красавина — седого кряжистого человека — в Лангепасе называют не иначе, как старейшиной белорусского десанта. Ему за шестьдесят. Давно заработана приличная пенсия. Но он не мыслит себя без работы.

На Тюменщине оказался по делам сугубо семейным. Племянник отбил от рук и сестра позвала на помощь. Получив отпуск, Михаил Терентьевич отправился в путь. Забегая вперед, скажем, что свою воспитательную миссию он выполнил. Племянник теперь — уважаемый в коллективе человек, хороший рабочий. Но эта поездка стала переломной в жизни самого Михаила Терентьевича.

На трудности его жизнь не скупилась. Со школьной скамьи пошел на фронт и солдатскими дорогами дошел до самого Берлина. После войны сел за баранку автомобиля, восстанавливал родную Белоруссию. Закончив институт, занимал инженерные должности, стал начальником автомобильного управления. В последнее время работал в научно-исследовательском институте.

Сибирь покорила его сразу. А дело было так. Поехал на экскурсию в Лангепас — к землякам. Те, узнав об огромном опыте Михаила Терентьевича, предложили ему возглавить автобазу. Согласился не раздумывая.

Большое транспортное хозяйство принял не в лучшем виде. Половина машин на приколе. Территория заплыла грязью. В поселке, где жили водители, холодно... Тут растеряешься. Красавин не растерялся.

— В первую очередь мы должны создать нормальные условия для плодотворного труда и хорошего быта водителей, — заявил он на профсоюзном собрании, которое состоялось на второй день после его вступления в должность.

— Нам уже обещали, — слышались голоса.

— Вы что, рассчитываете на манну с небес? Напрасно. Все будем делать сами, собственными руками...

Уже на следующий день начался ремонт котельной, тепловой сети поселка. Вагончики, разбросанные кое-как, стали ставить аккуратно, один против другого. «Операцией» командовал заместитель начальника по быту.

Сам же Красавин поехал с водителями собирать на дорогах сломанные или отслужившие свой век плиты. За месяц умостили ими почти всю территорию гаража. Теперь на открытых стоянках стало чисто. А новый начальник уже занимался другим: руководил строительством площадок на трассах. Там установили вагончики для отдыха водителей, вагон-столовые. После чего шоферам уже не приходилось тратить по несколько часов на обед.

Полным ходом шли работы по расширению мастерской. Создавались цеха для ремонта двигателей, топливной аппаратуры. На глазах менялось предприятие. А вот до квартального плана немного не дотянули. В министерстве Михаилу Терентьевичу объявили выговор, которого он, надо сказать, ожидал.

— В следующем месяце будет план, — пообещал он тогда руководству. Слово сдержал. Люди, обрадованные добрыми переменами, стали трудиться лучше. И больше никогда во втором автопредприятии не было срывов. Наоборот, из года в год водители увеличивают производительность труда. Если в первый год работы в Лангепасе они перевезли 147 тысяч тонн грузов, то в последнем году одиннадцатой пятилетки — 7 миллионов тонн.

— За счет чего растем? Улучшаем ремонтную базу. Теперь она у нас выполняет и профилактические мероприятия. А чем надежнее машина, тем

больше ее производительность. А еще внедряем прогрессивные формы организации труда. В 1984 году две бригады перешли на подряд. Их опыт детально изучили, распространили. Теперь низовой хозрасчет внедрен в половине наших подразделений.

...Мощные КраЗы один за другим подкатывают к контрольно-пропускному пункту и, получив добро, выезжают за ворота автобазы. Их путь лежит в карьеры, на стройки дорог, что соединят город с дальними месторождениями. Более сотни километров дорожного полотна уже отсыпано коллективом второй автобазы в окрестностях Лангепаса, в самом городе.

У грузовиков другой маршрут. Они доставляют со станции конструкции домов, материалы для бригад треста №37. Перебоев на перегоне «станция — город» не бывает. Партнеры у строителей надежные.

Из архива автора
ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
11 мая 1984 года

ДОРОГИ ДРУЖБЫ

В Нижневарттовском районе на строительстве нефтегазового комплекса трудятся представители нескольких республик. Среди них — посланцы Белоруссии: буровики и тампонажники, строители и автомобилисты. В дорожно-строительном тресте Белнефторстрой я побывал в предмайские дни.

Четвертую весну встречает он на нижневарттовской земле. Нынешняя весна для посланцев Белоруссии особая: исполняется 40 лет со дня освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков. Мир завоеван огромными жертвами. Об этом не забывает никто из нас. Свидетельством тому открывшаяся в предмайские дни в Минске Всесоюзная вахта памяти.

За три года через топи и болота трест проложил 157,3 километра автомагистралей. Это на 7 300 метров превышает задание.

План нынешнего года очень напряженный. Правительство республики обратилось к труженикам треста с просьбой изыскать резервы для выполнения дополнительного задания. Значит дорога к нефтепромыслам на девять километров будет длиннее прошлогодней. Обязательство будет

выполнено, поскольку с первых дней года взят хороший старт. Квартальный план треста реализовал на 109,5 процента.

На самых горячих точках Нижневартовского района трудятся коллективы дорожно-строительных управлений треста. В западной части района, к Лас-Еганскому и Локосовскому месторождениям тянут нитки бетонных дорог труженики ДСУ-6. Они и завоевали первое место среди управлений треста. Лидерами они стали благодаря еще одному, очень важному показателю.

Потери рабочего времени за квартал составили лишь десять человеко-дней против 187 за такой же период прошлого года. Немалая заслуга в достижении хороших результатов принадлежит руководителям управления — начальнику Г. А. Новикову и главному инженеру А. П. Сею.

Ударным трудом встретила праздник весны бригада ударника одиннадцатой пятилетки А. Б. Подольского. В числе лучших здесь называют машинистов бульдозеров Н. В. Бердника и ударника одиннадцатой пятилетки С. Н. Павлючкова, машинистов экскаваторов В. Ю. Станюкина и В. В. Блинного.

А к самым нашим восточным месторождениям — Пермьяковскому и Хохряковскому строят бетонки работники ДСУ-11. С хорошим трудовым подарком пришли они к Первомаю. Квартальное задание выполнили на 126,6 процента, лучших показателей достигла бригада ударника одиннадцатой пятилетки П. А. Климук, превысив план на 29,5 процента, сэкономив 24 тонны дизтоплива на предмайской вахте. Особо отличились машинисты бульдозера А. Ф. Кравченко, автогрейдера С. Ю. Попов, экскаваторов Н. А. Шпак, В. А. Божидай, Н. Ф. Словецкий, Б. А. Костюкович.

Руководит ДСУ-11 В. А. Капыток. В трудное для этого коллектива время возглавил он управление. Было это так. На партийном собрании работникам аппарата треста объявили: «Есть добровольцы возглавить ДСУ-11». «Если мне доверяете, я согласен», — заявил коммунист В. А. Капыток. И управление вышло из прорыва.

В центре нефтяного района на строительстве дорог шестой очереди Самотлорского месторождения работает коллектив ДСУ-39. Отлично потрудились в дни предмайской вахты бригады по укладке земляного полотна Л. Б. Тихона, по укладке плит Л. А. Геращенко и строительству мостов А. А. Протасени. Эти три коллектива взяли сквозной поточный подряд — построить ко дню освобождения Белоруссии 4,8 километра бетонных дорог. Это в полтора раза выше плановой цифры.

Образцы высокопроизводительного труда на предмайской вахте показала бригада строителей П. Н. Бильдюка, выполнившая квартальное задание на 141,1 процента и занявшая первое место в соревновании бригад треста. Плотнику этой бригады С. Г. Алешину присвоено звание «Лучший по профессии».

В преддверии Первоя тридцать один рабочий треста стал ударником коммунистического труда, десять человек получили почетное звание «Ударник 11-й пятилетки».

Дальнейшее увеличение производительности труда коллектив треста видит в сокращении потерь рабочего времени, в повсеместном внедрении сквозного поточного подряда и «рабочей эстафеты». Последнему вопросу было посвящено состоявшееся недавно совместное заседание партийного комитета треста и партийного бюро автобазы №2 Минавтотранса БССР. Ударная вахта продолжается.

Л. АНИКЕЕВ
ЗВЕЗДА ЛАНГЕПАСА
5 июня 1987 года

ДЕПУТАТ

Имя этого человека впервые услышал в конце восьмидесят треть его в поезде от жительницы Лангепаса:

— Раньше мой Сережка, прибегая из школы, скорее хватал что-нибудь пожевать. Неважно там ребятшек кормили. Подговорила я женщин: «Пойдемте к Антоновичу, нашему депутату, попросим вмешаться». Вскоре в школьной столовой наладили горячее питание. И работаться нам, матерям, стало спокойней.

Услышанным поделился с председателем Лангепасского поселкового Совета В. М. Стешенко.

— Речь шла о нашем самом активном депутате Вячеславе Антоновиче Мицкевиче. На его счету много хороших дел.

И другие лестно отзывались о народном избраннике: «Если Мицкевич взялся за дело — доведет до конца». «Мицкевич побывал там. Этот раскрутит...»

После таких лестных отзывов мне захотелось встретиться с этим человеком, познакомиться поближе. Нашел Вячеслава Антоновича в мастерской автобазы, где он остался после смены ремонтировать свой автобус. Не до беседы было, договорились, что приду утром. А на завтра узнаю, что еще в два часа ночи Мицкевича отправили в срочный рейс. Сообщивший мне об этом начальник автоколонны сказал:

— Для Вячеслава Антоновича и производственная, и общественная активность — норма повседневной жизни. Он не откажется от любого задания, пойдет туда, где трудней, поможет товарищу, выступит против несправедливости...

На следующий день пришел к Мицкевичу в шесть часов утра, готовясь извиниться за раннее вторжение. А он уже на ногах — ремонтирует сиденье автобуса. Увиделась мне в этом крестьянская основательность, хозяйственность.

— Немножко подремонтирую и поеду.

Красный «пазик» выехал из Лангепаса и направился в сторону Поточного месторождения. Несколько лет назад, работая на КраЗе, Вячеслав Антонович строил эту бетонку.

...А начиналось все так. Летом 1980 года В. А. Мицкевича вызвал на беседу работник Минского городского управления автомобильного транспорта, которому поручили сформировать новое предприятие — автобазу № 2 для работы в Западной Сибири.

— Там нас ожидают большие трудные дела. Среди болот предстоит построить город нефтяников, протянуть дороги к промыслам. Нужны крепкие, надежные люди, коммунисты, такие, как вы.

Знал руководитель, что водительский стаж у Мицкевича более тридцати лет, за успехи в труде он носит почетное звание «Отличник автомобильного транспорта Белоруссии», его имя занесено в книгу Почета предприятия.

Сын Валерий, узнав о решении отца поехать в Сибирь, спросил:

— А меня возьмешь?

— С удовольствием. Так родился семейный экипаж.

Трудно было на первых порах. Только недосуг Вячеславу Антоновичу вспоминать об этом:

— Когда уйду на пенсию, стану рассказывать внукам, как «штурмовали» болота, как вязли в грязи...

Многих водителей пришлось тогда поддерживать, ободрять. Личным примером Мицкевич доказывал, что в любых условиях можно добиться успеха, если проявить волю, характер, если чувствовать личную ответственность за порученное дело. И люди потянулись к нему. Коммунисты избрали членом партбюро. А когда состоялись первые выборы в Лангепасский поселковый Совет, коллектив назвал его своим кандидатом в депутаты.

Вячеслав Антонович становится членом постоянной комиссии по торговле и общественному питанию. Объект его внимания — столовые.

— От того, как они работают, во многом зависит настроение людей, их производственная активность, — сказал Мицкевич. — А у нас многие живут без семей, так что пользуются услугами общепита три раза в день. Питание для них должно быть вкусным, не хуже, чем дома. Об этом и заботимся...

Начинать пришлось с дисциплины. Не было ее во многих общепитовских коллективах. Могли открыть столовую с опозданием, закрыть раньше времени. Мицкевич вместе с другими депутатами организовал рейды. Их результаты обсудили на заседании постоянной комиссии. Серьезно тогда предупредили руководителей орс. И это возымело действие.

Регулярно проверяет Мицкевич вместе с медработниками качество пищи. И с удовольствием отмечает, что оно улучшается. Повара стремятся разнообразить меню, проводят дни национальной кухни, дни сладкоежки...

Раньше работники столовых не очень-то радовались приходу депутата, а когда узнали его поближе, стали обращаться к нему за помощью. Долго длился ремонт столовой «Алеся», и повара пришли к Мицкевичу: «Помогите». Обратился к руководству треста №37. Депутату дали обнадеживающие обещания, но не выполнили их в срок. И пришлось управляющему трестом держать ответ на сессии Совета. После этого через несколько дней столовую отремонтировали.

Как и у любого депутата, есть у Вячеслава Антоновича наказания. Их реализация требует много энергии. Вроде бы что тут сложного — открыть в Лангепассе кассу Аэрофлота. А чтобы осуществить это небольшое, но очень нужное дело, пришлось не раз писать в Тюмень, ездить в Нижневартовск... Потратил на это депутат около года, но не отступил, своего добился.

Многие идут к нему за помощью. Кому-то долго не выделяют квартиру, кто-то ждет не дожидаясь места в детском саду для своего ребенка, кого-то обидел начальник... И все идут к депутату. Знают: поможет. Не беда, что после тяжелого трудового дня валит с ног усталость. Все личное уходит на второй план, если пришел избиратель. Для каждого Мицкевич найдет доброе слово. В большинстве случаев обращаются к нему, не дожидаясь приемного дня. Несколько раз, когда мы шли по улице, нас кто-то останавливал, просил Вячеслава Антоновича в чем-то помочь.

Ему доверяют. И не только потому, что он коммунист, депутат, передовик производства. У Вячеслава Антоновича хорошая дружная семья. В ней всегда лад и порядок. И сын живет примерно, у него двое детей. Дочь не так давно закончила институт, скоро приедет к отцу на Север. Зять уже здесь, работает в автобазе.

Где же искать истоки высокой гражданской активности этого человека? В его партизанской юности. Во время войны четырнадцатилетним пареньком он перевозил снаряды, снаряжение для народных мстителей Белоруссии. Однажды попал в облаву. Фашисты отправили его в концлагерь Пильсдорф. Год и восемь месяцев изнурительных работ. Потом побег. В сорок пятом Мицкевич вышел к наступающим войскам Советской Армии. И сразу стал солдатом. Его армейская служба продолжалась шесть лет. Демобилизовался опытным водителем. Тогда дал себе клятву: все делать для того, чтобы не повторилась война. Все его сорок лет героического труда на благо Родины тому доказательство.

Когда-то в Лангепасе висел плакат «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвести, когда такие люди...». Это о Вячеславе Антоновиче слова поэта. Сегодня город есть благодаря именно таким людям, как Мицкевич.

Л. АНИКЕЕВ

ЗАГЛЯНУТЬ ЗА ГОРИЗОНТ

В конце 70-х страна взяла курс на резкую интенсификацию нефтедобычи в Западной Сибири. Уже в 1980 году предстояло довести ее уровень до фантастической цифры в 300 миллионов тонн. Нужно было создавать новые предприятия, привлекать специалистов со всех нефтедобывающих районов Советского Союза. Вот тогда-то и стали летать в Среднее Приобье буровые вахты из Полесья, из трех вновь образованных УБР — Светлогорского, Белорусского, Речицкого. Самым крупным из них было Белорусское управление буровых работ — оно было создано

специально для Сибири и бурило эксплуатационные скважины только в Сибири.

С Белорусским УБР (или БУБРОм) связано много славных имен. Одно из самых известных — имя бурового мастера, трижды орденосца, отличника нефтяной промышленности СССР, лауреата премии Ленинского комсомола Петра Ходаковского.

Со знаменитым Ходаковским мы познакомились до обидного буднично. На одном из «нефтяных» совещаний нас представили друг другу во время короткого перерыва чуть ли не в очереди за пирожками... Обменялись двумя-тремя дежурными любезностями — и разошлись. А ведь от первой встречи я ждал каких-то особенных впечатлений. Ведь сколько слышал о своем герое восторженных рассказов. А вот в фойе Дома культуры он почему-то не выделялся. Строгий костюм, галстук, начищенные до блеска ботинки — все это, конечно, сидело и смотрелось на нем превосходно. Высокий, стройный, ясноглазый — и это все тоже, как говорится, при нем. И тем не менее ощущение обыденности смазывало всю картину. Петр показался даже каким-то скучноватым, вялым. А ведь в характеристике, которую я составил на него заочно, главными чертами значились огонь, темперамент, обаяние.

До конца совещания я ждал: вот сейчас он все-таки себя проявит. Выйдет на трибуну, окинет орлиным взором зал и врежет по первое число кому положено. Невзирая на лица. Тем более, что проблем в организации бурения в Белорусском УБР на тот момент было более чем достаточно. Бригады проходчиков нередко простаивали из-за недопоставок труб, технологического оборудования, некачественного ремонта турбобуров, элементарной нестыковки со смежниками. Но Петр на трибуну даже не вышел...

...А «перезнакомство» наше состоялось на буровой. И все сразу встало на свои места. Я понял, что про первую встречу можно вообще забыть. Потому что там, на совещании, присутствовал «не настоящий» Ходаковский. Настоящего надо видеть в его естественной стихии — на месторождении, в работе. Здесь Петр совершенно другой. Блеск в глазах. Упругость походки. Богатый интонациями, «живой» голос. Впрочем, в нем оставалось кое-что и от Ходаковского «с совещания»: одет он был почти так же элегантно, как тогда, в Доме культуры. Штиблет, правда, уже не было, их сменили «кирзачи», но вот под курткой мастера я заметил тот самый, модной расцветки, галстук...

Находятся такие, что называют это стремление Ходаковского всюду выглядеть «с иголочки», пижонством. Я так полагаю — от зависти. Потому что его бригада всегда в лидерах. И не только в Белорусском УБР. Поэтому не завидовать надо, а разгадывать, как ему это удается, задумываться:

значит, не так уж и плоха вот такая, «интеллигентская» манера управления коллективом? Значит, и «в белых перчатках» можно руководить не только оркестром, но и бригадой промазученных, продубленных ветрами и морозами парней?

Вспоминаю нашу «вторую-первую» встречу. На столе в его конторке лежало несколько тетрадок, похожих на амбарные книги. На тонкой перегородке, отделявшей мастерский «офис» от второй, жилой половинки вагончика, висело множество диаграмм, графиков, инструкций, приказов. Рядышком с бумагами мастера примостилась рация. Порой она напоминала о себе — сквозь шум и треск слышались переговоры между какой-нибудь буровой и районной инженерно-технологической службой: одна сторона обычно отчитывалась за пройденные метры и сетовала на недостатки снабжения, вторая раздавала ЦУ и обещала все проблемы решить. Не знаю почему, но обстановка располагала к разговору именно об этом: чем отличается почерк работы одного мастера от почерка другого и есть ли вообще такое понятие? Ходаковский на этот счет сразу высказался вполне определенно: такое понятие есть.

— У каждого мастера свой стиль, особенный, ни на что не похожий.

Правда, мы сразу уточнили: речь идет о лидерах самобытных, доказавших право называться личностями. Вот по отношению к их работе, которую уместно называть даже не работой, а творчеством, и можно говорить: почерк, стиль.

Ходаковский охотно рассказывал о других своих коллегах по мастерскому цеху.

— Вот, например, Гамов. Анатолий технологию знает «от и до». Чувствует скважину, как опытный музыкант свой инструмент. Но главная его особенность: он за все берется сам, всегда «впереди на белом коне». При самых ответственных моментах в бурении скважины отставляет бурильщика в сторону и сам берется за тормоз. А тормоз на буровой — это самый главный рычаг, любая спускоподъемная операция с него начинается, им и заканчивается, ну, что-то вроде штурвала на корабле. Хватит он этот штурвал — и рулит. И, бывает, чуть ли не всю смену «на мостике» простоят. Зато пройдет «сквозь рифы» идеально. Естественно, весь с ног до головы в растворе, уставший как черт... Но довольный.

— Вам такой стиль не нравится?

— Не то, что не нравится. У каждого свой подход, который достоин уважения. Надо ведь еще и по результатам смотреть. А они у Гамова всегда замечательные. Его коллектив, пожалуй, основной соперник для моих ребят. А раз так — все в порядке. И все же я считаю, что нежелательно все

самое сложное и ответственное замыкать на одного человека. Каждый должен быть на своем месте и за все отвечать самостоятельно. Конечно, я понимаю, это риск. Но риск оправданный и необходимый.

Я не стал добиваться от Ходаковского прямых противопоставлений: а вот я поступаю совсем по-другому. Во-первых, он старательно избегает любых разговоров, где приходится хоть в какой-то форме давать себе самооценку. Во-вторых, все и так ясно. Ясно, что почерк у мастера Ходаковского абсолютно свой, спутать который с другими совершенно невозможно. Нет, скважину он чувствует не хуже других, и за тормозом постоять тоже любит. Но считает все же, что мастер должен в первую очередь заниматься делами несколько иными.

...Мерно гудели насосная и компрессорная установки, то поднималась, то опускалась лебедка с трубами и проходческим инструментом — шел нормальный бурильный процесс. Но иногда в работе отлаженного как часы механизма, по-видимому, происходил какой-то сбой. Все почему-то начинали двигаться быстрее, издали было видно, как люди в брезентовых робах уже не ходят, а бегают по узким железным лесенкам-трапам, суетятся, спешат... А Ходаковский, странное дело, никуда ни разу не дернулся, не встрепнулся. Уж не слишком ли бесстрастен командир? Видимо, уловив мои сомнения, Петр ответил на незаданный вопрос:

— Не волнуйтесь, это все рабочие моменты. Было бы действительно что-нибудь по-настоящему серьезное, опасное — давно позвали бы. Кроме того, я совершенно спокоен за своих парней. Народ обученный, стойкий, прошли сквозь огни и воды. И, что очень немаловажно — понимают друг друга с полуслова, притерлись друг к другу, как клавиши одного инструмента.

И мне снова показалось точным очередное его сравнение. Позже мы виделись неоднократно. Да я уж и специально, когда оказывался на Самоглоре, а затем и на Поточном месторождении, стремился попасть в бригаду к Ходаковскому. И каждый раз он, рассказывая о работе, о каких-то повседневных проблемах, вдруг удивлял неожиданным для технаря образным сравнением, эмоциональной оценкой вроде бы обыденных вещей... И становилось все более ясным, что, говоря о почерке мастера Ходаковского, не обойтись без таких «нестыкуемых» с понятием «грубая работа» слов, как «поэзия», «увлеченность», «вдохновение»...

...Зимние дни на севере чрезвычайно коротки, и однажды, попав в бригаду Ходаковского в полдень, мы уже часа через три оказались посреди... огромной звездной ночи. Эффект неожиданности произошел из-за того, что мы уютно устроились в вагончике (морозыка был за сорок), разговаривали свои разговоры, время летело незаметно... А когда вышли (будто вывалились) из вагончика наружу, все окружающее (по крайней

мере, для меня) показалось сюрпризом. И темно-лиловая чаша неба с мерцающими россыпями звезд, и уходящие в бесконечность таинственные волны снега, и вся в огнях вышка, похожая то ли на маяк, то ли на новогоднюю елку, то ли на затерявшееся в просторах океана судно.

Впрочем, если говорить честно, настроен на лирическую волну я на все сто процентов был обязан Ходаковскому. Он сразу потащил меня на буровую (предварительно нарядив в унты и шубу). Там, на высоте, да еще в ночной час, его сравнение буровой с океанским лайнером выглядело более чем реальным. Вот — мачта. Вот — мостик. Вот — штурвал и стоящий рядом рулевой. А вот и капитан, с устремленным за горизонт мечтательным взглядом. Но, оказалось, у сравнения буровой вышки с кораблем есть не только поэтические корни. Геометрия, физика, астрономия, лодия — вот куда более основательные «киты», на которых стоит буровицкое ремесло. Петр в этом ремесле — настоящий дока. Он, например, превосходно знает звездную карту неба. Поэтично? Еще бы! Но поэзия тут тесно переплетается с практикой. Я как-то и не задумывался, что, прежде чем начинать бурение, необходимо определить точное географическое положение вышки. И вот уже пошла в ход астрономия: широта, долгота, азимут... Затем вычисляется наиболее удобный маршрут проходки, который соединит буровую с нефтеносным пластом. При этом надо обойти всевозможные подземные рифы — тут высшая математика в соединении с лодией.

Должен ли буровой мастер разбираться во всех этих премудростях? Нет, конечно. В управлении есть соответствующие службы — со своими штатными «лоцманами» и «астрономами»... Буровая бригада получает готовые расчеты и чертежи — остается только выполнять. Петр, однако, во все эти «звездные» тонкости предпочитает вникать самолично. С одной стороны — ему страшно интересно. С другой — квалификация позволяет. Специально для того, чтобы разбираться во всех инженерных нюансах бурения, Петр закончил сначала геологоразведочный техникум, а затем и политехнический институт. Скоропалительные, непродуманные ЦУ ему уже не дашь — непременно оспорит.

Его принципиальная позиция: буровой мастер должен обладать кругозором и мышлением высококвалифицированного инженера. Я поинтересовался: а зачем, собственно? Ведь некоторые мастера просто стараются добросовестно, точно выполнять свою работу, должностные инструкции — и этого оказывается вполне достаточно.

— Нет, слепо исполнять распоряжения сверху — это не по мне, — Петр развел руками так, будто я предлагал ему нечто совсем уж несуразное. — Да ведь если не смотреть за горизонт, любая работа превратится в обязательку, в тупое заколачивание денег. Вот и бурение — если посмотреть со стороны — это просто ряд монотонных, однообразных, все время повторяющихся, да к тому же физически очень тяжелых, действий. Но это

при одном условии — если производить эти действия неосмысленно, ничего другого не зная, ничем вокруг не интересоваться.

Петр считает, что в умении «заглядывать за горизонт» есть и практическая целесообразность. Любой член бригады, бурильщик ли, помбур, электрик, верховой должен относиться к своим обязанностям творчески, быть настроенным на творчество и поиск — и это непременно, как закон, скажется на результатах труда.

Что ж, в этом отношении с Ходаковским трудно не согласиться. Каждый в его бригаде — ас своего дела. Внимательно «слушает» скважину, просчитывает каждый свой шаг «на три хода вперед» бурильщик Александр Статкевич. Всюду успевает «на полсекунды раньше» живой, подвижный как ртуть помбур Леонид Ермакович. Другой помбур — инициативный, впитывающий как губка всякое новое знание и умение Николай Ралков. Надежен и тверд как стена в любых ситуациях электрик Александр Пинчук. Творческий подход к делу каждого заключается уже в том, что в бригаде полная взаимозаменяемость. Если кто-то заболел или опоздал на вахту (при перелетах в несколько тысяч километров такое иногда случается), любой готов подставить свое плечо, выполнить работу за себя и за товарища... Отсюда и великолепные результаты, постоянно высокие места в соревновании трудовых коллективов управления.

Впрочем, то, что бригада Ходаковского частенько бьет в трудовом споре «своих» — удивительно. Удивительно другое: она на равных соперничает с признанными асами бурения «местной закваски» — прославленными на Тюменском севере коллективами Гафарова, Левина, Шакшина.. Местные бригады подбирались к своей славе в течение 10-12 лет, а Ходаковский вывел свою команду в «высшую трудовую лигу» где-то на третьем году после ее рождения...

Тут уместно вспомнить, как вообще формировалось Белорусское УБР. Оно едва только появилось в приказе Миннефтепрома СССР (фактически же еще не существовало), а задачи по бурению скважин в Западной Сибири перед ним были поставлены просто огромные. Под планируемые объемы нужно было иметь штат сразу в пределах 600-700 человек, с перспективой дальнейшего роста. Такого количества готовых специалистов (как инженеров, так и рабочих) в Белоруссии просто не было. Поэтому очень много людей пришлось набирать со стороны. Буровиками становились вчерашние колхозники, токари, слесари, строители, военнослужащие... Пройдя краткий ликбез, они, конечно, знали, как устроена буровая и каковы принципы ее работы, но — только теоретически.

— Так что они были, по сути, нулевыми работниками, — со вздохом вспоминает ту, самую тяжелую пору становления Ходаковский, — их всему приходилось учить заново. Что это такое, вы, наверное, и не представите.

Ведь буровая у нас не учебная, а самая настоящая, «боевая», нам нужно метры давать, обеспечивать нефтедобычу. А никто, в основном, ничего не умеет! При этом учтите: условия проходки в Белоруссии и в Западной Сибири отличаются как небо и земля. Взять то же кустовое наклонно-направленное бурение — это, можно сказать, чисто местная, сибирская технология. Бурить наклонные скважины сложнее, чем вертикальные. Поэтому даже тех, кто имел «белорусский» опыт проходки (а таких в бригаде было человека два-три), приходилось учить тоже.

Надо сказать, что сам Ходаковский превосходно знал все тонкости «сибирского» метода бурения (таких специалистов, как он, в Белорусском УБР на начальном этапе было раз-два и обчелся). Дело в том, что еще до высадки в тюменском Приобье «большого» белорусского десанта Петр успел приобрести солидный северный стаж, стал известным в бурении мастером, осваивая нефтяные месторождения в Томской области. Поэтому и стал настоящей находкой для вновь создаваемого управления: орденоседец, лауреат премии Ленинского комсомола... И все же, все же... Будь ты хоть трижды лауреат — как же возможно за два-три года из «никаких» специалистов, имеющих «нулевую» квалификацию, создать высококлассный коллектив профессионалов, способный выполнять задачи любой сложности?

— Ну, как... Тяжело, конечно, было. Массу ошибок допускали. Сделают раствор не той плотности — прихват инструмента. Слишком резко потянули колонну при подъеме — трубу порвали... Выход был один — непрерывно учить, показывать, поправлять... Поэтому спать приходилось в первые месяцы по два-три часа в сутки, не больше.

— Иначе было нельзя?

— Нельзя. Ведь по уровню опасности работу на буровой можно вполне сравнить с шахтерским трудом. Особенная осторожность нужна, когдаходишь в пласт. Ведь давление в нем достигает двухсот и больше атмосфер. Серьезная ошибка может привести к тому, что пласт начнет работать. Неуправляемый нефтяной фонтан может выбросить наружу весь инструмент, опрокинуть вышку, вызвать пожар, привести к человеческим жертвам... У нас, слава богу, ничего подобного не случилось. Ни в бригаде, ни в управлении.

Рассказ мастера дополнили парни из его бригады.

— Степаныч действительно очень быстро научил нас всему, что знает и умеет сам. Есть у него какая-то особенная способность — самые сложные вещи объяснить так, что все сразу, или почти сразу, становится понятным. А может, все дело в том, что от него просто заражаешься интересом к работе?

Умение заразить своим интересом. Звучит уж больно нематериально. Но, похоже, именно с помощью этой нематериальной силы и смог Ходаковский совершить маленькое чудо — превратить вчерашних неумех в специалистов суперкласса.

...В том, что Петр умеет объяснять доходчиво самые сложные вещи, я убедился и сам, когда он однажды, по обыкновению затащив меня на вышку, объяснил, что есть такое наклонное бурение.

— Представьте себе паука, у которого тело на поверхности, а ноги под землей. Тело — это вышка. Ноги — железные трубы. Каждая тянется на глубину два-три километра к нефтеносному пласту. Вот так примерно выглядит схема бурового куста. В чем преимущества этой технологии — понятно. Практически из одной точки мы забуриваемся в большое количество нефтяных пластов (до сорока), которые находятся на расстоянии несколько километров. Это очень важно, ведь местность здесь, в основном, — сплошной торфяник и болота, строительство каждой буровой площадки влетает в копеечку...

Ну вот, уже и паук... Фантазия у этого человека бьет через край. Как-то однажды на Самотлоре, глядя с вышки на пейзаж знаменитого нефтяного озера, сравнил его с кровеносной системой человеческого организма. И правда: разве не напоминают разбегающиеся во все стороны выложенные из бетонных плит дороги артерии? От каждой из них отходят капилляры — лежневки. Вон по одной из лежневек движется вереница КамАЗов красного цвета — чем не кровяные тельца?

И все же север — это не только романтика. Это еще и экстремальные, на пределе человеческих сил и возможностей, условия жизни и труда, это суровое испытание человека на выносливость, твердость характера и силу духа. Надо полагать, попадала в какие-то непростые ситуации и бригада Ходаковского. В ответ на мои вопросы Петр усмехнулся:

— Поначалу, в первые несколько недель и месяцев, у нас сплошь была экстремальная ситуация. Довели проходку до отметки две тысячи метров, осталось пробурить совсем немного — кончились трубы. Или: переходим на новый куст, где есть все, только нет одного — артезианской чистой воды, потому что забыли, или не успели, пробурить водяную скважину (этим занимается специальная бригада). Нам обещают, что «артезианщики» вот-вот подъедут, забуривайтесь. Мы забуриваемся и тут бац! — выходит из строя котельная. Потому что не могут котлы работать на технической воде. В результате — потеряли больше, чем сэкономили.

Бытовых неурядиц тоже хватало. То продукты кончатся — и неделю сидим на какой-нибудь перловке, без хлеба... Ведь буквально все тогда

доставлялось на буровые вертолетом, дорог практически не было. А в непогоду, как известно, эти «железные стрекозки» не летают...

— Еще неизвестно, каких неурядиц у вас было больше — стихийных или «рукотворных»...

— Всяких хватало. Были трудности роста, ошибки, при всяком новом деле неизбежные. А бывало и просто головотяпство, переносить которое чисто психологически даже сложнее. Умеем мы, что там говорить, создавать себе препятствия, а потом успешно их преодолевать.

И рассказал о таком эпизоде.

— Однажды мы перебирались с одного куста на другой. Уже почти все было доставлено на место, оставалась только наша вахта из пяти человек и повариха. Нужно было в течение дня перетащить вагончики на берег реки. А вечером прилетит МИ-6 и заберет нас. Завели трактор и приступили к делу. Подгащили вагончики — ждем вертолета. А он не прилетел. Зима, холодно, холоднее с каждым часом. И мы давай костер раскладывать. Сдвинули потом кострище в сторону, прижались друг к другу, накрылись чем придется — и так ночевали. И вторую ночь так же...

— И вторую?!

— Да, двое суток «отдыхали» на берегу. В тридцатиградусный мороз. Пока нас не подобрал случайный катерок. Смотрим, плывет. Мы давай прыгать, головешки кидать. Пристал. Потом выяснилось: катерок был последний, потому что уже шуга по реке шла. Виновным, конечно, потом выдали по первое число. Ведь про нас просто забыли. Кто-то кому-то не передал распоряжение — и только поэтому вертолет не прилетел.

— Двое суток на берегу ледяной реки, — не удержался я от возгласа. — Да это настоящий героизм!

— Какой там героизм, — не согласился Петр, — обыкновенное выживание. В подобные переделки приходилось попадать не раз, северная природа гораздо на сюрпризы. Правда, в данном случае вмешался еще и «человеческий фактор»...

— Было бы неудивительно, если бы кое-кто после такого испытания вовсе распрощался с севером.

— Нет, что вы, никому и в голову такое не пришло. Видите ли, те, у кого с севером «несовместимость», обычно уходят сразу. Один новичок, помню, проработал в бригаде аж.. сорок минут. «Нет, это не для меня» — и как ветром парня сдуло. А мы не уговаривали. Это ж понятно: не каждому

по плечу такие трудности. Слабые уходят сразу. Зато те, кто остаётся — остаётся надолго.

Я спросил у Ходаковского, были ли случаи, когда люди в его бригаде демонстрировали не только умение выживать, но и способность осознанно шагнуть навстречу опасности...

— Таких случаев было немало. Никто это героизмом не называет, привычные дела... Да вот не так давно, в прошлом году, у нас получилось... Вечером был относительно небольшой мороз — где-то двадцать семь градусов. Начали спускать техническую колонну. Операция очень ответственная. Не прошло и часа — резкое похолодание, столбик термометра практически мгновенно опустился до минус шестидесяти. По всем инструкциям бурить при такой температуре нельзя. А с другой стороны — спуск технической колонны нельзя и прервать — может произойти такое осложнение скважины, что ее придется перебуривать заново. Поэтому операцию продолжили. Конечно, очень медленно... Потому что одно резкое движение, один неосторожный толчок — и металл на таком морозе рассыпается, будто сделан из льда. Конечно, не обошлось без неприятностей: кто-то отморозил щеки, кто-то нос, кто-то пальцы... И когда они это сделали, мои парни, я смотрел на них действительно как на героев... Готов был обнять каждого!

Говоря о причинах быстрого взлета бригады Ходаковского, нельзя не упомянуть и еще один фактор. Условно я бы назвал его «семейным». Дело в том, что отношения в этом коллективе — как в большом дружном семействе. Петра Степановича называют уважительно «батей». Или Степанычем. По всем буквально вопросам, начиная от квартирных проблем и кончая семейными ссорами, обращаются не в местком, а к нему. И Степаныч не отмахивается ни от одной просьбы, как бы она ни была далека от проблем производства: мирит супругов, выбивает квартиры и автомобили, приводит в чувство совершившего неосторожный поступок... Особая забота у мастера — обустройство бригадного быта. При переезде на новый куст одинаково скрупулезно следит за тем, чтобы на буровой был нормальный запас не только труб и цемента, но и чистого постельного белья, чтобы была оборудована баня, что-то вроде простейшего спортзала...

— А как иначе? Мы прилетаем из Белоруссии вахтой и пятнадцать дней не только работаем, но и живем на буровой. Ровно полжизни проводим здесь. Поэтому вопросы быта должны решаться наравне с производственными. Есть тут и другая сторона: я как мастер должен сделать все для своих людей — вот тогда и только тогда я могу с них и спрашивать на всю катушку, требовать полной отдачи в труде.

Впрочем, насчет «требовать» Ходаковский, пожалуй, несколько переборщил. Каждый член бригады без всякого нажима или окрика со

стороны мастера делает свое дело. А все потому, что «батя» пользуется у них непрекаемым авторитетом и подлинным уважением.

В чем истоки этого авторитета? Почему к Ходаковскому так тянутся люди (кстати, у него огромное количество друзей), почему так стремятся ему подражать? Конечно, уважают Петра за огромный опыт, за щедрость, с какой он этот опыт передает другим. За талант инженера и руководителя. За огромное личное обаяние. А еще — за цельность характера, верность мечте, которую он пронес через всю жизнь и которой ни разу не изменил.

Этой мечтой для него с детства был север. Петя со школьных лет зачитывался Джеком Лондоном, книгами о русских путешественниках, советских полярниках, покоряющих суровые снежные просторы. Ему было обидно, что сам он родился в Крыму, быть южанином для него казалось недоразумением. С этим недоразумением (несмотря на все протесты родни) он поспешил расстаться, едва отслужив в армии. По комсомольской путевке рванул в один из самых молодых городов нефтяного Приобья — Стрежевой. Там, в Томской области, Петр состоялся как профессионал. Там обрёл своё семейное счастье: случайное знакомство на почте с миловидной связисткой по имени Нина обернулось весёлой комсомольской свадьбой. Надо ли говорить, что север после этого стал для Петра ещё более родным? Все было прекрасно: ладилась работа, подрастали сыновья — Степан и Саша... Но тут на долю Ходаковского выпало такое испытание, которое грозило одним махом разрушить устоявшуюся жизнь, отнять мечту, вернуть его к исходной точке, когда север был для него не реальностью, а лишь грезой из снов.

Петр заболел. Настолько серьезно, что врачи «прописали» ему легкий труд и... полное отлучение от севера. Суровый тамошний климат необходимо было сменить на что-нибудь более мягкое и умеренное. Ходаковский, не колеблясь, выбрал местом жительства Белоруссию, чьи нефтяные кадры давно осваивают Западную Сибирь. Так получилось, что первым наставником Петра стал белорусский мастер Николай Бурдыко, в бригаде которого Ходаковский делал свои первые шаги на Томском севере.

— Полностью согласиться с тем, что меня отлучают от севера, для меня было все равно, что отречься от него. Отречься от самого себя! — говорит сейчас Петр. — Поэтому я перебрался именно в Белоруссию, с тайной надеждой, что со временем «приговор» врачей смягчится и я смогу отсюда стартовать вновь... туда, куда тянет душа. Так, в общем-то, и получилось...

Лукавит Петро. Получилось совсем не так. Не стал он ждать никакого «смягчения», даже вовсе не обращался к врачам. Без совета с ними — взял да и записался добровольцем во вновь создаваемое Белорусское УБР в Западной Сибири, стал летать на север вахтой.

Теперь не очень-то и поймешь, кто он, так сказать, географически. Часть своей жизни постоянно жил на юге. Потом — постоянно на севере. Сейчас — уже много лет живет одной ногой в Белоруссии, другой — в Сибири. Может, спросить об этом его друзей? Вот что сказал его лучший друг, тоже буровой мастер Василий Архипов:

— Конечно, Петр северянин. И не в географическом понятии, а по состоянию души, по характеру.

А что говорит сам Ходаковский? На подобные вопросы он отвечает неизменной шуткой:

— В метриках у меня обозначен Крым. Но на самом деле я родился на севере. Нет, в самом деле! Север сделал меня человеком, здесь я действительно родился — как личность.

В то же время у Ходаковского очень нежное отношение к своей второй (или третьей?) родине — Белоруссии. Ведь он и потому еще выбрал именно Полесье, что находится оно «почти рядом» с севером. Нравится здешняя природа. Именно в Белоруссии Петр стал заядлым садоводом, намерен вырастить в своем (уже своем!) Светлогорске огромный фруктовый сад. Высокого мнения Ходаковский и о Белорусском УБР, куда он «вписался» практически мгновенно, где обрел массу единомышленников и друзей. Белоруссия также ответила Ходаковскому взаимностью: по представлению республики он был награжден третьим своим орденом — Трудового Красного Знамени.

Нет, он неисправимый романтик. Хорошо понимает, что рискует здоровьем, но все же никак не может расстаться со своей «привычкой» быть северянином. Гарантированному прозябанию предпочитает пусть трудную и опасную, но полнокровную, наполненную событиями (а иногда и приключениями) жизнь.

Нет, он не просто романтик, а просто-таки фанатик своего дела и своего севера. Петр не возражает:

— Пожалуй, это верно.

А я невольно подумал: может, так и нужно? Может, только так и должно быть? Ведь как ни крути, а у Петра Ходаковского счастливая судьба. И он сотворил ее сам, своими собственными руками. Нет — еще и своей фантазией. На первый взгляд — ну что может быть интересного в этой буровой вышке? Всего-навсего огромный станок. К тому же работать на нем не просто трудно — тяжело. Но как же преображается это сооружение, если взглянуть на него глазами Петра Ходаковского! Это и маяк. И океанский лайнер... Разве это не прекрасно? Разве профессия

каждого из нас, не создание в том числе и нашего воображения? Разве мы не сами создаем вокруг себя свой мир, используя и такой чудесный инструмент, как фантазия? И вот мне захотелось сравнить (а почему бы и нет?) буровую Петра Ходаковского с космическим кораблем, а что, вполне подходящее сравнение. Разве не буровая установка вывела Ходаковского на орбиту высочайшего профессионализма, орбиту всесоюзной славы?

...Начался этот космический взлет с того, что бригада Ходаковского (его первая, еще томская бригада) пробурила за год 60 тысяч метров горных пород. По тем временам рекордный результат — и Ходаковский становится лауреатом премии Ленинского комсомола. В год 50-летия СССР на Самотлоре была сформирована необычная бригада: в ее состав вошли лучшие бурильщики со всей страны. И пробурила скважину с символическим названием «Дружба». Нефтяников Томской области в этой суперкоманде профессионалов представлял Петр Ходаковский. Затем траектория известности «приземляет» его в Берлине, где он становится участником Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Среди «фестивальных» воспоминаний — и встреча с космонавтом Евгением Леоновым. Леонов, пожав Ходаковскому руку, вроде бы как серьезно спросил: «Скоро ли пробурите Землю насквозь?» Петр не растерялся и ответил не менее серьезно: «Бурим мы при почти космической температуре. А вот скафандры, как у вас, не дают. Вот в этом-то вся и загвоздка». Короткий шуточный диалог. Но в чем-то, мне кажется, и символичный. Не менее высока трудовая орбита знатного бурового мастера Ходаковского, чем известного советского космонавта...

В семейном альбоме Ходаковских немало любопытных фотографий, демонстрирующих, с какими еще интересными людьми приходилось общаться Петру. Композиторы Игорь Лученок и Александра Пахмутова, поэт Николай Добронравов, композитор и певец Евгений Мартынов... Но самая дорогая в этом ряду фотографий та, на которой изображен симпатичный парень из Чехословакии — Езеф Кучера. С ним Петр познакомился на берлинском фестивале. И так получилось: познакомился на всю жизнь. Кажется, что могло быть между ними общего? Но дружба, как и любовь, живет по своим законам... Уже много лет дружат Езеф и Петр. Переписываются. Ездят друг к другу в гости — особенно часто с тех пор, как Петр перебрался в Белоруссию. Когда Езеф женился, пригласил на свадьбу Ходаковских. А родился у Кучеры сын — назвали Петром...

... Захлопнув альбом, Петр произнес задумчиво: — А ведь и дружбу с Езефом мне подарил север... И с ним было трудно спорить.

НАКАТАННАЯ КОЛЕЯ — НЕ ДЛЯ МЕНЯ

Большинство его сверстников давно отлеживают бока на пенсионных диванах. А он, хотя мог уйти на заслуженный отдых еще 12 лет назад, до сих пор даже не помышляет об этом. На первый взгляд, ничего необычного здесь нет: мало ли у нас работающих пенсионеров? Но на самом деле Владимир Иванович Зубенко человек не просто необычный, а даже в какой-то степени уникальный. Во-первых, он успешно продолжает свою трудовую биографию не где-нибудь, а на севере. Во-вторых, работает не каким-нибудь клерком в теплой конторе, а мастером в бригаде по капитальному ремонту скважин. Самым тяжким в нефтедобыче считается труд буровиков. Это действительно «ломовые лошади», чья профессия по интенсивности нагрузок, несомненно, одна из самых «передовых» в мире. Но практически те же нагрузки и у «капитальщиков», они такие же «тяжеловесы»...

Теперь представьте тяжелоатлета, успешно выступающего на помосте в 67 лет. Не получается? Вот и я поначалу не очень-то поверил, когда мне рассказали о Зубенко. Живет в Белоруссии. Работает в Ямало-Ненецком округе. Летает вахтой из Гомеля в Губкинский. Месяц дома — месяц на месторождениях. Мобильный, энергичный, инициативный — «стоцентный» руководитель бригады, одной из лучших в Сибирском управлении по строительству скважин.

Естественно, захотелось встретиться с этим человеком. Для начала убедиться, что он — не розыгрыш. А потом — расспросить об очень многом... Ведь, наверное, каждый из нас хотел бы продлить свое творческое и рабочее долголетие, чувствовать себя бодрым, «готовым на подвиги» и в 50, и в 70 лет... Но как этого добиться? Откуда черпать запасы адреналина, жизненной энергии? Как защищаться от безжалостных ударов времени, которое не щадит никого? И вот, кажется, есть «живой ответ» на все эти вопросы...

— Владимир Иванович, извините за нескромный вопрос: не тяжелоато ли Вам исполнять Ваши непростые обязанности?

— Вы имеете в виду возраст? Да нет, он для меня, поверьте, не обуза. Мотаюсь по месторождениям и днем, и ночью, наравне со всеми делаю самую трудную физическую работу, бывает, сутками не сплю. У нас работа такая. Бригада КРС — это «скорая помощь» на буровом предприятии.

— Есть в управлении ваши сверстники?

— Среди мастеров, работяг — нет. Так что я, можно сказать, в гордом одиночестве. Думаю, и по всему тюменскому северу на буровых предприятиях вы вряд ли найдете второго такого чудака.

— *Вы сам с чем связываете свою «сверхпрочность»?*

— С состоянием духа, наверное. Увлеченностью. Я увлечен своей работой — она мне необыкновенно интересна. Все время что-то новое, все время какие-то нестандартные ситуации. Мы «лекари» скважин. Представьте себе «больного», которого абсолютно не видно, он весь «спрятался» в земной толще. И вот там, на головокружительной глубине в несколько километров, надо обнаружить его «болячку» и вылечить. Как? Есть специальная диагностика, специальный инструмент. Но в необычных ситуациях приходится на ходу изобретать какой-то новый инструмент... Кроме того, я всегда хотел испытать уровень своих способностей. Делать сегодня то, что еще вчера казалось невозможным — разве это не захватывающе?

— *Да Вы самый настоящий, невыдуманный романтик?*

— Вполне с вами согласен.

— *А с чего все началось?*

— Началось в 49-м году, когда после семилетки я поступил в нефтяное ремесленное училище в городе Грозном. Через два года получил корочки буровика. Мне было семнадцать.

— *Так вы родом из Чечни?*

— Нет, я родился в соседней Северной Осетии.

— *То, что Вы оказались в ремесленном училище именно в «бурильной» группе — случайность?*

— Нет, выбор был осознанным.

— *Вы проанализировали несколько вариантов, разложили все по полочкам...*

— Ничего я не раскладывал. Если говорить честно, мне просто стало скучно в школе. Я был крепким пареньком, энергия фонтанировала через край. Хотелось заняться чем-то, что подходит для «настоящего мужчины». А поскольку нефтяные вышки на Северном Кавказе вещь совершенно обычная, то я знал, что такое труд проходчиков. Отсюда и выбор. И вы

понимаете, у меня с самого начала было ощущение, что я с первой попытки «попал в точку».

Где-то через полгода у нас уже была практика. Мы начали самостоятельно бурить! Физически это было очень тяжело. Но перегрузки, и вообще любые препятствия, на меня всегда почему-то действовали как красная тряпка на быка. Я кидался на них с азартом... Пусть с первого раза не получается — зато какой приток адреналина! Жить хочется, поворачивать вокруг оси Вселенную!

— Север в Вашей биографии, надо полагать, тоже не случайность ?

— Само собой. Мне нужно было что-то такое... на полную катушку.

— А то, что было раньше, Вас в этом плане не устраивало?

— Нет, все было чудесно. Я работал на предприятиях нефтяной геологоразведки в Грозном, Краснодаре, Ставрополе. Помбуром, потом бурильщиком. Все нравилось. И в то же время... Все было слишком устоявшимся, слишком гладким... Накатанная колея, блестящие рельсы — это не для меня. С годами, конечно, становишься более терпимым к тому, что принято называть стабильностью, но в молодости... Короче, дольше пяти-шести лет я на одном месте не задерживался. Возможно, кто-то просто считал меня заурядным летуном. Но это было не так. Работой своей я дорожил всегда. Как выбрал бурение, так на всю жизнь в нем и остался. Меня не устраивал уровень трудностей, скучно было перешагивать низкую планку.

— И тогда Вы оказались на севере?

— Нет, сначала я оказался в Белоруссии. Там в начале шестидесятых обнаружили нефть — и я примчался туда в числе первых, по комсомольской путевке. Тамошние места мне очень понравились. А Сибирь случилась чуть позже.

— Как это было?

— Несколько раньше туда махнули мои друзья. Оказались в Стрежевом. Позвали. Раздумывал я ровно одну секунду. А когда поехал, прихватил с собой всю свою буровую вахту.

— Так Вы были настолько безответственны, что могли без зазрения совести распоряжаться судьбами друзей?

— Ну, по этой части они несколько мне не уступали. Стоило только намекнуть... Хотя в начале нашей одиссеи у меня несколько раз возникало ощущение, что я несколько погорячился.

— *Что это были за моменты?*

— Вся наша поездка до Стрежевого была одним сплошным «моментом». Январь. Прилетаем в Томск. После слякотной Белоруссии — сразу в 40-градусный мороз! Тут обнаружилось, что у нас нет теплых вещей. Мои хлопцы сразу заволновались: «Куда ты нас затащил? » Долетаем до Колпашево (промежуточный пункт посадки) — а там уже минус 47.

— *Хорошее начало путешествия.*

— Лучше некуда. Следующий пункт посадки — Александрове. На дворе уже минус 50. Настроение у нас у всех, как сейчас говорят, ниже плинтуса. Я и сам себя начинаю в мыслях пилить: куда тебя несет? Садимся на наш АН-2 и продолжаем полет. В Стрежевой мы попали поздно ночью. Сидим с друзьями, естественно, греемся... спиртом. Все перипетии ужасного перелета начинают уже забываться, как вдруг раздается гром. Типа пушечных выстрелов. Мы переполошились: что за война? Хозяева смеются: «Успокойтесь, это всего лишь на всего от мороза кедры лопаются». На следующий день узнаем: стрелка термометра в ту ночь опускалась до минус 65... И тогда я дал себе слово: до лета как-нибудь продержусь, а там вы меня только и видели.

— *А как же Ваша философия: трудностей должно быть как можно больше?*

— Признаю, в тот момент дал себе слабину. Впрочем, у меня есть веское оправдание: своему кредо я изменил лишь в мыслях.

В первую же весну случилось такое половодье, что от буровой до буровой мы добирались на плотах. И много еще всякого было. Но вот странное дело: когда подошло время выполнять данное себе обещание, я почувство вал, что мне уже не хочется «рвать когти». Привык. Освоился. Да и понравились мне северные места, полюбил я их. Даже погоду здешнюю. До чего ж непредсказуема: несколько раз на дню может измениться. Но в этом ее и прелесть! Как раз подстать моему характеру... Я к тому времени уже вновь в азарт вошел, чувствую себя как объездчик на норовистой лошади: злись, брыкайся сколько хочешь, а я все равно буду наверху!

Так 11 лет, считай, незаметно, и проскочило. Все было интересно. А главное — работа. Я за это время Томский геологоразведочный техникум закончил, из бурильщиков перешел в мастера.

— Но ведь у Вас раньше был закон: пять-шесть лет на одном месте — и дальше...

— Был. Но север оказался сильнее. Вы знаете, он действительно притягивает.

— Чем? Деньгами?

— Абсолютно нет! И я вам это докажу в два счета. Когда мы ехали из Белоруссии в Стрежевой, у нас у каждого карманы были набиты деньгами. В «нефтянке» тогда, тем более у буровиков, зарплата была приличной. Нас манило другое: новизна впечатлений, возможность проявить себя в экстремальных ситуациях. Кроме того, мы понимали важность освоения севера для страны. Мы были воспитаны патриотами.

— А как Вы попали на работу в Тюменскую область?

— В 79-м Белоруссия высадила в Западной Сибири большой десант нефтяников, строителей, дорожников, автомобилистов. В том числе было организовано Белорусское управление буровых работ — БУБР. А поскольку я считал себя в какой-то мере белорусом, то и перешел работать к своим. Белорусское управление расположилось тогда на месторождениях вокруг Нижневартовска — Поточном, Ватинском, на Самотлоре... Кстати, сегодняшнее Сибирское управление по строительству скважин — это остатки прежнего белорусского бурового монстра... К сожалению, размах буровых работ сейчас далеко не тот, что был прежде...

— Не секрет, что в «пиковые» годы освоения нефтяных месторождений Приобья вся слава, в основном, доставалась бригадам проходчиков. Отчего же Вы из буровиков переквалифицировались в «капитальщики»? Так сказать, с передовой перешли в обоз?

— Насчет обоза — абсолютно не согласен. Видите ли, хороший специалист по ремонту скважин, как правило, имеет солидный опыт работы в бурении. То есть это тот же буровик, только приобретший дополнительные, и весьма серьезные навыки. «Лечить» скважины — дело тонкое, ювелирное. Поэтому, когда после окончания техникума меня вызвал начальник управления и попросил возглавить именно бригаду по освоению и капитальному ремонту скважин, я немедленно согласился. Для меня важнее было работать не там, где больше шума, а там, где я приношу больше пользы. Я был хорошо знаком с большинством знаменитостей тех лет: Левиным, Шакшиным, Глебовым, Сидорейко... Мы вместе делали одно дело, я уважал их, они меня — мне этого было достаточно.

— Но согласитесь, это была большая несправедливость: на общий результат работали все коллективы, а лавры доставались лишь избранным.

— Были, конечно, и перекосы. Погоня за метрами (в ущерб качеству), звездная болезнь некоторых лидеров— все это было. Но в целом дела по освоению нефтяной «целины» шли довольно успешно. И в нашем Белорусском УБР тоже. Особенно мне нравилось, как мы соревновались. При всех недостатках и перекосах социалистическое соревнование разжигало дух соперничества, давало дополнительный мощный стимул к труду. Сейчас все это ушло, считается анахронизмом, прошедшим днем. А зря. Какой же это анахронизм, когда японцы «подобрали» нашу потерю и успешно ею пользуются? Нашим доморощенным капиталистам (я больше чем уверен) придется рано или поздно этот ценный опыт реставрировать.

— Владимир Иванович, большинство «звезд», блиставших в 70-е и 80-е годы, имена которых Вы упомянули, уже сошли с дистанции. Возраст.. А Вы все еще в строю. Скажите, когда Вам «стукнул» пенсионный год — неужели у Вас не мелькнула мысль бросить этот тяжкий труд, посвятить свое время только себе и семье?

— Нет, не мелькнула. Скажу больше: она у меня не мелькнула даже после перенесенного инсульта. В постели провалялся долго. Меня навещали товарищи по бригаде, руководители управления. И ни один из них ни разу не намекнул: пора, мол, тебе, дорогой товарищ, на покой. Наоборот, все интересовались, когда на работу выйду. Вот за это я своих товарищей, своих сослуживцев ценю. Их отношение, заинтересованность во мне, пожалуй, и были тем лекарством, которое меня вытщило...

— Глядя на Вас, не скажешь, что Вы перенесли такую тяжелую болезнь.

— А я закаленный. Кроме того, стараюсь держать себя в форме, заниматься спортом. Правда, в домашнем варианте, да и нерегулярно, но все же...

— А что Вы умеете?

— Делаю на перекладине подъем с переворотом, подтягиваюсь 15 раз, отжимаюсь раз 30-40. Немного бегаю. Люблю поиграть с 16-ти пудовой гирей. Когда есть возможность, каждый день принимаю душ. Только холодный! Люблю поковыряться в земле. Работа вахтой чем хороша? После месяца работы — целый месяц отдыха. Но летом отдыхать практически некогда, все с грядками возжусь. Приусадебное хозяйство — мое хобби.

— Выходит, Вы никогда не останавливаетесь.

— Иначе не могу. Если останавлиюсь, то и жизнь для меня прекратится.

— *Можно ли сказать, что Ваша стойкость, ваша закалка — это те приобретения, которые Вы сделали на севере?*

— Безусловно. Вы знаете, север совершенно меняет людей, превращает их всех в какую-то особую породу.

Их можно узнать где угодно. Они спокойны, выдержаны, уверены в себе. Основательны, я бы сказал. Об этом можно судить на простом примере. Аэропорт — допустим, в Ноябрьске или Нижневартовске. Объявление: из-за непогоды такие-то рейсы откладываются. И сразу видна разница между приезжими и северянами. Одни суетятся, нервничают, скандалят. Другие молча и с достоинством ждут. Их ничем не удивишь, они ко всему привычны, через многое прошли и многое выдержали.

— *А что в этом плане можете вспомнить Вы?*

— В 1992 году, когда Гайдар провернул на практике свою идею о либерализации цен, у меня «сгорело» на сберкнижке сто тысяч. Грубо говоря, уснул богачом — проснулся нищим. В этом вкладе была вся моя жизнь (в материальном плане). И вот все в один миг рухнуло.

— *Многих на Вашем месте наверняка бы кондрашка хватила..*

— Меня кондрашка не хватила, но момент, конечно, пришлось пережить жуткий. Погоревали с супругой, а потом решили: что ж, жизнь продолжается. Не стоит ее укорачивать из-за денег. Кроме того, надо ведь не только о себе думать. Сыновья-то у меня крепко стоят на ногах: Александр — инженер, работает на станции техобслуживания, Валерий — командир авиаполка, без пяти минут генерал. Оба, естественно, при квартирах. Но у нас еще и внуки... Рано или поздно им тоже нужно будет жилье. В наше время на содействие государства в этом вопросе рассчитывать не приходится. Вот, теперь откладываем потихоньку, может, и сможем чем помочь...

...Разговор наш прервался внезапно: сообщили, что через несколько минут отъезжает автобус на месторождение. Владимиру Ивановичу пора на вахту. И он стремительно ушел в ночь, в метель и мороз. А я еще долго ощущал на своей ладони силу и тепло его рукопожатия.

БОЙКОВ ЕСТЬ БОЙКОВ

Я с благоговением смотрел на этого Человека. Мне нравилось в нем все: и его беззаветная любовь к своей профессии, его хозяйский взгляд на

окружающее, его юмор, его меткие летучие фразы, которые среди буровиков становились афоризмами.

С каждой встречей с Александром Егоровичем Бойковым я все больше и больше убеждался, что эта фигура достойна поэмы, достойна пера настоящего журналиста, а не жалкого лепета писаки — самоучки. Так я и не осмелился в свое время опубликовать свои зарисовки об этом самобытном человеке.

И вот сейчас, по прошествии многих лет, я все же решился написать о нем. Хотя, за давностью времен многое выветрилось из памяти, не все записанное в моих журналистских блокнотах сохранилось. Поэтому мне сегодня сложнее из отрывочных эпизодов создать стройную картину жизнеописания. Что было, из того и слепил.

Помню, на Север Поточки (Поточного месторождения) из-за нелетной погоды вахта буровиков не могла прилететь вертолетом на буровую. Три дня сменяемая вахта перерабатывает. Ей нужен отдых. А новая смена трое суток изнывает в аэропорту.

Можно было бы автобусом, но от основной дороги до «куста» несколько километров бездорожья. И вот рация настойчиво спрашивает у Бойкова: «Как там дорога?» Бойков выглядывает в окно вагончика и видит участок лежневки, по которому бульдозер на буксире тащит ПАЗик. Перед носом этого автобуса гора вздыбившихся бревен лежневки. А бульдозер все тащит и тащит.

Взглянув в окошко Бойков, как говорят, в мгновение ока принимает решение. И в Нижневартовск летит его ответ: «Дорога отличная!» — и еще раз взглянув в окно, добавляет: «ходят автобусы».

Картинка была настолько далека от реальности, что я не выдержал, расхохотался.

Он любил людей. Они же платили ему взаимностью. Для рабочего люда он был непререкаемым авторитетом. Доходило до парадоксов.

Рабочий совсем другого подразделения по рации вызывает Бойкова. Приехал тот на базу, а ему какой-то химрегент, нужный срочно, не хотят выдавать. Достаточно было виновнику только услышать фамилию Бойкова, как он шел на уступки. А если где-то кто-то пытался противиться Бойков мог и так сказать: «Передо мной список матерных слов. Зачитать тебе?» «Да нет уж ладно. Не надо. Понял».

Даже начальник управления Степан Павлович Мазурок говаривал «Решение Бойкова — это мое решение».

Прилетаю как-то на Юг Поточки, «кусты» которого были еще изолированы от всего. Там отсыпали «куст», по зимнику завезли туда технику, материалы — все необходимое. А вахты, продукты доставляли вертолетами. Я с восторгом смотрел на этот «обетованный» уголок. Крутом чистота, дорожки отсыпаны песочком, аллеи с высаженными деревцами. Свободные от смены рабочие сидят на скамеечках, загорают, прогуливаются в тапочках. Чем не юг? Хвалю ребят, что постарались. Они улыбаются: «Попробуй не постарайся. Бойков ведь с нами».

Буровиков обслуживают более десятка других служб: геологи, каротаники, строители, вышкомонтажники, электрики, тампонажники и т.д. Каждая служба имеет на этом островке своих полномочных представителей. И решил Бойков привлечь их всех к общественно-полезному труду. Вы — строите баню и клуб, вы — отсыпаете дорожки и сажаете деревья... Кто-то возмутился: «А кто это дал Вам такую власть командовать нами?» На что Бойков парировал: «Власть не дают, власть берут!»

Можно было составить целую книжку его изречений, вроде таких: «Зарплата буровика под долотом, чем глубже, тем она выше» или «В шахматы играешь? Надо смотреть на три хода вперед». Он любил повторять: «Умный учится на чужих ошибках, а дурак — на своих»...

Именно от Бойкова, я услышал (не знаю кому принадлежащую) фразу о бережном отношении к природе: «Природа, покоренная постижением ее законов, делится частью своих сокровищ. Но грозные силы всегда готовы наказать проникших в недра за малейшую оплошность».

Чувство юмора не покидало Бойкова даже в самых сложных ситуациях. Александр Егорович до мозга костей буровик. Но случилась беда. Чтобы спасти человека, Бойков направил машину под откос. От нее груда железа, а хозяин на больничной койке с переломанными конечностями. Еле придя в себя, он говорит доктору: «А я Вас узнал».

Не известно, откуда он мог знать, что именно этот доктор подбирал его возле разбитой машины. Доктор усмехнулась: «Куда уж там? Вы и головы поднять не могли».

А он: «А я ножки Ваши узнал».

После больницы с поломанными ногами Бойков не смог вернуться к работе бурового мастера. Но и тогда, когда ему была заказана дорога на буровую, он не спасовал, не раскис. Нашел в себе силы собраться, применить свои силы и опыт в смежных профессиях. Он стал отменным мастером по сложным работам, а потом начальником Центральной

инженерно-технологической службы (ЦИТС) Белорусского управления буровых работ, где я его и узнал.

Вот что я вспомнил. А теперь я перепишу свои заметки из блокнота.

Звездный час Александра Бойкова.

У Стефана Цвейга есть такие слова, что все истинное, непреходящее художник создает лишь в немногие редкие минуты вдохновения, но если пробьет «звездный час», он предопределяет грядущие годы и столетия и тогда — как на острие громоотвода скапливается все атмосферное электричество — кратчайший отрезок времени, вмещающий огромное множество событий.

Более двух десятков лет постигал Александр Егорович Бойков трудную школу бурения. И сегодня, работая начальником смены центральный инженерно-технологической службы (ЦИТС) Белорусского управления буровых работ, он со всей щедростью отдает свой богатый опыт и знания молодому поколению буровиков...

Я познакомился с Александром Егоровичем весной восемьдесят первого года. Тогда он работал на Самоглоре начальником районной инженерно-технологической службы (РИТС) Белорусского УБР. Вернее, не столько с ним самим, сколько с рассказами о нем, о его мастерстве, инициативе, находчивости.

Мне часто приходилось бывать на «кусте» 1623 Самоглора, где стоял вагончик Бойкова. Какой это был «куст»! В жизни не видывал: чистенький, ухоженный. Пешком под буровым станком пройдешь и подошвы не запачкаешь. Скажете мастера заслуга? Я тоже поначалу так думал, пока не увидел.

Агрегатчик Саша Власов решил на территории «куста» помыть агрегат. Набрал он воды в мерник, включил насос. Не успел взяться за шланг, как видит, со всех ног несется к нему мастер:

— Не смей! Увидит Егорыч, он меня таким «хозяином назовет!» Пришлось тому отъехать подальше.

Мастер Бывальд, считающий Егоровича своим учителем, рассказывал:

«Выхожу утром из вагончика, мне Бойков: Эдуард, как там дела на буровой? Что-то мало за ночь набурили — всего двенадцать труб нарастили». Я опешил — точно знаю, что ночью он не выходил. Оказывается, он даже во сне слушает буровую: в памяти откладывается количество щелчков муфты подъема инструмента. Непостижимо!» Кто-то из

буровиков рассказывал: «Вышел у нас из строя ВШН (вертикальный шламовый насос). Сняли, проверили. Ставим на место — не работает. Только назавтра нам привезли другой. Устанавливаем: и этот не работает. Не можем понять в чем дело. Пришлось вызвать Войкова. Он подошел к насосу, палочкой потыкал, вдруг и говорит: «Как же он будет работать, если в шахте лед?» Кто бы мог подумать?»

Разнотовский, долго работавший начальником смены у Бойкова, а сейчас сам возглавляющий РИТС, рассказывал: «Если для кого-то положение казалось безвыходным, только не для Бойкова, он умеет сосредоточиться и найти выход. Как-то срывалась заливка колонны — цементируемые агрегаты не могли пройти на куст. Он тут же дает письменное распоряжение под свою личную ответственность завести трактор другой фирмы, находящейся здесь на кусте, и вытащить агрегаты. Он никогда не боялся ответственности. И еще. У него исключительная способность убеждать людей. Однажды, нужно было перевезти трактор с одного куста на другой, а трейлера нет. Так он сам пошел на бетонку. Набрасывает на плечи штормовку бурильщика, кожаную кепочку набекрень, в угол рта сигарету и вперед.

Водитель «Кировца» с трейлером сначала стучал пальцем по часам, а потом все же свернул на куст.

Свидетелем аналогичного случая был однажды и я, на кусте 1623 Самотлора, где стоял «ритсовский» вагончик Бойкова. Невдалеке от куста работал бульдозер. Нужно было попросить его хозяина, чтобы разровнял несколько кучек грунта на кусте. Идет Бойков к нему.

— Землячок, здравствуй, ты где обедаешь?

— Придется топтать до одиннадцатого КСП.

— Зачем? Приходи на наш куст. У меня девчата строгие — сто грамм не нальют, а покормят. Я скажу, чтобы без очереди. Разве мог бульдозерист после такого гостеприимства отказать в просьбе.

Мастер по сложным работам

Дед Саньки Бойкова по материнской линии — Иван Петрович Сурков был мастеровым человеком. Подошьет он валенки Саньке — красивее новых. Так и хочется лишний раз пробежать по селу, подвернувшемуся мальчишке похвастать. В военное лихолетье мало у кого из мальчишек были коньки, а Санька несся с горки на добротных березовых, а потом подолгу ждал черед, пока остальные не накатаются. Нравилось Саньке наблюдать, как чудодействует дед. Как из простой деревяшки получалась красивая вещь. Дед знал это и иногда приглашал к себе братьев:

— Колька, Санька, приходите завтра пораньше — лыжи будем делать. Любовался Санька работой деда, а сам думал: «Вот вырасту большой, научусь делать, что-нибудь такое, что мальчишки всей деревни будут сбегаться смотреть».

— Я люблю, чтобы о моей работе говорили хорошо,— иногда произносит Александр Егорович. Когда, по просьбе руководства Александр Егорович стал мастером по сложным работам, о его работе не только говорили, даже рассказывали легенды. Здесь, как никогда, проявились его природная сметливость, инженерное мышление, богатый профессиональный опыт, необыкновенная настойчивость и оптимизм. Это позволило ему приобрести репутацию человека, который все может. Работу он выполнял не только мастерски, но и с каким-то артистизмом. Скажем, приезжает он на буровую ликвидировать прихват инструмента. Делают нефтяную ванну, после чего обращается к ребятам:

— Хлопцы, у кого закурить есть? Мои в куртке остались. Тянутся руки с пачками сигарет.

— Вот эту — подлиннее, — выбирает он.

Сейчас время до начала расхаживания инструмента будет измеряться ни больше, ни меньше, как длиной выкуренной сигареты.

Потом Бойков разработает подробную инструкцию по ликвидации прихвата самой бригадой бурильщиков. Хотя были особые случаи, когда ему приходилось в это дело включаться. Как-то по рации добывается его мастер П.С. Ходаковский. Ему отвечают, что Бойков отдыхает — двое суток был на ликвидации осложнения. Предлагают прислать кого-то другого — отказывается.

— Если кто и сможет нам помочь, то только он. Прихват у нас, а техника с нефтью сюда не пройдет.

Настоял на своем. Вскоре Александр Егорович был уже у него на шестом кусте Нижневартовского месторождения. Стоит, курит, рассматривает станок буровой, на мастера смотрит, как будто впервые его видит, и вдруг:

— Петр Степанович, а что у вас вон там, в контейнерах.

— Не знаю. Снабженцы на время что-то оставили. Сейчас пошлю кого-нибудь — посмотрит.

— Нет, ты уж сходи сам, да повнимательней посмотри, — оказался графит.

— То что надо, — говорит Егорыч. — А теперь посрываюте доски с крыши сарая, проложите дорожку через грязь и перетаскайте.

Бригада у Ходаковского дружная — мигом все сделала. Ребята черные, как черти, от графитовой пудры. Зато вскоре было столько радости и восхищения смекалкой Бойкова. Один даже в восторге оставил отпечаток пятерни на светлой куртке Егорыча.

Делает он свое дело с чувством, не спеша. Кому-то не терпится, начинает поторапливать:

— Побыстреей бы.

— Быстрее вы уже сделали. Осталось одно — не торопись, — его ответ. Как-то раз в скважине осталась часть насосно-компрессорных труб, продольный излом одной из них. Как захватить? На эту длину колокола не хватит. Вопреки всем инструкциям полез метчиком и опять удача. В одной бригаде в скважину уронили кувалду. Бойков был на дальней буровой, и здесь на ликвидацию аварии выехали главные специалисты. Было много предложений, перепробовали и все безрезультатно. Шестнадцать часов провозились. Наконец появился Бойков. Спросил одного, другого про размеры кувалды, нарисовал ее мелом на доске: «Такая?» — спросил. В паук она не влезет. Вырезал в нем зуб, что-то похимичил и говорит: «Пробуйте», — а сам пошел в культбудку. Вскоре слышит: «Ура». Везение.

Иногда нужно определить, вернее, додуматься, что же за предмет в забое. Для этого приходится спускать туда свинцовую печатку и по следам на ней разгадать его. Однажды сидит Егорыч, думает. Главный инженер интересуется как дела.

— Да, вот пока не определил.

— Ну-ка привези — вместе посмотрим.

У него там совещание было. Смотрел он, смотрел на отпечаток и говорит:

— Бойков в мусульманскую веру переходит, — и показывает полумесяц на печатке.

Простой бурового станка обходится дорого. Коль уж случилось такое, надо сделать все возможное, чтобы сократить его. Указание главного инженера: в любое время суток звонить ему домой, не стесняться.

Звонит как-то в полночь Бойков главному. — Срочно нужно изготовить приспособление.

— Чертеж есть?

— Есть, да ничем его сейчас не отправишь.

— Что предлагаешь?

— Передать его по телефону.

И вот звонок главного на квартиру начальника мастерских:

— Я тебе буду говорить, а ты рисуй. В общем, был нарисован словесный портрет приспособления, а через несколько часов оно уже было готово: у скважины — беда, она долго ждать не может.

Остановиться, оглянуться.

Боль уходила. Все реже перед глазами возникала картина катастрофы: выбежавший на проезжую часть ребенок, визг тормозов, грохот падающей под откос машины и тишина.

Потом, долгие бессонные ночи в больнице и думы, думы: как жил, что сделал, что не успел. Одна мысль неотступна: «Куда же ты теперь, Александр Егорович? С перебитыми ногами путь на буровую заказан. Как жить? Что делать?» Только здесь в больнице понял, что он буровик, нефтяник до мозга костей.

Припомнилось, как однажды в самолете сидевший рядом демобилизованный парень спросил: «А трудно стать нефтяником?»

Ответил полусуто: «Нет ничего проще. Окончил курсы и ты помощник бурильщика. Получается — учишь дальше».

И пошли воспоминания, как же это было у него.

Не бегал мальчонкой Санька Бойков на буровую, не мечтал в юности об этой романтической профессии. Хотя буровая была совсем недалеко от его деревни Серноводск, что в Куйбышевской области.

В двенадцать лет пропадал в поле. Тракторист Миша Гриценко доверял управление его машиной. Частенько доносилась весть до его матери: «Там твой Санька пашет».

Потом, школа механизации и он комбайнер.

В 55-ом с комсомольцами уехал на целину. Там были две его посевные, после чего вернулся домой. Работал в стройконторе сантехником,

Дядя Леша уговорил:

— Эта работа, Санька, не по тебе? Сопьешься, как Витька Гладков. Иди-ка ты в буровики.

Уроки бригады мастера Д. С. Дубинина, Радаевского укрупненного нефтепромысла.

Четвертого февраля 1958 года начальник участка привез Бойкова на 172 буровую Радаевского промысла и передал мастеру.

Инструктаж по технике безопасности выглядел примерно так.

Мастер Дубынин бурильщику Грушкину:

— Ты его в первую же смену без рук не оставь. Грушкин — первому помощнику:

— Ротный! Смотри, чтобы он никуда не попал. И наконец Ротный новичку:

— Будешь квачем смазывать резьбу. Если что грохнет, беги!

Вскоре где-то что-то загрохотало. Побежал, Санька, а квач упал в скважину.

Пришлось семнадцать свечей поднимать наверх.

После этого бригада сказала ему: у нас был плохой помбур, но он квачи в скважину не бросал.

И вахта Грушкина попрощалась с Санькой Бойковым. С четырех часов заступила смена бурильщика Н.С.Чуркина. Уговорил его Дубынин взять новенького.

А уже дней через пять новичок попросил поставить его верховым.

— А что, Николай Сергеевич, пускай попробует, — предложил Чуркину первый помощник Гладков.

В конце рабочего дня смена заждались Бойкова внизу.

Эти двадцать пять метров с вышки минут десять спускался.

— Ну что, последний раз спускаешься, — поинтересовался бурильщик. Гордость заела парня:

— А что на вторую смену остаемся. Еще раз лезть?

«Как же так? » — думал Санька Бойков. «Я же не слабей каждого из них, занимаюсь штангой и борьбой. Почему же мне так трудно? » На выручку пришел Гладков, взяв на себя обязанности наставника:

— Кроме силы, тут нужна сноровка. Ты первым рывком на себя даешь ход верхней части свечи, середина выгнулась дугой, но еще стоит на месте. Мгновение выжди, пока вся свеча начнет двигаться. Тогда еще рывок и она легко пойдет.

Уроки шли впрок. Первый помощник научил Бойкова четко работать на вышке: захват, щелчок ротора, руки вразмашку — сигнал на подъем. Месяца через два Чуркин настолько верил ему, что не ждал сигнала. Все операции выполнялись в четко отработанном ритме.

Научил Гладков своего подопечного как трос сплести, как узел связать, на сколько оборотов тормоз подтянуть. Научил слушать насосы. Промытые поршни поют со свистом, а нормальные клапаны: цок, цок, цок. А потом научился Бойков у бурильщика стоять за тормозом, по вибрации квадрата определять режим работы долот и многому другому.

В первую же зиму и ему вместе со всеми пришлось выдержать испытание на стойкость. Поднялась невиданная буря. Люльку качает — страшно стоять. Одна вахта прошла, вторая, третья — смены нет. Усталые и голодные. Бригада держит совет: «Что делать? Решили послать Бойкова на базу участка — там столовая. За ночь дошел Санька до базы. Столовая тоже отрезана от поселка. Принес несколько мороженых банок с овощными консервами. На четвертую смену пробился трактор с вахтой, за ним ГАЗ-69. Приехал Дубынин, привез двух дизелистов. Бригадир спрашивает, а эти зачем? Дубынин: — Может быть кто-нибудь у вас упал от голода...

Больше всего запомнилось Саньке Бойкову, как секретарь директора конторы в легком пальтишке выскакивала из машины и раздавала проголодавшейся вахте мерзлые батоны с колбасой. И часто потом Бойков будет вспоминать, ничто на свете так не греет, как человеческая забота.

Лет через пять с бурильщиком Бойковым произойдет такой — же случай. Тридцать шесть часов простояла его вахта без смены. На попутных машинах уехал он в контору. Узнал: оказывается, заболел бурильщик, а его помощники без него не поехали. Начальник производства ведет Бойкова к главному инженеру, тот не разобравшись, указывая на Бойкова, кричит: «Под суд его!» Взъершился парень, колючие глаза метнули в его сторону стрелы: — А ты хочешь, я сейчас тебя слопаю? Мы двое суток ничего не ели. Руки в размашку и шаг вперед. Реакция была сильной.

Приготовились защищаться. А он повернулся и хлопнул дверью. Завтра подал заявление на увольнение.

— Брось ты, Санька, не на него, ведь работаешь, — уговаривала его бригада.

— Не могу я рядом с этим человеком...

А пока, Санька Бойков постигает науку мастерства, человеческих отношений. Может быть, не сразу он по настоящему поймет величие Души каждого из его друзей. Они не козыряли своими знаниями, Хотя, иногда с гордостью, могли показать класс. Например, бурильщик Чуркин мог элеватором прижать часы к ротору, не раздавив их.

Может за его мастерство, большой житейский опыт чувствовалось особое почтение к нему. Взять ритуал смены вахт. Первым на мостки поднимается бурильщик. Если он задержался внизу, вахта ждет. Правда, не долго. У него есть жест: «Вы там без меня принимайте смену. Я сейчас».

Любили ребята второго помощника — Малыхина. Удивился Санька: «Он кавалер трех Орденов Славы, а мы его Васькой зовем».

А Санька Бойков только начинал взрослеть, хотя давно считал себя самостоятельным человеком. Как-то ему и еще одному новенькому — Федорченко поручили тросы развесить. Прошло немного времени, спохватились:

— Где же эти двое длинных?

— Вертки брали.

Они ухитрились в мороз, в люльке верхового уснуть. А как-то летом Бойков три дня прогулял. Не то, что сознательно он это делал. Просто после танцев просыпал. Ладным парнем был Санька.

Не раз видела вахта, как две красивых девчины увязывались проводить его до буровой. Он по очереди целовал их в щечку.

— Что ж ты, Санька, думаешь, что у нас есть готовый помбур за тебя работать? — после очередного прогула выдавил мастер Дубынин. И все.

А вскоре он говорит Бойкову: — Вертий женится. Ты, Санька, поработай за него.

Отработал Бойков свою смену, заправился, предусмотрительно присланным Дубыниным молочком и караваем хлеба, и остался на вторую. Бурильщик третьей смены звонит мастеру:

— У меня один дизелист заболел.

— Бойкова оставьте. Только ты его покорми — он молодой, любит поесть, — распорядился Дубынин.

Натаскал Санька масла для дизелей, сделал все необходимое...

Часа полтора дали ему поспать — утром ведь, ему свою, четвертую подряд смену стоять. Ребята его вахты мелочью скинулись, купили ему буженины, вареных яиц, хлеба. Жует Санька, размышляет: «А правда, если я не вышел, кто то ж за меня должен мантулить?».

Был у него после этого еще один срыв, но этот уже по техническим причинам. После танцев в Суходоле на обочине он ждал вахтовый автобус. Водитель не заметил — проехал мимо. И потопал Санька пешком на буровую.

— Ладно — махнул рукой Дубынин, — последний раз.

Работал Бойков красиво. Как-то приехал его сменщик немного раньше, поднялся к нему в люльку и залюбовался: движения у Саньки молниеносны, сливаются в одно. И получается, будто тот цепляет трубу на ходу.

— Ну, ты боек, Санька! — только и сказал. А у самого уже за плечами 18 лет стажа помбура.

Приобретал Бойков новые навыки, росла у него жажда знаний.

— Дмитрий Семенович, — попросил Бойков мастера, — дайте мне почитать литературу по бурению.

— Зачем тебе. Ты и так все хорошо делаешь.

— Вы считаете, что я должен 15 лет ходить в помбурах?

Привез тот ему справочники, конспекты. А вскоре представилась возможность учиться дальше. В новогоднюю ночь 1959 года главный инженер конторы бурения Ф.И.Железняков решил объехать буровые. Заодно устроил экзамен помбурам. Ему нужно было отобрать 15 человек для учебы на бурильщика.

— Николай Сергеевич, — обращается он к Чуркину, — кого ты предлагаешь?

— Мои все заслуживают.

— Тогда вопрос Гладкову: «Какой длины стальной трос на кермаке?»

— Не знаю, — отвечает.

— Бойков, может ты, скажешь?

— Сейчас прикину. Две длины плюс приблизительно столько же на барабане...

— Молодец! Все запомнить нельзя, а вот высчитать надо уметь. У тебя пытливый ум. Быть тебе настоящим специалистом.

Несколько лет назад посчастливилось встретиться Бойкову с Дубыниным, который недавно вернулся из Афганистана.

— Обижусь, Санька, если не зайдешь

— Обязательно зайду.

Он и раньше любил, когда к нему заходили. Нравилось, когда в выходной ребята делали крюк, чтобы пройти мимо его хаты и сообщить:

— Отдыхай, Семеныч. На буровой все в порядке.

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Щемящее чувство дороги. Ожидание встречи с будущим, с неизвестностью. Впереди работа вахтово-экспедиционным методом в Западной Сибири. В аэропорту Гомеля многолюдно. Тут пассажиры, ожидающие своего рейса по расписанию. Здесь и мы — «новобранцы», улетающие поднимать нефтяную целину. Ждем объявления на посадку в вахтовый самолет Гомель-Нижневартовск. Моих будущих коллег из Гомеля, Речицы, Светлогорска приехали провожать близкие родственники. Ведь не шутейное дело — люди едут в Сибирь. Моя супруга Нина все допытывалась: «Зачем тебе эта Сибирь сдалась? Людей туда в ссылку отправляли, а ты добровольно». Вот провожающие дают последние наставления: что делать в случае обмороживания, как вести себя на болоте, чтобы не провалиться в трясину и что делать если, не дай Бог, произойдет встреча с медведем...

Моя Нина осталась дома — под Минском, в поселке Радошковичи с детьми: Светой, Олегом и маленькой Инночкой. Я в гордом одиночестве вышагивал по аэровокзалу. Правда, иногда мои будущие коллеги подводили ко мне кто маму, кто жену и знакомили их со мной: «Маша, а это Доцент. Вместе с корочками машиниста цементировочного агрегата я получил новое имя — Доцент. А

было это так. Преподаватель, ведущий основной предмет — цементирование нефтяных скважин, должен по программе рассказать нам, что такое чертеж. Он как мог, рассказал, а потом попросил меня повторить. Я же, проработав много лет конструктором, мог рассказать о чертеже в стихах. В нем, кроме размеров изделия содержится много другой информации: чистота обработки, точность изготовления, допуски, посадки...

Кто-то из курсантов воскликнул: «Так это же Доцент! Все! С этого момента ни Леонида, ни Аникеева больше не существовало. Даже по прошествии нескольких лет кто-то из руководителей спрашивал, где Аникеев, мои коллеги удивленно спрашивали: «А кто это такой?»

Наконец мы в воздухе. В салоне говор, как на восточном базаре, который заглушает равномерный гул турбин. Вместе с нами, салагами, летят матерые волки — нефтяники: буровики, тампонажники. Они уже знают почему фунт лиха. Кто-то несколько лет участвовал в добыче нефти в Белоруссии, а кто-то поработал на Ямале и в других местах у кромки Ледовитого. И потом, живя вместе с ними в полевых условиях, мы постигали науку выживания. Вот простенький пример. На самодельной полке в вагончике стоит миска, тарелка, лежит ложка, вилка... «Бывалый» никогда не начнет пользоваться, не ополоснув их водой. Удивляюсь: «Что за чистюля?» Он мне популярно объясняет. На севере полно грызунов — носителей инфекции. Пробежал, он по посуде и... что будет потом не надо объяснять.

Время за разговорами пролетело незаметно. За бортом показались огоньки аэропорта Уфы. Пока самолет заправляется, мы ждали в нескольких десятках метров прямо на летном поле. Это потом вахтовые рейсы включают в расписание, и мы в ожидании заправки будем пить пиво в аэровокзале промежуточного аэропорта.

После разминки на летном поле мы уютно усадились в кресла «тушки».

Прошло всего несколько минут после взлета, душевная беседа моих будущих коллег продолжалась. Горбунов Юра очень темпераментно что-то пытается доказать Петру Севастьянчику. Размеренно течет беседа между Василием Нескоромным и Демиденко Михаилом. Петр Лобан, как опытный тампонажник поучает Володю Затонец.

У меня тоже нашелся наставник, который популярно объяснял мне особенности бурения нефтяных скважин в Западной Сибири.

— Представь себе, Ленья, что площадь в радиусе несколько километров — это огромная шахматная доска. И вот на каждом черном квадратице нужно поставить буровую вышку и пробурить скважину. Так и делают на Большой Земле. А вот на севере Тюменской области сплошные болота, и поставить буровую на каждый воображаемый черный квадратик шахматной доски невозможно. Для этого понадобилось бы все болота на сотни километров осушить.

Теперь, Ленья, я расскажу, как бурят в Западной Сибири. Представь себе эту площадь болот в виде воображаемой шахматной доски. В центре этой доски отсыпаяем один остров вместо десяти — двадцати. Давай, этот остров изобразим, в виде огромного паука. А вот лапки этого паука — это скважины, которые нужно пробурить, не вертикально, а под наклоном, чтобы каждая скважина попала в свой черный кубик воображаемой шахматной доски. Скважина бурится на нужную глубину и одновременно на удаление от островка, где стоит буровая, до одного из черных квадратиков, на расстояние от одной до трех — пяти тысяч метров. Вот и получился этакий паук с ножками — скважинами разной длины.

— И это еще не все, Ленья. Сначала скважина бурится вертикально вниз, а потом она плавно искривляется в сторону черного квадратика воображаемой шахматной доски. Скважина со снайперской точностью попадает в намеченный квадратик. Это искусство. Понял, Ленья?

— А как же! Не маленький. На дворе 81-й год. А мне уже 49 лет.

Вот и Нижневартовск. С птичьего полета видны здания нового города, а по окраинам его, как пчелиные соты, во много рядов маленькие будочки из подручных материалов, так называемые, балки. В них ютился приезжий люд, прибывший сюда ради большой работы, больших заработков. Месторождениям требовалось много специалистов, но жилья катастрофически не хватало. И люди сами находили выход.

На вахтовом автобусе едем на знаменитый Самогтор. Это — большое озеро с островками буровых вышек. К Самогтору проложена бетонка. Много в болото вбухали песка. Но оно продолжало дышать, и плиты не хотели ровно лежать, приподнимая то одну, то другую кромку. Говорят, в Подмоскowie под Дмитровой есть полигон, где испытывают машины, там дорога как стиральная доска. Вот и на Самогторе едешь по такой стиральной доске. Пару лет спустя, мой сын Олег, вернувшись из армии приехал к нам в Нижневартовск, работал на Самогторе. Когда он первый раз ехал на работу на знаменитое озеро, то думал, что его вахту везут на автобусе с тремя колесами.

На Самотлоре лето. Из 15 суток вахты часто приходилось работать ночью, которой фактически не было. Не успеет солнце скрыться за горизонт, как вскоре выплывает вновь. Очень красочное зрелище перехода от заката к рассвету.

Вокруг Самотлора система малых озер. Одно из них — лебединое. Правда, ряды лебедей очень сильно поредели. В предыдущие годы до моего приезда было много браконьеров. Многие старались угодить любимым женщинам. Некоторым из них хотелось иметь лебединую шапочку. Убивали лебедя, снимали скаल्प, который и шел на изготовление шапочки.

Вскоре нас перевели на Поточное месторождение. Девственная природа. Среди болот островки с настоящей тайгой, с непуганным зверьем. Мы их встречали на каждом шагу.

На один из «кустов», где мы жили, повадилась приходить в «гости» медведица с маленьким медвежонком. С котлопункта повара выбрасывали на помойку десятилитровые банки из-под стущенки, а для медведицы это большое лакомство. Просыпаюсь как-то часа в три утра. За окном светло. Смотрю, а медвежонка заинтересовал гул на буровой. Он становится на задние лапы, головку тянет в сторону буровой. Уж очень ему хочется узнать, что же там гудит!..

Так получилось, что о тампонажниках я меньше всего писал. В основном у меня были зарисовки о вышкомонтажниках, буровиках, механизаторах...

Во-первых, Доктора, который выполняет с ними одну работу, ест и спит вместе с ними, не воспринимали всерьез как журналиста.

Во-вторых, не любили они говорить о своих делах, успехах... За них говорят их руки. Золотые руки. От этих людей зависят результаты труда буровой бригады, управления. Венцом работы буровиков является цементирование скважины. Что это такое? Когда скважину пробурили, в нее спускают обсадную трубу. А вот между стенкой скважины и обсадной трубой под давлением загоняется цементный раствор. Цемент применяется самой высокой марки. Образовавшаяся рубашка из цементного камня защищает обсадную трубу от агрессивной среды. Долговечность работы скважины зависит от качества цементирования. Качество цементной рубашки тщательно проверяют специальными приборами. И только после положительного заключения буровики смогут отчитаться о выполненной работе. При проведении цементирования скважины может возникнуть ряд сложных ситуаций. Например, на определенной глубине могут попасться слабые, рыхлые пласты и цемент может уйти в пласт. И тут нужно огромное умение, чтобы найти выход из критической ситуации.

— Я люблю свою работу — говорит инженер по креплению скважин Егор Васильевич Бурило. — И каждый раз подъезжая к буровой я испытываю волнующее чувство встречи с новым. Ведь нет ни одной скважины, чтобы она была похожа на какую-то другую. К каждой — особый подход.

Мне нравилось смотреть как тампонажная техника, словно кареты у театрального подъезда, собирается на буровой. Потом идет расстановка ее по четкой схеме, подсоединение к скважине. Как перед запуском космического корабля раздаются четкие команды руководителя: очередность запуска агрегатов, плотность раствора, наличие пластификатора, объем закачиваемого раствора, воды...

Все сосредоточены, внимательны до предела, никаких отклонений от заданного режима.

Я иногда задумывался, что же такое рабочее призвание. Ну, скажем, с писателями, артистами понятно — талант, особые данные.

А вот рабочее призвание. Оно приходит не сразу. Сначала идет огромный труд. А потом появляется удовлетворение от выполненной работы. С каждым разом получается все лучше и лучше. Так постепенно человек прикипает к своему делу. Появляются и радость, и успех, и уважение людей. Я воочию видел красивую, артистичную работу своих коллег, восторгался их мастерством.

А вот рассказывать о своей работе они не мастаки. И все же в моем журналистском блокноте собралось несколько отрывочных воспоминаний этих людей, но никто в своих воспоминаниях не жалуется на трудности. Наоборот. Годы сохранили гордость, романтику трудных побед.

Из архива автора

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

14 июля 1982 года

МАСТЕР

Над зданием Белорусского управления буровых работ в Нижневартовске часто поднимается флаг в честь буровой бригады мастера П. С. Ходаковского.

Первые я его встретил на 1019-ом кусте Сомотлорского месторождения. Худощавый, стройный, энергичный человек с открытой

улыбкой выглядел довольно молодо. Даже не верилось, что он ветеран Севера, один из первопроходцев нефтяной целины. Ветеран, которому сегодня три с половиной десятка лет. Квалифицированный специалист, новатор, настоящий хозяин буровой.

Доверительность, взаимное уважение царит в бригаде Ходаковского. Бурильщик Виктор Чучаев говорит: «Петр Степанович не просто руководитель. Он наш старший товарищ, который всегда поможет не только в работе. С любыми бедами мы идем к нему».

И когда руководство Белорусского управления буровых работ решило перевести Ходаковского во вновь создаваемую бригаду, ребята из его бригады не пожелали с ним расстаться и довольно энергично начали отстаивать свое мнение. Решение было отменено.

Не случайно, в самом начале работы Петра Ходаковского на Севере друзья-комсомольцы избрали его своим вожаком. Он отличался не только трудолюбием, умением быстро постигать тонкости бурового мастерства, не пасовать перед трудностями, но и талантом — быть душой коллектива.

В 1972 году было принято решение ЦК ВЛКСМ и Миннефтепрома пробурить на Самотлоре интернациональную скважину «Дружба». Лучшие представители комсомола Украины и Белоруссии, Азербайджана и Татарии, Туркмении и Башкирии, Коми АССР и Оренбургской области участвовали в этом почетном деле. Посланцем Томской областной комсомольской организации (в то время он работал в Стрежевом) был помощник бурильщика Ходаковский. Комсомольцы страны прикоснулись к подвигу, совершаемому здесь в суровом краю. Несмотря на холода они увезли отсюда жар комсомольских сердец.

Во время бурения скважины «Дружба» состоялось знакомство Петра Ходаковского с руководителем недавно созданной в Нижневартовске комсомольско-молодежной бригады Владимиром Глебовым. Позднее, когда Ходаковский у себя в Стрежевом также возглавил комсомольско-молодежную бригаду, их коллективы стали соревноваться между собой. Дружба этих комсомольских вожаков сохранилась по сей день.

Тепло встречали Петра Ходаковского друзья по работе. Они поздравили его с наградой — Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. С большим интересом слушали они рассказы о встречах с членами интернациональной бригады, опытом, как организовали субботник по благоустройству молодого Нижневартовска, как с любовью украшали новогодние елки на площадях города.

А в 1977 году Ходаковский был участником Всесоюзного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Здесь он встретил многих участников интернациональной бригады «Дружба».

И снова работал помощником бурильщика. Работа тяжелая, напряженная, забирающая тебя всего без остатка. Один бы не выдержал. Вместе с коллективом — да! А бригада была отменной, дружной. И немалая в этом заслуга руководителя — мастера Николая Валентиновича Бурдыко, делегата XVI съезда ВЛКСМ. У него учился мудрости руководителя Ходаковский. А заводилой во всех общественных делах у него в бригаде был секретарь комсомольской организации сам Петр. К этому времени он уже многому научился.

В 1975 году Петра приняли в партию. Через год, пройдя все ступени рабочей школы бурения, он стал мастером — руководителем комсомольско-молодежной бригады. Его направили в отстающую, которой не повезло с руководителем. Не было плана, не было дисциплины. Некоторые бурильщики с большим стажем, да и по годам значительно старше своего нового мастера, принимали команды молодого руководителя в штыки. На помощь пришли остальные члены коллектива. Меньше чем за год бригада прошла период становления. По производительности она вышла на рубежи передовых бригад Западной Сибири, стала комсомольско-молодежной.

Диву даешься, сколько же может взять на себя человек. Казалось бы, у руководителя буровой бригады все время поглощают производственные дела. И не остается его на общественную работу. Но это не так. Петр Ходаковский в то же время и секретарь комсомольской организации управления, и член бюро горкома партии, и депутат Стрежевского городского Совета народных депутатов. Север поднимала молодежь. И общественная деятельность сводилась к работе с ней, с молодежью. В город постоянно прибывали комсомольские отряды и одиночки по комсомольским путевкам и просто так. Нужно было помочь молодым людям приобрести профессию, закрепиться в трудовых коллективах, нужно было обеспечить их жильем. Главное же, помочь им поверить в себя, расправить крылья. Известно, что человеку легче преодолеть трудности, если он знает, что его труд очень нужен. Ведь, кажется, совсем недавно и сам он, Петр Ходаковский, был несмышленым новичком.

В 1979 году Ходаковский по приглашению Белорусского УБР приехал в Нижневартовск и возглавил бригаду. И сегодня он помогает людям выстоять в трудную минуту. И тянутся к нему люди. Идут за советом, за помощью. И как бы он ни был занят, всегда находит время выслушать человека, посоветовать, помочь. Ведь и в этих трудных условиях жизнь идет своим чередом. Люди встречаются, влюбляются, играют свадьбу. И в первую очередь им нужна крыша над головой. Хоть шалаши, да на двоих. У

другого семейная жизнь не ладится. Когда встречались, все было хорошо. Сейчас сами вместе, а мнения врозь. Тому нужна путевка в санаторий — здоровье поправить, а этому нужно помочь ребенка устроить в садик. А вот этот застенчивый юноша принес ему свои стихи показать...

Сколько же может человек? Я упомянул о производственной деятельности Петра Ходаковского, его общественных делах. Кроме всего прочего есть еще Ходаковский — глава семьи, муж, отец двоих сыновей.

"Всякое было, — вспоминает Петр Степанович. — Я учился на заочном в техникуме, потом в институте. Ре-

шила и сама Нина поступить в институт. Помню, жена уедет на сессию, а я на буровую еду с сынишкой. Иногда кое-чем приходилось жертвовать. Помню, была мне путевка выделена в Монреаль на Олимпийские игры — на 43 дня! Пришлось отказать. Трудностей было много...»

Говорят, если человек посадил дерево, вырастил сына, то он не зря прожил жизнь. Петр Ходаковский со своими друзьями-комсомольцами посадил сотни деревьев, пробурил сотни нефтяных скважин. Значит, не зря живет человек. Не зря переносит трудности и лишения.

Сибирская земля отдает свои богатства людям смелым, стойким, мужественным.

Л. АНИКЕЕВ
ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
1 сентября 1983 года

ПРАВО НА ДОВЕРИЕ

На небе август вывесил серые флаги осенних туч. Седьмой час «не дают погоду» вертолету, который должен доставить нас из Нижневартовска на Поточное месторождение. Наконец слышим: «Сегодня погоды не будет». Едем автобусом. В салоне буровые мастера и другие специалисты Белорусского управления буровых работ, возвращающиеся на «Поточку», как они любовно называют свое месторождение, после двухнедельного отдыха в Белоруссии. Идет бурное обсуждение проблем:

— Нет, сейчас дела с цементированием скважин идут налад. Молодец Егор Васильевич! — говорит заместитель начальника центральной инженерно-технической службы Е. И. Дружинин.

Мне вспомнились события двухгодичной давности. Цех крепления скважин был передан из Белорусского УБР специализированному предприятию — тампонажной конторе объединения Белорусьнефть.

— Перед нами стояла задача, — вспоминает главный инженер конторы А.М. Танцурин, — найти кандидатуру инженера по цементированию скважин. Выбор пал на Е.В. Бурило. Это человек с пытливым умом, хорошо разбирающийся в теории цементирования. И еще мы знали, что он хозяин своего слова.

— Единственное, в чем у нас были сомнения, — дополняет Александра Михайловича секретарь парторга низации В. В. Гончарук, — это в излишней застенчивости Егора Васильевича. К счастью, они не оправдались.

Весть о том, что Бурило назначили инженером по цементированию, быстро разлетелась по бригадам. Кое-кто недоумевал: «Зачем Егору такая обуза?». Во-первых, дела с креплением скважин тогда оставляли желать много лучшего: было много брака. Во-вторых, зарплата машиниста цементировочного агрегата шестого разряда значительно выше, а ответственность несравненно меньшая. Как-то я спросил у Егора Васильевича о мотивах, побудивших взвалить на себя эти обязанности.

— Кроме знаний, полученных в институте, где учусь заочно, я самостоятельно изучаю теорию цементирования скважин. Были задумки, которые хотелось применить, кое-что изменить в технологии, улучшить качество. Главное же, мне очень нравится эта специальность, в которой хотелось расти, познавать ее тонкости, совершенствоваться в работе.

Эти намерения он сразу стал настойчиво внедрять в жизнь.

— Приезжаю на вахту, — вспоминает начальник смены СМ. Гончаров, — а мне говорят, что цементирование выполняется только при наличии акта пригодности цемента. Оказывается, с активным участием Е.В. Бурило на месторождении уже работает лаборатория цементных растворов.

В августе прошлого года был такой случай. Приезжают тампонажники на первый куст для цементирования скважины. Воды для затворения цемента нужно не менее 90 кубических метров, а в наличии только 30.

Мастер: «Недостающую возьмете из лужи».

Прикинул Егор Васильевич, что начинать процесс цементирования не будучи уверенным, что воды хватит, просто безрассудно.

Отказался. И никакие действия нажима не смогли изменить его решения. Не обижается он, что получил строгое взыскание за задержку цементирования. Зато сейчас на большинстве буровых установлены дополнительные емкости для воды.

Наш автобус, проделав путь километров в сто пятьдесят, прибыл на месторождение.

И вот мы беседуем с Егором Васильевичем в его маленькой комнатке.

— Откуда у вас такая фамилия? — спрашиваю.

— Мой сын Артем говорит: «Потому, что папа нефтяник». А если серьезно, и отец мой не знает ее происхождения. Дед и прадед были потомственными землепашцами, отец и мать в молодости тоже этим занимались. Им с трудом удалось получить начальное образование. Жили в Западной Украине, которая стала советской только в 1939 году. После Отечественной родители приехали на Урал, где отец стал шахтером.

Будучи уверенным, что многие черты характера человека закаляются в детстве и юности и сопутствуют ему всю жизнь, я всегда пытаюсь увидеть своего героя в этих годах. Не зря в народе говорят, что по рассаде можно узнать, какой будет овощ.

... В километрах сорока от Челябинска расположился небольшой зеленый город Коркино. Живут в нем шахтеры. Многие имеют собственные домики. В одном из них у Анны Максимовны и Василия Федоровича Бурило в 1953 году родился сын Егор. Были у него две сестрички: старше годом — Люба, моложе пятью — Ира.

Тяжелые годы детства и военного лихолетья, нелегкий в то время труд шахтера наложили на характер отца свою печать. Он был малоразговорчив, суров. Иногда произносил: «Шахта — это второй фронт».

Душой семьи была мать, одарившая детей лаской за двоих. Много времени маленький Егор проводил с соседом, пенсионером Тимофеем Ивановичем Павликовым, бывшим соратником Стаханова. Тот научил его косить, пилить, рубить дрова «Человек трудом славен, — говорил он Егору, — особенно здесь. Ведь Урал — опорный край державы». Когда устанут старый да малый, Тимофей Иванович достает кисет: себе — самокрутку, Егору — припасенную впрок конфетку.

— Потом и Вы начали курить? — спрашиваю Егора Васильевича.

— Нет. В этом отношении моя семья отличалась особым укладом, отец не курил. Табак считал злейшим врагом человека. Родители в рот не

брали спиртного. И меня приучили к этому. Не курю и в чарке не вижу добра..

— Рано намали задумываться о будущей профессии? — мой вопрос Егору Васильевичу.

— Очень рано. Вернее, не я сам задумывался, а мои родители. Мы росли на шахте. Большинство моих сверстников готовились стать преемниками профессии отцов. Мне на шахту путь был заказан — здоровьем не вышел. Мать хотела, чтобы я стал врачом. Отец же, проживший суровую жизнь, хотел приобщить меня к искусству: «Сынок, стань музыкантом».

— И что же из этого вышло?

— Я перечитал гору медицинской литературы, но эта профессия меня не привлекала. Вместе с десятилеткой закончил музыкальную школу. Но желание стать профессиональным музыкантом не появилось. Тут уж и мне пришла пора задуматься о смысле своего бытия. Неопределенность жизненных позиций вызвала сомнения и душевную неустроенность.

После школы Егор едет в Челябинск, работает на заводе токарем. Отслужив положенное в армии, возвращается туда же и поступает в институт. Со второго курса уходит по семейным обстоятельствам. Появилась семья, родился ребенок, заболела жена. Врачи рекомендовали ей переехать жить на родину — в Белоруссию. С институтом расстался без сожаления. Будущее и этой профессии «не светило».

Рассказал мне Егор Васильевич, как закончив учебно-курсовой комбинат в Белоруссии, стал машинистом цементировочного агрегата. Шел на работу ради хлеба насущного. И вдруг! Открыла эта профессия ему свои лучшие стороны. Появилась потребность, как можно больше узнать о ней. Когда почувствовал, что приобрел уверенность в работе, попросился на Север.

В те годы Белорусское УБР работало на Поточном месторождении вахтово -экспедиционным вариантом. Трудностей хватало. Жили в тесноте — по десять-двенадцать человек в одной половине вагончика. Связи между кустами не было. Внутрипрямые дороги, отсыпанные местными грунтами, размывало. Иногда приходилось цементировать колонну минимальным числом агрегатов — двумя, вместо шести, десяти. Если мое трактор пройти, он тащил агрегат. Все под днищем обламывало, передний мост выбивало. Ремонтировать приходилось на месте в мороз, грязь, слякоть. Были случаи, когда на кусте кончались солярка, бензин. За пять километров по болоту в ведрах таскали горючее.

Ребята не роптали — надо. Когда на месторождение пришла дорога, работать стало намного легче.

Радовался Егор Васильевич, что наконец-то нашел свою тропинку к мастерству. Она привела его и в институт на заочное отделение. Теперь он доподлинно знал, зачем ему вуз. Предложенная работа инженера по цементированию скважин открыла перспективу углубления знаний в любимой работе, возможность сделать что-то большое. Он смело взялся за ломку устаревших приемов в работе, за четкое соблюдение технологии. По началу были частыми стычки с буровыми мастерами. Кто-то не подготовил площадку для установки агрегатов, кто-то вовремя не завез необходимые химреагенты. Сейчас такие случаи реже.

— Егор Васильевич, каково в данный момент качество цементирования скважин?

— Сейчас улучшилось. До недавнего времени было плохо. На этом месторождении слабые пласты. При цементировании скважин глубиной две с половиной — три тысячи метров получался недоподъем цемента — он уходил в пласт. Были и у меня кое-какие задумки, но самостоятельно пойти на эксперимент не решался — мог ведь быть и отрицательный результат, который я бы не смог ничем оправдать. Требовал у руководства тампоновой конторы и Белорусского УБР принять какие-то меры. Наконец, в августе прошлого года приехали научные сотрудники ВНИИнефтегаз из Тюмени.

— Что же? Дела сразу пошли на лад?

— Нет, хороший результат получился только месяцев через девять — в мае этого года.

Помогло аэрирование. В затворенный цемент, движущийся по трубам к скважинам, компрессорами нагнетается воздух. Получается что-то типа пенобетона. Удельный вес его меньше, и он достигает устья скважины, не нарушив пластов. Я был участником всех экспериментов и все рациональное взял на вооружение. Сегодня мозгую, как осреднительные емкости внедрить. К зиме нужно добиться, чтобы вода для затворения прогревалась на всех буровых. Это из технологических проблем. И других много. Назову две. Нет у нас крытой площадки для затаривания цемента из мешков в смесители. Гора мешков лежит на берегу Агана. Как дождь, затаривание, а следовательно и цементирование колонн, срывается.

На такие дела есть начальник цеха. Но он сейчас целиком занят второй проблемой, о которой хочу сказать. У нас в Нижневартовске на одной территории с Белорусским УБР были мастерские в арочнике. Сейчас транспортники этого УБР переехали на другую территорию, увезли

котельную, обесточили и наши мастерские. В Лангенасе нам отвели площадку под территорию базы. Если бы сейчас отсыпать ее, к зиме успели бы поставить арочник. Пусть в холодной мастерской, но мы бы смогли делать кое-какой ремонт агрегатов. К зиме идем с неисправной техникой: нужно клепать накладку на тормозные колодки и растачивать, паять радиаторы, вулканизировать камеры, заряжать аккумуляторы и много-много других работ. Если срочно не исправить технику, будет страдать качество цементирования. Просьба к руководству НГДУ Урьевнефть: работу по отсытке площадки включить в свой план.

В день моего отъезда с Поточного месторождения выдалась солнечная погода. Захотелось до вертолетной площадки пройтись пешком. Совсем недавно связь с промыслом была только вертолетом и вездеходом.

Белорусские дорожники проложили бетонную магистраль, через Урьевский Еган перекинули мост. Все течет — все изменяется к лучшему. Пожелал я всего доброго и Егору Васильевичу, человеку увлеченному, беспокойному.

Природа тоже ждет перемен. Вечную зелень сосен, кедров и пихт расцветило ярко-красное пламя трепещущих листьев осин. При порывах ветерка березы швыряют себе под ноги листья. Скоро зима.

А. АНИКЕЕВ
ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
5 января 1982 г

ЦЕХ ЛАТЫШЕВА

Заслуженным уважением в Белорусском, управлении буровых работ пользуется коллектив вышкомонтажного цеха №2, работающий на Самогторском месторождении. Он постоянно занимает призовые места в социалистическом соревновании среди подразделений предприятия, объединений Белорусьнефть и Нижневартоннефтегаз.

С хорошими показателями завершён первый год одиннадцатой пятилетки. Коллектив цеха по примеру москвичей встал на вахту в честь шестидесятилетия образования Союза ССР. С особым воодушевлением трудились вышкомонтажники в восьмую неделю, посвященную родной республике. Смонтирована блочная компоновка оборудования строящейся буровой на Самогторе, перевезен на новую Малочерногорскую площадку

жилой поселок вышкомонтажников. Подготовлены площадки для приемки новых станков 3000-УЭК.

Немалая заслуга в успехах коллектива его руководителя Виктора Михайловича Латышева. О нем сегодня наш рассказ.

Наша встреча состоялась на одном из кустов Самотлорского месторождения. В управлении предупредили, что его трудно застать на месте и невозможно отвлечь от дел для беседы. Зная это «попросился» в гости поздним вечером. Латышев только что вернулся с Малочерногорской площади, за день исколесил сотни километров таежного бездорожья. Однако Виктор Михайлович был бодр, энергичен и неоднократно, извинившись, прерывал нашу беседу для решения экстренных вопросов, с которыми к нему, даже в поздний час, обращались рабочие...

Выбор своего трудового пути Латышев сделал в конце пятидесятих годов. Во время службы на границе. В армейской газете был опубликован призыв комсомола к воинам по окончании службы пойти трудиться на нефтяные промыслы Туркмени. Так комсомольская путевка Латышева стала для него путевкой в жизнь, определила дальнейшую судьбу.

В объединении Туркменбурнефть он получил специальность вышкомонтажника, газосварщика. Отличался настойчивостью, упорством. Видимо, эти черты характера заметил и главный инженер ремонтно-механического завода А. П. Минчук (ныне он работает в объединении Нижневартовскнефтегаз заместителем начальника управления по бурению). Позднее, когда Александра Прокопьевича направили на освоение нефтяных богатств Белоруссии, он вызвал туда и Латышева.

Быстротечно время. Кажется, недавно приехал Виктор Михайлович в Белоруссию, а прошло уже десять лет. Вышкомонтажник, сварщик, бригадир, прораб, начальник цеха. Родина отметила добросовестный труд Латышева орденами «Знак Почета», Трудового Красного Знамени.

Когда же было создано Белорусское УБР для работы в Западной Сибири, Виктор Михайлович возглавил вышкомонтажный цех. И вот взметнулись к небу вершины буровых, построенных белорусскими вышкостроителями на Ватинском, Поточном, Самотлорском месторождениях.

В цехе много молодых, еще не опытных ребят, только что получивших теоретические знания. Виктор Михайлович стал для них наставником. Сегодня все, кто начинал в то время, опытные вышкомонтажники, слесари, сварщики, плотники.

Правду говорят, что у хорошего руководителя — хорошие подчиненные. Воспитание доверием — вот принцип Латышева. Если человеку доверяют, он становится собранным, контролирует свои действия и обязательно постарается оправдать это доверие.

Вот некоторые из тех, кто составляет костяк коллектива. Работали его помощниками В. Е. Дулев, В. Т. Козков. Много теплых слов о них я услышал от Виктора Михайловича. Сейчас Дулев возглавляет вышкомонтажный цех №1 на Поточном месторождении. Ныне заместитель Латышева — А. Ф. Махонько. Отличный специалист. Трудовую школу нефтяника начинал в Светлогорской вышкомонтажной конторе на сибирской земле — с первого дня образования Белорусского УБР. Творчески подходят к своему делу старшие прорабы Д. Н. Назаревич, В. Д. Аликевич. Много на их счету рационализаторских предложений. Назаревич сейчас является ответственным по освоению Малочерногорской площади.

Пример в труде показывают вышкомонтажники Н. К. Маслаков, П. А. Науменко, газорезчик Б. А. Науменко, электросварщики В. Н. Левкович, А. Т. Зеньков и другие.

Некоторые рабочие цеха сегодня уже стали наставниками, руководителями ми. Так, П. А. Наумов — звеньевой, В. В. Городецкий — бригадир, В. Н. Черненко — назначен руководителем новой бригады, которая будет работать на Малочерногорском месторождении.

Много забот у начальника цеха Виктора Михайловича Латышева. Он в постоянном поиске решения тех или иных текущих задач. Условия работы белорусских вышкомонтажников отличаются от местных. Приходится делать все самим: оборудовать вагончики, готовить металлоконструкции. Местным вышкостроителям доставляются уже готовые блоки, скомпонованные на базе, белорусские делают это в тяжелых полевых условиях. Большие затруднения из-за отсутствия на Самогортском месторождении пилорамы. Ведь на каждую новую буровую требуется 50-60 кубометров досок.

Но вышкомонтажники цеха №2 полны решимости ударным трудом отметить и второй год одиннадцатой пятилетки.

А. АНИКЕЕВ

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

3 сентября 1983 года

ЕСТЬ НОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ!

Вступило в строй действующих Мало-Черногорское месторождение нефти.

Надо спешить. Через несколько часов начнет работать новое месторождение — один из спутников Самотлора. Такое увидишь не часто.

... В конце 1981 года пришли сюда рабочие Хохряковского специализированного строительного управления, проложили внутрипромысловые лежневые дороги, отсыпали кустовые площадки. Вслед за ними начали строительство буровых вышек монтажники второго цеха Белорусского управления буровых работ

Знакомимся еще с одними виновниками торжества — проходчикам и Белорусского управления буровых работ, которые работают здесь вахтово-экспедиционным методом.

Если центральную лежневую дорогу принять за ствол дерева, то ветвями будут уходящие в одну и другую стороны отрезки, ведущие на буровые. Слева — пятый, шестой и третий кусты, справа — второй и первый, в вершине дерева — четвертый. На втором кусте работает бригада мастеров А. В. Гамова и Н. Е. Мацигуды. Девятнадцатого мая прошлого года смена буровиков Н. Е. Мацигуды сделала первые метры проходки на этом месторождении. Сейчас бурит смена мастера А. В. Гамова. Интересуюсь у него успехами бригады.

— В 1981 году мы заняли первое место среди буровых коллективов управления. В прошлом году результаты похуже: много времени потеряли на переезд с Поточного месторождения. Но план выполнили. Сейчас на втором месте.

Следующий — третий куст. Здесь трудится комсомольско-молодежная бригада мастеров П. С. Ходаковского и Л. В. Ермаковича. Шестнадцатый год занимается проводкой нефтяных скважин в Западной Сибири Петр Степанович Ходаковский, приехавший в Нижневартовск по путевке комсомола в январе 1968 года. За особые заслуги в развитии этого нефтегазового комплекса он удостоен звания лауреата премии Ленинского комсомола, награжден серебряным знаком «Молодой гвардеец пятилетки», знаком «Мастер — золотые руки», кавалер орденов Трудовой Славы и «Знак Почета». В прошлом году бригада стала победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании, завоевала звание «Лучшая бригада Миннефтепрома». Сейчас она лидер соцсоревнования среди коллективов управления. Самая результативная в бригаде и во всем управлении вахта

бурильщика В. Ф. Кашеварова. Она первой рапортовала о выполнении планового задания года.

Жилые вагончики бригады удобно расположились среди кедров в отдалении от буровой. На этом месторождении, в отличие от Самогортского, земля во многих местах имеет твердь. За счет этого есть возможность размеры кустовой площадки увеличить. Встретил меня на буровой помощник мастера, оставшийся за Ходаковского на время его отпуска, В.Г. Доманов.

— Петр Степанович сейчас набирается сил. А мы без него постараемся не подкачать.

Не застал я на месторождении бригаду из пятого строительномонтажного управления треста Нижневарттовскнефтьстрой, выполнившую обвязку пятого куста и закончившую строительство нефтепровода. Несколько часов назад она сдала свою работу и уехала. — Ребята потрудились хорошо, — сказал мне начальник управления В. С. Шевченко.

Конечный пункт поездки по месторождению — дожимная насосная станция (ДНС), расположившаяся между вторым и первым кустами вблизи центральной лежневки.

Следует сразу оговориться, что только благодаря тому, что НГДУ Белозернефть построило собственными силами эту временную ДНС, появилась возможность получать нефть с этого месторождения. Таким действиям белозерцев предшествовали решения партийного бюро и технического совета объединения Нижневарттовскнефтегаз. Не будь этих решений, стояли бы готовые скважины мертвым грузом несколько лет, пока генеральный подрядчик — трест Самогорт нефтепромстрой не построил бы капитальную подстанцию.

Итак, я на ДНС, где находится штаб «хозяина» Мало-Черногорского месторождения — начальника участка добычи А. К. Кеменчижиди. Идут интенсивные приготовления к пуску нефти. Беседую с бригадиром строителей Г. М. Гагацевым.

— Проект ДНС, подготовленный проектно-сметным бюро НГДУ, был «сырой». Приходилось рассчитывать только на свой опыт и добросовестную работу членов бригады: В. С. Ильичева, В. А. Хасанова, Т. И. Лаевского, О. А. Щинова, А. А. Свежакова, А. М. Болomoжнова. Они не считались ни с трудностями, ни со временем. Во всем помогал А. К. Кеменчижиди. У него большой опыт строительства таких станций.

К полночи площадка станции стала пустеть. Остался на ней только А. К. Кеменчижиди, решивший сам все пересмотреть перед пуском. В три тридцать утра он объявил всем подъем. Через час станция была подготовлена к приему нефти. Все едут на пятый куст

В половине шестого утра зарождающегося нового дня 16 августа 1983 года геолог управления О. А. Бачев открывает задвижку первой скважины Номер 263. Она заработала сразу активно. Стрелка манометра подскочила до цифры 48 атмосфер. Следующие семь скважин, немного помедлив, тоже включились в работу — принимай, Родина, подарок от строителей и нефтяников Нижневартовска!

При пуске скважин присутствовали ведущие специалисты НГДУ Белозернефть: главный инженер С. В. Королев, главный механик Л. П. Поляков, главный энергетик П. Д. Оксанюк, начальник отдела подготовки В. И. Шишинов. Рядом с ними А. К. Кеменчижиди со своими помощниками: мастером В. Н. Кошелевым, операторами В. Нахаловым и Е. Митиным, слесарем-ремонтником С. Депутатом.

Вскоре участники торжества, вернувшись на ДНС, по телефону рапортовали начальнику НГДУ Г. И. Орлову: «Пошла малочерногорская нефть!» Месторождение работает!». Несколько часов спустя начальник второго цеха подготовки нефти З. Ш. Шаймарданов, получив результаты анализа, заявит «Отличная нефть! Без малейшей примеси воды».

Прошу А. К. Кеменчижи ди рассказать о своих дальнейших планах.

— Работники участка добычи будут трудиться по вахтовому методу: пять дней на месторождении, пять — на выходных. Для проживания вахты мы построим чешский жилой комплекс из шестнадцати комнат. Площадка под него уже готова. Для всех желающих работников участка, а в дальнейшем цеха добычи, мы разработаем землю под огороды, построим овощехранилище.

Александр Константинович с увлечением рассказывает о своих помощниках, которые пришли на новое месторождение настоящими хозяевами. Свое будущее хозяйство они начинали с нуля. Очень радостен им сегодняшний праздник. А для операторов Юлия и Лены Оксиных он радостен вдвойне, так как стал еще днем рождения новой семьи — ровесницы месторождения.

Остается добавить несколько слов еще об одном участнике строительства на новом месторождении — бригаде кавалера орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», депутата окружного Совета народных депутатов В. С. Дыдыкина из треста Нижневартовскнефтьстрой. Этот коллектив строил первую линию

электропередачи на Саянском. Сейчас их там сотни километров. Электрические линии, протянутые этой бригадой, дали жизнь и малым месторождениям: Мыхпайскому, Тюменскому и, наконец, Мало-Черногорскому.

Л. АНИКЕЕВ
ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
13 ноября 1984 года

СЕМЬЯ ТРУДОВАЯ

ОТЕЦ

При нынешних скоростях путь от Кемерово до Нижневартовска не так уж и долог, но Василию Дмитриевичу Болтовскому времени хватило, чтобы разобратся в своих думках. Он удобно разместился в кресле воздушного лайнера. Тяжелые натруженные руки неподвижно покоятся на коленях, глаза прикрыты, не дремлют только мысли.

— Как же так? Двух сыновей вырастил, а рядом под старость — ни одного. И все этот Виктор. Сам где-то у черта на куличиках, на Саянском, и меньшого, Николку, сманил туда же. Спрашивается, чего же им в своем родном Яшкино не хватало? Не стали у отца, столяра-краснодеревщика, дело перенимать. Не модно, мал. Ладно, переживем. Так у нас же под боком цементный, асботрубный, керамзитовый заводы — выбирай. С распростертыми объятиями примут. И что сладкое нашли на этом Севере? Ведь кое-кто из погодков Виктора сунулся на этот знаменитый Саянск, да быстренько оттуда дал тягу. Скумекал, что почти такую деньгу он и в Яшкино будет иметь. А теперь и дачей, и машиной, и другим добром обзавелся. Вот прилечу, поговорим...

Так и не уснул Василий Дмитриевич в первую ночь в сыновней квартире. Впечатления от увиденного не давали покоя. Это ж надо! Миллион рублей нужно, чтобы уложить километр дороги. А это подземное нефтяное озеро под Саянском... Непостижимо! А почему этот первый дом в городе в четыре этажа? Может, какие трещины у него появились, оттого дальше побоялись строить?

Чуть свет он тихонько вышел из квартиры. Прошелся по уже знакомой ему улице. Остановился, попытался раскачать плиту, приподняв тую одним концом. Вспомнил рассказ о том, что там, внизу, под этой улицей несколько слоев лежневки и что этот бетонный слой покрытия уже третий.

Вечером Василий Дмитриевич заявил сыновьям, что он остается у них — хочет поработать... надо же немножко молодость вспомнить. На работу его согласны взять в УПТК — столяром-плотником. А дочерям Вере и Тамаре он напишет, чтобы присмотрели за матерью, помогли ей.

Только года через полтора отец с грустью сказал:

— Эх, сынки, хороша работа. Но — мать! Надо ехать.

НИКОЛАЙ

Спрашиваю младшего Болтовского:

— Какими судьбами в Нижневартовске?

— Из зависти.

— Нуда?

— Да Я по-хорошему завидовал своему старшему брату Виктору. Он для меня как маяк. Прожил больше меня каких-то семь лет, а сколько сделал! Он же легендарный Запсиб строил! Своими руками — первую домну, первый конвертер, первый стан. После армии ему опять повезло — оказался, как говорят, на самой горячей точке страны — на Самотлоре.

В то время я после ГПУ слесарил на Кемеровском электромоторном заводе, а в мыслях — к Виктору. Махнул бы к нему, да вот Любушку встретил. Смотрю, летает по цеху рыженькая такая — комсомольский секретарь наш. Ба! Это ж наша, яшкинская! Как я ее сразу не узнал? Начал я ей в комсомольских делах помогать, эстрадный ансамбль организовал, ну и подружились.

А в первый отпуск — к брату. Свезил он меня на скважину, с которой начинался Самотлор. «Мы пришли сюда первыми, — говорит, — построили водоводы, а потом уж буровики пошли вглубь».

Здесь я впервые увидел трассу и решил: буду, как Виктор, сварщиком. Не успел, призвали в армию. Отслужил — сыграли свадьбу. Я Любушку за руку — из аэропорт.

— Приняли Николая слесарем, — вспоминает Виктор. — Попросил я, чтобы направили в нашу бригаду. Я его учил сварке. Когда в управление пришли сварочные двухпостовые установки, никто на них не умел работать, поэтому и побаивались их брать. Николай ко мне с уговорами: «Давай освоим!» И освоили! Я до сих пор не расстался с этой установкой. За два года Николай стал сварщиком высшего класса, что не каждому дано. И

меня перегнал. Говорю ему: «Иди, брат, в другую бригаду. Хватит у меня в учениках ходить».

— Ну, брат, ты загнул, — поправляет его Николай. — Не перегнал я тебя, а на равных, это точно. А вот в другую бригаду направил — это верно.

Десятый год работает Николай Болтовский в пятом строительномонтажном управлении треста Нижневартовскнефтьстрой. Какими показателями оценить его долю в славных делах этого коллектива: процентами, высоким качеством работ или сотнями километ ров сваренных им трубопроводов? Все это есть. А еще есть десятки благодарностей, грамот, Доска почета управления, Книга почета объединения Запсибнефтьстрой, медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».

А кто еще Николай? Неугомонный комсомолец в недалеком прошлом, вот уже три года коммунист. Отвечает за работу народных контролеров, добровольных народных дружин.

Быстротечно время. Уже тянутся к солнцу два его сына-сибиряка. Ждут сестричку.

ВИКТОР

У Виктора, как и у Николая, активная жизненная позиция, бойцовский характер. Пятнадцатый год мастерски он работает на Самотлоре. За что и награжден орденом Трудовой Славы.

— Виктор, трудно стать сварщиком?

— Настоящим — очень трудно. Иногда кажется — уже все знаешь, а проходит время — чувствуешь: опять новинка. Совершенству нет предела.

— Когда ты «заболел» электросваркой?

— Именно заболел, — рассмеялся Виктор.

— Первую деталь я «сварил глазами». Было это еще в ремесленном. Мастер куда-то ушел, оставив аппарат включенным. Если два металлических шара соединить стержнем, будут гантели. Вот я их и сварил без щитка. И в глазах потом, как песок насыпали. А вообще огонь меня притягивал с детства. Наверно, от отца. Он, кроме столяра, работал еще и кузнецом. На Запсибе освоил газовую сварку — электричес

кой до восемнадцати лет заниматься запрещается. Хотя тайком, урывками сваривал стыки, прихватывал металлоконструкции.

— А в Нижневартовске как?

— Невеста увезла. Когда я уволился в запас и приехал в Яшкино, там Галя, моя будущая жена, с родителями проводила свой отпуск. Они в Нижневартовске с первого колышка. Уговорили меня поехать: «Работа там для настоящих мужчин, а еще охота, рыбалка». Они оказались правы. Вскоре мы поженились. Так и живем.

— А уехать не думали, как другие?

— Другие ехали рубль урвать, а мы — жить, работать.

— И зарабатывать.

— Конечно. Я вот где-то читал, что не деньги человека губят, а жадность к ним. К примеру, Коля начинал работать слесарем второго разряда. Получит аванс восемьдесят рублей, получку — двадцать. И ничего, не роптал. А насчет трудностей, я бы не сказал, что сейчас легко. Их хватает. Тогда мы были молоды, полны задора и, главное, все вместе, а это много значит.

Говорили о своем товарище — электросварщике Адаме Курприяновиче Каралькове. Как бы удивились они, если б знали, что такой же вопрос задавал сам себе Адам Курприянович, не раз и не два перебирая в памяти прожитые. Он отвечает за политучебу.

У Виктора хорошая семья. У них с Галей трое детей. Если у человека мир и лад в семье, если он умеет отдыхать, восстанавливать силы, то и работа спорится.

Виктор — заядлый рыбак. В первые годы жизни в Нижневартовске он своими руками смастерил три лодки. И сейчас их у него две, только фабричные. Часто братья выезжают на отдых семьями.

Уверенно шагают по жизни братья Болтовские.

СЕМЬИ

— Откуда у ваших мужей такая жизненная сила? — спросил я у женщин.

— От трудолюбия, — ответила Люба. — У них вся семья такая. И эти с детства так воспитаны.

— И еще от общительно сти, — добавляет Галя, — от веселого характера, умения поддерживать светлое состояние души.

Летом прошлого года вся семья собралась под родительским кровом. Перед отъездом побывали на родине отца. Это недалеко от Яшкино, в деревне Болтовке, где все однофамильцы.

На берегу милой речушки Сосновки организовали семейный хор. Запевала мать с певуньями — дочерьми. Не уступали им и сыновья. Отец играл на гармошке.

На прощанье Василий Дмитриевич обнял сыновей, крякнул, отвернулся. Потом негромко спросил: «Ну, как там у вас, на Самотлоре?»

Л. АНИКЕЕВ
ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
7 декабря 1983 года

ЗА ЧТО ДАЮТ ОРДЕНА

В вахтовом автобусе спорили двое:

— Ты мне скажи: за что ему дали орден Октябрьской Революции?

— Заслужил.

— Нет, ты подумай. Я понимаю, если бы участник революции или защитник ее в боях, а то ведь — простой сварщик!

Говорили о своем товарище — электросварщике Адаме Куприяновиче Каралькове. Как бы удивились они, если б знали, что такой же вопрос задавал сам себе Адам Куприянович, не раз и не два перебирая в памяти прожитые годы.

НАЧАЛО

Были детские годы у Адама Каралькова, а вот детства не было — его унесла война. Страшные картины тех дней крепко засели в его памяти, будоражат душу. Видятся ему родная белорусская деревня на Гомельщине — Мыслов Рэ, дотла сожженная фашистами; мать, бредущая по проселочным дорогам с двумя маленькими мальчонками в поисках крова и хлеба; сыпнотифозный госпиталь, куда попала мать со старшим братом. Видит семилетнего мальчишку в рваной одежонке среди советских солдат,

делящихся с ним ложкой похлебки и пайком хлеба — это он, Адам. Помнится бабка Авдотья, испытавшая ужасы Озаричского лагеря смерти.

Тяжелые годы детства наложили свой отпечаток на дальнейшую судьбу Адама, побуждали с особой меркой подходить к жизни, к работе.

В народе говорят: как начнешь жизнь, так она и пойдет. Началом своей самостоятельной жизни Адам считает тот день, когда он покинул родительский кров. Он едет в село Брожа. У него есть профессия комбайнера, вот только Брожскому лесопункту она не нужна. Все же решил зайти туда.

— Специальность? — спрашивают

— Электросварщик, — незольно соврал Адам, понимая, что это, может быть, единственная возможность остаться в лесопункте, где жила его любимая девушка Женя. Однако ложь обнаружилась уже в первый день его работы.

— Ну и наворочал ты мне! — схватился за голову водитель, которому «посчастливилось» получить от Адама техническую помощь.

Однажды Каралькова позвал к себе механик:

— Возьми щиток и поехали со мной.

В какой-то организации он договорился со сварщиком, чтобы тот сварил очень нужную и сложную деталь. Взглянул на Адама, заметил:

— Смотри, как люди работают.

Этот урок не прошел даром. Парень с характером, он не мог терпеть насмешек,

пренебрежительное к себе отношение.

... В полночь к стенду сварщика подошел сторож.

— Слухай, малец! А ты не таво? — обратился он к Адаму, потирая висок и с любопытством разглядывая гору разных еще дымящихся железяк, зачем-то сваренных друг с другом.

— Не выдавайте меня, — попросил Адам сторожа и поделился с ним своими бедами.

Потом еще много вечеров подряд, когда все уходило с работы, Адам открывал мастерскую и варил, варил, варил. Над ним уже перестали смеяться, да он и сам почувствовал: пошли у него дела. Так Каральков стал электросварщиком. А тем временем подспела пора идти в армию.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПУТЕВКА

— Каральков! Каральков! — размахивая над головой какой-то бумажкой по летному полю бежал к Адаму его сослуживец. Под шум взлетающих самолетов он прокричал: тебе телеграмма!

Шел последний, третий год службы авиамеханика Каралькова. До «дембеля» оставались считанные дни. Секретарь комсомольской организации полка объявил, что идет запись желающих поехать по путевке комсомола на стройки Сибири. Записался и Адам. Вот только б узнать мнение Жени. Последний раз видел ее два года назад, когда родилась дочь. Командование части дало ему тогда пятнадцать суток отпуска. В письме он просил сообщить, как она смотрит на его желание поехать на комсомольскую стройку. Ответ не заставил ждать «Я согласна», — было в телеграмме.

Омск встречал комсомольский десант громом оркестра. На митинге встречающие сообщили: «В ваших руках судьба строящегося завода синтетического каучука. Нужно в кратчайший срок заложить фундамент. Просим всех поработать пока бетонщиками, плотниками, разнорабочими». «В чем вопрос?!» — одобрительно зашумели бывшие воины.

Через несколько месяцев прочли объявление: «Кто хочет работать по своей специальности, зайдите в отдел кадров». Пошел и Адам. Начальник отдела кадров, открыв трудовую книжку Каралькова, с сомнением покачал головой:

— Стаж-то у тебя с гулькин нос, а нам нужны специалисты.

К счастью, в отдел зашел механик ремонтных мастерских В. С. Выдрин. «Беру его к себе». «Так он же ничего не умеет», — удивился кадровик. «Меня интересует не то, что он сейчас умеет, а что будет уметь».

Помнит Адам, как первый раз вел его Выдрин по территории мастерских. Остановились у Доски почета. Показывая на фотографию одного из знатных рабочих, у которого на груди красовалась медаль, механик сказал:

— Надеюсь, что когда-нибудь и ты станешь таким же заслуженным человеком.

Не ошибся он в Каралькове. Получился из него настоящий специалист. Сначала третий, а вскоре и пятый разряд электросварщика получил Адам. Сложнейшие детали автомобильной, тракторной, строительной техники научился ремонтировать, появился свой почерк в работе. Здесь он стал комсомольским вожаком. Теперь уже Адам, проходя с новичком мимо Доски почета, задерживался на минутку и рассказывал о ком-нибудь из заслуженных людей. С доброй улыбкой он вспоминал тот давний разговор: «Меня интересует, что он будет уметь». Когда же Выдрину предложили ехать в Урай главным механиком строительного управления, он подумал о Каралькове...

САМОТЛОР

— До приезда в Нижневартовск, — говорит Адам Куприянович, — мне посчастливилось поработать на Шаимском месторождении. Восьмая пятилетка.. Тогда меня наградили первым орденом — Трудового Красного Знамени. И все же, когда я сейчас вспоминаю Урай, передо мной встает Владимир Семенович Выдрин. До перехода на месторождение я работал с ним. Он отвечал за запуск и эксплуатацию систем пароводоснабжения и канализации строящегося города. На месторождении труднее работать. Но там «отпахал» положенные часы — и домой, в тепло. Здесь же, в городе, хотя дом и рядом, но не уйдешь сутки, а то и двое, пока не исправишь недоделки, не устранишь аварию. Не было дня в суровые зимы, чтобы где-то не лопнула труба, не перехватило льдом. Только здесь, в Урае, я понял, что такое сибирская зима.

И еще памятен ему первый год в Урае тем, что он стал коммунистом.

В семьдесят первом Адам Куприянович приехал в командировку в Нижневартовск. Здесь уже работали бывшие руководители Каралькова по Шаиму — А. И. Червинский и В. С. Шевченко. Они сказали ему:

— Самогтор сегодня — передний край борьбы за большую нефть. Приезжай сюда

Он обещал подумать. «А может, хватит скитаться? - прикидывал по дороге домой. — В Омске жил на частной, потом в бараке. В Урае - балок, маленькая комнатка. И вот, наконец, получил хорошую квартиру. Бросить ее и уехать неизвестно на что? Квартиру тебе там на блюдечке преподнесут? Нет. Значит, опять общежитие, вагончик, балок. Женя согласится. Но у тебя же двое маленьких детей. Аленке только три года. Ты о них подумал?» Но тут же разозлился на себя: «Значит, пусть другие? А ты отсиживаться?».

В день приезда подписал заявление на увольнение. А вскоре уже был на Самотло ре. Вот в таких случаях человек сдает экзамен на твердость духа самому себе, заслуживает уважение, в первую очередь у самого себя.

...Не уснул в эту ночь Адам Куприянович: вздыхал, ворочался, выходил курить, рассуждал: «Надо ж так подкачать! Сварил всего несколько сот метров трубопровода, а в них тринадцать стыков — брак!» Знал Каральков в чем его ошибка, в Шаиме больше ста — ста пятидесяти миллиметров трубу не варил. А тут восемьсот! Разница есть? Так почему же не спросил: какой зазор между стыками, какой силы ток? А теперь хлопай глазами, ас! Это так его представил бригаде Шевченко: «Адам Куприянович — шаимский ас!» Показал класс!

Адам Куприянович запомнил этот случай надалго. Как-то варил плети на стеллаже. У одной трубы край мятый. Слесарь сказал, что это пустяк — сойдет. Сварил Каральков стык, а на душе беспокойно. В конце рабочего дня заявил: «Езжайте без меня. Я тут на соседнюю буровую. С ними и приеду». Только ребята скрылись — он за резак. Вырезал кусок с вмятиной, состыковал трубы, сделал первый, второй шов, осмотрел их и пошел на дорогу ловить попутную машину. А утром начальник участка: «Давайте-ка посмотрим, как тут новичок работает». Проверил стыки — все нормально. Взглянул на Каралькова, улыбнулся, но ничего не сказал.

Успешной была для Адама Куприяновича девятая, его первая, пятилетка на Самотлоре. В его работе не было сверхрекордов. Но и не было случая, чтобы не выполнил план, обязательства. И так изо дня в день, из года в год.

— О том, как поработа ли наши труженики и в том числе А. К. Каральков, — говорит начальник СМУ-5 В.С. Шевченко, — можно судить по успехам управления в девятой пятилетке, особенно в ее последнем, 75-м году, когда было построено 226 километров трубопроводов. Это больше, чем за всю предыдущую пятилетку.

Это ли не масштабы! Страна по достоинству оценила трудовой подвиг строителей. Адам Куприянович Каральков стал кавалером ордена Октябрьской Революции. И сегодня в дождь, жару, мороз работает он старательно и качественно. «Мастер — золотые руки», — называет Адама Куприяновича начальник управления. «Надежный человек», — говорят о нем его друзья по работе. И это, по-видимому, самая верная характеристика. Если человек взялся за дело, довел его до конца и сделал на совесть, он действительно надежный.

Два года назад трест начал работы по переводу скважин на газлифтный метод добычи нефти. К освоению строительства газлифтных трубопроводов первым в управлении приступил сварщик А. К.

Каральков. Дело это довольно сложное. Во-первых, переход со сварки трубопроводов диаметром 500-800 миллиметров на 57-89 миллиметров уже сам по себе требует большой перестройки. Во-вторых, требования к сварным стыкам газлифтных труб во много раз выше. У последних каждый миллиметр шва просвечивается. Малейшее отклонение структуры шва от нормы или даже мельчайшие вкрапления воздушных пузырьков недопустимы.

— Первую газлифтную мы вели к кусту 1005, — вспоминает Адам Куприянович. — Старался я, как мог. И все же шесть стыков забраковали. Бригадир наш, Николай Федорович Цыганок, говорит мне: «Только не спеши, Куприянович. будут у нас и темпы, и план, а сейчас учись». Следующую трассу трубопровода варил еще старательней. И опять брак. Узнал я, что недалеко, на Самотлоре, нитку такого трубопровода тянет трест Самотлортрубопроводстрой. бегу туда, прошу сварщика: «Покажи, — говорю, — как ты варишь эти трубы?» Все он мне показал и рассказал. И тут я понял, что ничего... не понял. Невозможно это показать. Как бы это объяснить. Ну, к примеру, вас начали учить оленей ловить. Вам показали, как держать тынзян, как руку выбрасывать — все-все подробно. А у вас не получается: а получится только после многих и многих тренировок. Так и в этом случае.

Говорит начальник центральной строительной лаборатории В. А. Седлецкий:

— Перед нами стояла задача в кратчайшие сроки научиться качественно варить газлифтные трубопроводы. Мы были восхищены настойчивостью, упорством Адама Каралькова в этом деле. Было нарезано много «катушек» — кусочков газлифтной трубы. Сварит он несколько их, запишет режимы. Мы просвечиваем швы. Он корректирует. Не отступил, пока не добился стопроцентно качественной сварки.

Вслед за Каральковым тонкости сварки таких труб постигли в бригаде В. А. Дремин и П. Т. Бородин. Потом и других учить стали. Поначалу бригада сдавала в

Потом и других учить стали. Поначалу бригада сдавала в месяцы один-два километра трубопровода, потом — три, пять, восемь и больше при хорошем качестве. В течение прошлого года все объекты она сдавала с первого предъявления.

...Иного послушаешь: и биография у него богатая, и заслуги — вот только все это в прошлом. Не таков Адам Куприянович. На днях встречаю его.

— Слушай, Степанович, — говорит. — Я опять в комсомоле!

— Как это?

— Пригласили работать во вновь созданную комсомольско-молодежную бригаду... Наставником!

За двенадцать лет руками Каралькова сварены сотни километров трубопроводов. Если кто-то вздумает только обойти эти трассы Саянлора, ему понадобится много дней.

Сегодня к трубопроводам предъявляются очень жесткие требования. Они должны быть прочны, надежны и долговечны. Строят их люди с доброй совестью, с профессиональной и человеческой ответственностью. Слабые на трассе не задерживаются.

Не знаю, смогли тот товарищ в автобусе доказать своему коллеге, за что Каралькову дали орден Октябрьской Революции. Я же сделал вот какой вывод. Такие люди, как Адам Куприянович, с незаметной, будничной, на первый взгляд биографией, вершат дела государственной важности, своим трудом крепят завоевания Октября.

Л. АНИКЕЕВ

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

16 декабря 1981 года

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Дневное тепло схлынуло с Саянлора. Бодрящий ветерок шевелит тревожные листья осин, которые вместе с кедрами и пихтами подступают к островку буровой. В вагончиках, приютившихся на кромке этого островка, живут белорусские буровики одной из бригад, работающей вахтово-экспедиционным методом. За окном темнеет, мужчины, свободные от вахты, сумерничают перед сном. Завязалась непринужденная душевная беседа, одна из тех, что возникают невзначай. Вот и сейчас в окне вагончика мелькнул силуэт лаборантки. Кто-то сказал:

— Не повезло девчонке, нарвалась на подлеца.

— Попадется хороший человек — дите не помеха, — добавил второй.

Слышу голос Володи Шульги:

— Нет! Неблагодарная эта работа воспитывать чужого дитя. Мой знакомый сошелся с женщиной с трехмесячным ребенком. Удочерил он эту девочку, вырастил. Она уже в десятом классе училась, когда от одного «доброжелателя» узнала, что отец-то не родной. Однажды он ее отчитывает за что-то, а она: «Знаешь, дядя, нечего меня воспитывать! Ты мне никто». Вот и вырастил, а в благодарность что?

— Ты не прав, Володя, — вмешивается Виктор Макаренко, — если она и сказала, то сгоряча, необдуманно. Не может быть чужим человек, вырастивший, выпестовавший тебя. Вот слушайте.

В Отечественную погиб наш отец. Вскоре умерла и мать. Осталось нас четверо. Трех определили вместе в один детдом. Младшего отправили куда-то в другое место. Подросли мы и стали его разыскивать. Куда только не писали, безрезультатно. Служу я в армии. Однажды в часть приезжает из округа офицер. Беседует с ребятами, интересуется, может какие жалобы или просьбы есть. Я возьми да и расскажи ему про свою беду, записал он все, говорит: «Постараюсь помочь». И вот прошло несколько лет, я уже работал на гражданке, вдруг повестка в военкомат. Захожу, товарищ показывает мне на стул, а сам говорит: «Нашли мы вашего брата». Продолжает мне что-то говорить, а я только твержу: «Где он, где он?». Подождал он, когда я приду в себя. «Нашли мы вашего брата. Он — курсант Черниговского авиационного училища. Но, встречаться вам с ним нельзя. У него есть родители. Тайна усыновления охраняется законом. Вот вам адрес родителей. Без их ведома ничего не предпринимайте».

Поехал в Чернигов. Целый день у проходной училища вертелся, но про курсанта такого-то спросить не решился. Так и уехал, но не домой, а в Шостку, к его родителям. Дверь открыла женщина. Как объяснил ей, кто я, она так и села у порога. Приходит муж, а она сидит и плачет. Ночевать остался у них. Только какой уж там сон. За стенкой, в другой комнате, тоже не спят — слышен приглушенный разговор. Утром муж и говорит мне: «Мы решили поехать в Чернигов ты должен с ним встретиться». А жена его ко мне со слезами: «Витенька! Давай скажем твоему брату, что ты тоже наш сын, только в бомбежку затерялся».

Приехали мы в Чернигов. Посыльный, который пошел вызывать брата, слышал наш разговор и передал другим. Курсанты сбегались, улыбаются: «Братья встретились через двадцать лет». Обнял я меньшого, а сам разревелся. Мать его рядом, все пытается слово вставить: «Сынок, дай я тебе объясню», — а он: «Мама, потом. Мама, потом». Уже позже брат мне рассказал, что у него были какие-то сомнения насчет своей биографии. Например, родители приехали в Шостку после войны, а он родился там же намного раньше.

Дали брату увольнение на три дня, и мы остановились у знакомых в Чернигове. Назавтра, в честь нашей встречи, организовали застолье. Взял слово отец: «Сынок, может тебе будет тяжело, но мы не станем скрывать от тебя правду: ты нам не родной». Тут брат сквозь слезы: «Родные мои! Спасибо вам за радость встречи с моим братом». Сейчас вы мне стали еще дороже. И всегда, всегда вы у меня будете самыми родными и близкими».

Виктор, немного помолчав, добавил:

— И я, и мои сестры породнились с этими замечательными людьми, часто у них бываем.

После небольшой паузы в разговор включился Александр Власов:

— Мы часто следствием конфликтов с детьми считаем то, что родитель не родной, а не то, что многие не умеют, да и не хотят ладить с детьми. Часто разгораются конфликты и между родными, но мы не обращаем на них внимания, считаем, это в порядке вещей. Вот один из таких примеров.

В школе подружились мальчик с девочкой. Шли годы, и эта дружба переросла в любовь. И вот тут-то родители девушки забили в колокола: «Не можем мы этого допустить, он из плохой семьи». Отца у парня не было, а мать любила заглянуть в рюмку. Девчонке запретили встречаться с дорогим ей человеком. Они виделись тайком. За ней начали следить. И если видели, что она убегала к нему, шли туда со скандалом, гнали ее домой, держали взаперти, даже били. Продолжалось это долго. Последние годы парень учился в РТУ. Наконец, не выдержал и, бросив училище, тайком увез свою подругу в другой город к деду.

Он поступил на работу, а она не смогла — докумен ты остались у родителей. Пришлось им вернуться, чтобы уговорить родителей отдать ее паспорт. Но история повторилась. Девушку изрядно поколотили и заперли дома. Находились трезвые голоса, пытавшиеся образумить родителей: «Что вы делаете? Остановитесь! Не калечьте жизнь еврей дочери». Но в ответ «Мы ее посадим на черный хлеб и холодную воду и будем держать взаперти, пока не образумится».

Но на следующий день пленницу все же освободили. За ней вместе с женихом пришли ее бывшие одноклассники, и молодым удалось благополучно вернуться к деду.

Через некоторое время к матери приехала сестра. Не знаю, что она им говорила, но, кажется, у родителей головы просветлели. Загрузили машину гостинцами, поехали навестить дочь. Приехали, разыскали.

Оказывается, зятя, будем его так называть, на работе дали комнату. В ней все пока скромно, но чисто, уютно. А в маленькой детской кроватке лежит Димка, радующийся своему появлению на свет.

Вот такие истории довелось услышать. Да, думалось мне, как далеки от совершенства мы бываем сами, когда приходится выступать в роли воспитателей, наставников. Мы порой не знаем психологию и внутренний мир ребенка и, что греха таить, не очень-то стремимся познать. В памяти возвращаюсь к случаю, рассказанному Володей. Девочка оскорбила вырастившего ее человека. У нее безусловно была обида, и появилась она от мысли, что отец с ней был груб, только потому, что он не родной, а будь на его месте родной, он объяснил бы ей все спокойно, без крика. Конечно, в дальнейшем она поймет, что была неправа и будет любить этого человека, если... Если он поднимется над детскими рассуждениями и не бросится в амбицию.

Всегда ли мы бываем чутки в отношениях с детьми? Нет, не всегда. Порой забываем, что тоже вышли из детства и были у нас свои тревоги, сомнения и обиды, отличающиеся от взрослых проблем. Часто родитель не задумывается над тем, что у его ребенка есть собственное мнение, свои взгляды, увлечения, любовь к определенному роду занятий, к человеку. «Вот еще!», — думаем мы. — Нам с высоты прожитых лет виднее, с кем ему дружить, кого любить, какую профессию выбрать». И все-таки хочется возразить - будьте мудрее, внимательнее, бережнее к своим детям, и тогда у них никогда не возникнут вопросы: а родные ли мне отец или мать? И тем обидней или горше бывает за эти сомнения, когда у ребенка никаких формальных оснований для них нет.

Л. АНИКЕЕВ

СЛЕД В ЖИЗНИ

НЕОБХОДИМЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ КНИГИ

Так совпало, что эту книгу Леонид Степанович Аникеев завершил в самый канун своего 70-летия.

Вот такой подарок самому себе к юбилейной дате... Но этот подарок был бы не совсем полноценным, если бы в книге отсутствовал рассказ о самом авторе. Хотя бы потому, что Леонид Степанович не только писал о своих героях, но и работал плечом к плечу с ними (сначала был Аникеев — машинист агрегата по цементно-ванью вновь пробуренных нефтяных скважин, и только потом Аникеев — газетный репортер). У автора крайне интересная и насыщенная биография. Он пережил ад фашистской оккупации, восстанавливал разрушенный немцами Минск, по

комсомольскому призыву в 50-е годы строил жилье в Москве, участвовал в покорении «нефтяной» Сибири... Биография у Аникеева не просто бурная и содержательная, но и весьма поучительная. Вся жизнь человека — сплошное преодоление, сплошная борьба с обстоятельствами и, кажется, с самой судьбой, которая не всегда была к нему благосклонна. Без всякой натяжки можно сказать, что испытаний, выпавших на его долю, с лихвой хватило бы на три жизни... Хотя, по его словам, своей судьбой он очень доволен.

Леониду Степановичу вот-вот «стукнет» 70. А он, как принято в таких случаях говорить, «все еще в строю». Но в данном случае это не метафора, не желание сделать приятное уважаемому человеку. Это всего-навсего — реальный факт. Бывший станочник, строитель, конструктор, научный сотрудник, организатор производства, журналист, предприниматель, — он и сегодня полон сил и энергии. Много лет подряд его рабочий день начинается в 6 и заканчивается — «как получится». Примечательно, что когда после долгих уговоров Леонид Степанович все же согласился на интервью о самом себе, наш разговор, несмотря на субботний день, стартовал ровно в 7 утра...

— Леонид Степанович, когда заходишь в Ваш кабинет, невольно упираешься взглядом в висящий на стене плакат с крупной надписью: «Невозможное возможно, если знать, к чему стремишься». Для чего он здесь?

— Для чего? На этом плакате — мое кредо, моя жизненная позиция. По-моему, каждому не худо иметь перед глазами такое напоминание: то, что ты делаешь «обычно» — ничто по сравнению с твоими действительными возможностями.

— Но есть ведь народное изречение: выше головы не прыгнешь...

— Это изречение придумали лентяи. Когда мы восхищаемся людьми, которые чего-то достигли в жизни, то привычно говорим: «Ах, талант!». А я бы не торопился с таким выводом. Талант талантом, но для достижения успеха не менее важны целеустремленность, воля, я бы сказал, чудовищная работоспособность. Мне посчастливилось довольно близко знать многих выдающихся людей. Я вам скажу: нет у них никаких особых извилин. Они добивались успеха, великих результатов своим хребтом, огромным каторжным трудом. Всю жизнь старался брать с них пример. При этом для меня совершенно неважно, какую ступеньку этот человек занимает на социальной лестнице. Еще из детских лет мне запомнился дедок из нашей деревни — настоящий виртуоз по части подшивания валенок. С одинаковым почтением отношусь к любому профессионалу экстра класса и к академику, и к печнику. Кстати, никогда не забуду, как однажды брал уроки у одного такого печника. Времени было мало, всего один день,

поэтому он успел научить меня только глину месить. Отбивать глину — всего-навсего. Но ведь факт — печная труба, выведенная моими собственными руками много лет назад в далекой Сибири, до сих пор стоит! Недавно получил оттуда письмо: — Леня, стоит твоя труба — как звоночек, дымом не кашляет... О, быть классным печником — это великое дело. Они нарасхват, и не только в Сибири. Главное, чтоб человек живинку в своем деле поймал — вот тогда он и счастлив. Великий педагог Ушинский сказал: «Если вы удачно выберете труд и вложите в него всю свою Душу, то счастье само отыщет вас».

— Мне приходилось слышать такое мнение: в работе Вы фанатик...

— Да нет. Просто, если я за что-то взялся, должен добиться результата. Лучше не начинать, чем остановиться на полпути. Как говаривали древние: «Победа любит старание» (Амат виктория курам). И еще: я не люблю делать плохо. Начиная с мелочей, к примеру, пришивание пуговиц.

Кстати, о пуговицах. Когда я работал машинистом цементировочного агрегата, произошёл со мной курьёзный случай. Цементирование скважин — это когда с помощью цементировочных агрегатов и другой техники, под огромным давлением, жидкий цемент подается во вновь пробуренную скважину на глубину 2500-3000 и более метров. Это делается для того, что бы между стенками скважины и обсадной трубой образовалась цементная рубашка. Она защищает трубу от агрессивной среды: подземных потоков жидкости, газа. Так вот. Сделали мы разводку труб, агрегаты подсоединили к скважине. Перед (залيفкой) цементированием бригадир Петр Лобан собирает машинистов, мотористов и выдает задание на выполнение работ: скорость, давление, объем закачиваемого цемента и т.д. Все собрались, а я немного замешкался на агрегате. Когда же я прыгал с площадки, то бушлатом зацепился за стойку и, как космонавт в невесомости, на этой стойке повис. Пуговицы не оторвались — пришиты намертво. И мне пришлось со всей силой бить ногами о борт агрегата, чтобы стойка как нож разрезала бушлат. На нем получилась шлица от середины спины до нижней кромки. Пуговицы целы, а я благополучно шлёпнулся в снег. На мое счастье этого эпизода, когда я плавал в воздухе, зависнув на стойке, никто не видел. Мои ребята — страшные пересмешники. Они бы с большими подробностями и всякими домыслами смаковали, как «Доцент» (это было мое прозвище) в космонавты готовился или что-то смешнее придумали.

— А все остальное на втором плане? Даже семья?

— Я бы не стал делать такого противопоставления. Семья — это святое. Она вне конкуренции. Но, с другой стороны, она же не воздухом питается, ее надо обеспечивать, давать образование детям, внукам... Поэтому чем лучше дела на работе, тем лучше и семье. И наоборот: если тебе работа в тягость, противна до тошноты — то поневоле будет страдать и семья. В

общем, эти два понятия для меня одинаково важны и даже неразделимы, как фронт и тыл на войне.

— *Жизнь — это война?*

— Жизнь — достаточно жестокая штука. Жить, значит бороться. Но мне не хотелось бы сейчас вдаваться в философские дебри по этому поводу. Скажу только, что война (настоящая, реальная) сыграла в моей жизни далеко не абстрактную роль. Ведь мы жили в Белоруссии, на Витебщине. Мне было 9 лет, когда фашисты напали на нашу страну и я видел их не в кадрах кинохроник, а в натуре, живьем... Это был страшный период. Помню ужас бомбежек. Помню, как на моих глазах гибли люди — десятки, сотни людей. Многие из наших, деревенских, моих родных и близких, партизанили, а всех родственников партизан немцы расстреляли, в том числе моего родного дядю — 80-летнего старика, схватили и избитого до полусмерти, растерзанного, тащили на штыках по всему селу, а потом добились и сбросили в глубокий карьер...

— *Война, я думаю, ускорила Ваше взросление.*

— Безусловно. В 9 лет пришлось вплотную взяться за плуг, косу, вилы, топор, пилу и прочий крестьянский инструмент. Вот такие у меня были игрушки... Да и как иначе? Отец ушел из жизни рано, мне было всего два года. В войну мы с мамой пахали, сеяли, косили, урожай убирали и прятали от немцев. Что они находили — забирали.

— *С отцом что-то случилось?*

— Мой отец, Стефан Семенович Аникеев — это образец служения долгу. Он был ветеринарным врачом, кавалеристом, профессионалом высокого класса. Служил в 20 километрах от дома. Домой к семье, к детям приезжал только на выходные. Но выходных у него не было. У кого-то случалась беда с лошадью, коровой, овцой... И он никогда не отказывал в помощи. В любое время дня и ночи, в любую погоду готов ехать выручать из беды. Вот из-за этой своей обязательности и погиб. Суббота. Отец попарился в баньке, а тут позвонили из далекой деревни: что-то случилось с племенным жеребцом. Погода была скверная — мороз, вьюга. Неудивительно, что все кончилось сильнейшей простудой и...непоправимой трагедией.

А война... Конечно, под снарядами и бомбами взрослеешь рано. Один голод чего стоил. Весной мы собирали мороженую картошку на поле. От картофелины ничего не оставалось, это была просто оболочка, а внутри какая-то жидкость. Сливаешь эту жидкость и оседает беленький крахмал. Можно есть. Ешь и давишься, потому, что запах... Хлеб пекли из мякины, лебеды, из чего угодно, только не из зерна. Вот такие были деликате сы...

Эти детские воспоминания — они навсегда осели и в памяти, и в психике... Я и мои сверстники познали, что такое волчий голод. Это, когда съешь ведро картошки и не наешься.

— *Ваше «детство без детства», очевидно, сказало и на характере...*

— Страшные катаклизмы или ломают людей, или закаляют, делают способными, выражаясь боксерским термином, хорошо «держат удар». Я — однозначно — не сломался. Об этом можно судить хотя бы вот по такому примеру... После войны очень много волков было. До того обнаглели, что среди бела дня даже детей таскали. Выползет дитя на порог хаты или землянки, подбежит волк, украдет. А самое сложное было оберегать от волчьих набегов овец. Поэтому у каждого пастуха было какое-нибудь огнестрельное оружие (по лесам этого добра валялось немало). И вот пасу я овец. В руках карабин. Патронов много, но ржавые. После каждого выстрела гильзу заклинивало, так что приходилось ее шомполом выбивать. А однажды так случилось, что я забыл из ствола шомпол вытащить. Так и выстрелил в волка. Естественно, казенник разворотило напрочь, как только глаза не выжег порохом... Но главное — я остался без оружия. Это ж надо еще пойти в лес, найти другой карабин. Волчара, естественно, не заставил себя долго ждать... Выбрал самую аппетитную ярочку, схватил за шкуру, пытался забросить себе на спину... Но не получилось и он повел ее рядом с собой. Держит за шею и ведет. На меня внимания не обращает. А я разозлился, нахватал камней, кричу «ату!» и камни в него швыряю. Он обернется, клыки покажет, схватит жертву и опять ведет ее. И чтобы вы думали — я эту овечку все-таки отбил!

— *И не страшно было?*

— В горячке не до страха. А вот потом подумал: а если бы этот волк оставил овцу и набросился на меня, то шансов у меня осталось бы не очень много...

— *Вам тогда сколько было?*

— Уже 13.

— *Вам не кажется, что Вы были на волосок от гибели?*

— Не исключено. Но тогда мне было не до рассуждений. Хотя, возможно, уже к тому времени я был в душе фаталистом. А много лет спустя пришел к этой мысли вполне сознательно: что тебе суждено, то и случится, и никак не другое. Ведь моя жизнь действительно висела на волоске по крайней мере трижды.

— *Можете рассказать об этих случаях?*

— Первый раз это произошло еще в войну. Молодежь от 14 лет и старше немцы увезли в Германию. Потом очередь дошла до стариков и детей. Однажды нас посадили в товарные вагоны, но увезти не смогли — партизаны подорвали железнодорожные пути. Так мы остались. А когда немцам отступать, они жителей нескольких деревень согнали в поле за колючую проволоку. Но им уже было не до нас и мы сбежали в лес, там всю зиму прожили табором на снегу. У нас с мамой была еще лошадь. Корову уже забрали, а лошадь немцам была ни к чему. Лошадь надо кормить. Однажды сосед говорит, что он у одной деревушки видел стожок сена. Надо поехать привезти. Но сосед по каким-то неотложным делам задержался и я поехал один. Нагрузил сено, сел сверху, поехал. А что было потом, не знаю. Андрей Ильич потом рассказывал. Едет от по моим следам и видит: раскуроченные сани, лошадиные кишки висят на ольхе, всюду клочья развеянного сена... а примерно в сотне метров лежу я. Без сознания. По всей вероятности, меня спасло то, что я сидел на самой макушке воза с сеном.

— А что это было?

— По всей видимости — мина. Отделался всего лишь контузией да царапинами от мелких осколков. Через несколько дней был уже в полном порядке.

Второй случай произошел через десяток с лишним лет, когда я по комсомольскому призыву строил жилые дома в Москве. Дело было так. Я работал в бригаде каменщиком, монтажником -такелажником. Но вот уходит на пенсию начальник снабжения нашего управления и меня попросили поработать снабженцем. Мнение начальства было такое: шустрый, справится. И я, конечно, справлялся, хотя и нелегко это давалось. И вот как раз была одна из таких сложных ситуаций. Стройка задерживалась из-за недопоставок балконных плит. Я буквально пропал на заводе ЖБИ, директору прохода не давал: не уйду из кабинета, ночевать здесь буду на раскладушке, пока не выпишешь мне плиты. В конце концов тот сдался. Подгоняю транспорт, автокран, сам стропую, грузу плиты. Однако, общая удача лично для меня обернулась бедой. На меня наехал козловый кран. А поскольку убежать было некуда — балконные плиты и еще какие-то блоки стояли вплотную к подкрановым путям — то меня к одному из этих блоков барабаном и прижало. На этом моя строительная эпопея и закончилась, потому что те роковые секунды превратили меня в инвалида. Был травмирован позвоночник, раздавило левую почку... Консилиум решил: почку удалять — однозначно. При этом большинство врачей высказывались в таком духе: жить будет, а вот ходить — вряд ли. Около трех лет почти безвылазно я провалялся в больнице.

В третий раз я оказался на волосок от смерти буквально три года назад. В Люберцах меня, моего старшего брата и его соседа сбил

автомобиль. Вскоре после этого братец мой ушел из жизни. Сосед брата остался жив, но ему переломало руки, ноги... А меня — отбросило метров на 50 вперед. Но — цел. Правда, несколько месяцев пролежал в постели (сильные растяжения мышц, связок), но в целом, можно сказать, отделался легким испугом.

— Судьба будто играет с Вами. Но случай на стройке показал, что ставки в этой игре слишком серьезны. Скажите, что Вам помогало тогда не просто выжить, но занять свое прежнее законное место в «рабочем строю»?

— В трудных жизненных ситуациях меня всегда выручали две вещи. Во-первых, везение. Во-вторых, собственная неистребимая тяга к жизни. Везение выразилось в том, что, когда по решению консилиума врачей мне решили почку удалять, нашелся один чудак-профессор, который пошел против течения и заявил твердо: я верю в силы этого парня, оставьте ему почку. И он оказался прав — вопреки всем медицинским канонам... Но в то же время тот профессор был не совсем бог и мне в конце концов светила «вечная» инвалидность. То есть всю жизнь я должен был не жить, а прозябать. Но против такого приговора судьбы я решительно восстал.

— И что же Вы сделали?

— Вы знаете, в моем положении мне оставалось надеяться только на чудо. И я нашел это чудо — в виде широко распространявшихся тогда в Москве (естественно, нелегально) лекций по самоизлечению с помощью йоги некоего Евтеева-Вольского.

— Он был медик, экстрасенс?

— Нет, он был музыкант. А в лекциях содержалась история его чудесного исцеления от неизлечимой болезни. Я до сих пор помню некоторые пассажи из его лекций. «Я перенес инфаркт миокарда. Кроме того у меня был ряд болезней. А теперь, благодаря хатха-йоге, могу исполнить арию, станцевать. У меня восстановились воспроизводительные функции!.. Доктор Ю. М. Харин сказал моей жене, что я проживу не более месяца». И вот я, комсомолец и атеист Леонид Аникеев, начинаю заниматься странными вещами. Под одно заклинание вдыхаю, под другое выдыхаю, пью глоточками воду, поглаживаю себя в тех местах, где болит, упрашиваю свою израненную почку работать, принимаю какие-то неестественные позы... И представьте, через некоторое время я почувствовал, что мне становится лучше!

— Вы и сейчас верите, что эта йога так чудодейственна?

— Честно сказать — не знаю. Может быть, мне просто нужно было на что-то опереться, ведь почва буквально уходила из-под ног.

— *Так или иначе, но Вы излечились...*

— Точнее сказать, встал на путь выздоровления. На этом пути почти не оставалось места для докторов. И не то чтобы я относился к ним совсем плохо. Нет, просто, когда мавр сделал свое дело — он должен покинуть сцену. И я выбрал в качестве главного своего лекаря — природу.

— *Природу — как нечто глобальное, мистическое, начало всех начал?*

— Нет, природу в ее самом прямом, натуральном значении. Природа для меня — это прежде всего леса, поля, горы, ветер, солнце, озера, реки...

— *И как же Вы подключили этого доктора — Природу?*

— Очень просто. Вместо очередной госпитализации махнул с приятелем в Красноярский край. Взяли у здешних аборигенов лодку-долбленку и спустились по горным речкам, Тубе, Енисею до Красноярска. Расстояние небольшое — всего сотня другая километров. Кто их считал?

— *Постойте, постойте... Вы хотите сказать, что с тяжелой травмой спины, с раздавленной почкой ринулись покорять речные просторы?! Но ведь даже несведущий человек знает, что любой поход — это тяжкий труд. Я не мог бы представить себя, со своим «маленьким» хандрозиком, в таком походе, да как бы я рюкзак тяжеленный поднимал?*

— Нет, в речном походе всю физическую нагрузку взял на себя мой товарищ. Остальные тяготы походной жизни я переносил легко. А рюкзак был потом — на следующее лето. А чтобы избежать проблем со спиной, рюкзак нужно поднимать так. Главное — груз не должен быть спереди. Ложитесь на рюкзак спиной, набрасываете на плечи лямки, перекатываетесь на живот... А потом классическая поза для того, у кого больной позвоночник — это четвереньки. И уже этот рюкзак тянет сзади противовесом — и нормально, без особой нагрузки, встаете вертикально. Берешь в руки палку в качестве посоха — и вперед. В общем, я приновился. Я очень тяжелые рюкзаки таскал. Берешь с собой и ружье, и палатку, и спальник, и месячный запас еды...

— *Так Вы пошли в тот поход сразу на месяц?*

— Нет, первый речной был тридцать семь суток. А в последствии пешие путешествия были и по месяцу, и дольше. Потом настолько втянулся, что походы, путешествия, восхождения, переходы стали обычной и неотъемлемой частью моей жизни. Мало того, я втянул в это дело и свое

семейство. Причем, я ведь не просто в походы ходил, а выбирал дорожки посложнее. Раз пять ходил через Кавказский хребет. Потом начал осваивать Саяны, с их неповторимой дикой природой.

— *А какой поход-переход запомнился больше всего?*

— Они все были сложными и интересными. Но самый опасный из них был, пожалуй, вот этот... Слышал я, что самые отчаянные туристы вместе с плотогонами участвуют в проводке плотов через Енисейский порог Гремячий. А почему я не могу, что — такой трусливый?! Добираюсь до этого порога. И тут меня ждет разочарование. Оказывается, Гремячий слишком опасен, слишком много было аварий и потому его решили закрыть для проводки плотов. Но у запрета было одно маленькое исключение, оказалось, есть такой катер, с совсем небольшой осадкой, который чуть ли не по суше может плавать... Водомерт называется: сначала заглотнет водички, потом ею стреляет... И вот этот катер-водомерт единственный еще таскает через этот гиблый порог плоты.

Естественно, я к капитану. Ведь у меня натура такая: чем серьезнее преграда, тем больше у меня азарта ее преодолеть. Так и так, возьмите меня с собой. Я, говорю, из Москвы ехал-ехал, через Саяны карабкался, карабкался — и все ради того, чтобы этот ваш Гремячий покорить. Но капитан уперся: не могу, я подписку дал. Как ни уговаривал — бесполезно. И опять мне случай помог (или судьба?). Пошел в поселок. Сижу пригорюнившись... Рядом мужики местные. «Ты чего, паря, такой грустный?» Ну, обсказываю им свою печаль. А они смеются: бери, паря, бутылку — и дуй к Демьяну. Там твой капитан». Рассказали, где тот Демьян живет. Отоварился я в сельпо, прихожу. Хозяева стол накрывают, обедать собрались. Я смиренно так спрашиваю: «Нельзя ли вместе с вами перекусить, а то в вашем поселке я даже столовки не нашел?». И тут же, не давая опомниться, бах на стол водку — одну бутылку, вторую, третью — целую батарею выставил. Они бы и так не отказались. Ведь сибиряки народ гостеприимный. Капитан подвоха, видно, не учуял. «Пожалуйста!» И такой стол соорудили! У них и грузди, и соленая черемша, и мясо, и хариус высокогорный... В общем, к концу застолья мы с капитаном уже были на ты.

...В 3 утра мы уже отплыли. А я ж не один — с женой, с детками. Ну, им полная безопасность, их на катер посадили, одели спасательные жилеты. А я устроился на плоту. Сижу на толстенной, метра полтора в диаметре лиственнице, одной рукой за перекладину держусь, в другой у меня кинокамера «Кварц». Поплыли! Через некоторое время какой-то шум накатывается — ближе, ближе... Потом вижу — идет на нас стена воды, отраженная от порога. Наверно, этажа в 2-3. Правда, через глазок кинокамеры все представляется в уменьшенном виде, поэтому я несколько не испугался. Стена приближается — и обрушивается, я мокрый с головы

до ног. Приближается вторая — обрушивается, потом третья, четвертая, пятая. Но как-то быстро все кончилось и я смотрю, что мы переплыли... Я даже удивился: боже мой, ради чего я ломал копыя? Да никакого тут ни страха, ничего... Но мое удивление закончилось очень быстро. Оказывается, сразу за порогом — огромнейшая пойма. Вода выстреливается на этот простор как из пушки, она не знает, куда ей деться, она и туда и сюда... Начинается болтанка. И вот здесь-то эти плоты начало из стороны в сторону бросать, как белье полоскать. Лиственницу, на которой я сидел, выбило совсем с плота. Дальше, смотрю — три бревна встали вертикально. Плот мой расходится, я еще чудом за что-то держусь. Вот тут-то я понял, где собака зарыта. Сажу на оставшихся от плота бревнышках. До ниточки промокший, на пронизывающем ветру в ущелье. Короче «спасли» меня рыбаки. На моторке догоняют. «Ну, что, мужик, понравилось купанье?». Перебрался я в моторку. Накрыли меня брезентом. Вниз по течению мы мигом «долетели» до Кызыла. Рыбаки сбегали за «горючим». И на один из ближайших островов. Развели костер. Обогрели, обсушили. Семья моя на катере чуть позже подоспела: «чух-чух!» Водомерт — он же тихоходный...

— *Вы говорите, что походы, общение с природой стали неотъемлемой частью Вашей жизни. Где Вы еще побывали?*

— О, я стал таким поклонником природы! Я решил, что любые беды, любые нездоровья может вылечить только она — матушка. После плавания по таежным рекам я остался на несколько месяцев жить в одном из сибирских сел Красноярского края — Каратузском. Ежедневные купанья в проруби небольшой речушки. Регулярные походы на десятки километров на лыжах. Один из них из Каратузского через тайгу в Шушенское.

С Шушенским я был знаком по рассказам Глеба Максимильяновича Кржижановского. О нем несколько слов я скажу попозже.

Приехал он в гости к Ленину в это село. Рядом с домом Ильича река Шушь. Решили Владимир Ильич и Глеб Максимильянович на коньках показаться. Не принято в селе, чтобы мужики на коньки вставали. Поддеревни сбежалось. Когда Глеб Максимильянович пронесся близко к берегу, то услышал, как одна старушка со вздохом «пожалела»: «И что ж ты родимый маешься?»

По возвращении из Сибири в Москву у меня стали регулярными походы по Подмосковию. Было много дальних походов. Мы с семьей ходили пешком от Москвы до Горького, ходили по Белоруссии. Я 5 или 7 раз переваливал через Кавказ, причем один раз — с ребенком в рюкзаке... Влюблен в Рязанскую Мещеру, по которой ходил не раз, познакомился там с детьми дедушки Желтова, того самого, которого описывал в своих повестях Константин Паустовский. О встречах с интересными людьми, которые у

меня происходили во время этих путешествий, о походных впечатлениях можно рассказывать часами.

— *Так это не йога, а природа Вас вылечила?*

— Наверное, все-таки я сам. Вот вы меня спрашивали, зачем тут висит этот плакат. Прочитайте-ка еще раз, что там написано.

— *«И невозможное возможно, если знать, к чему стремишься».*

— Вот вам и ответ.

— *Леонид Степанович, а к чему, собственно, Вы всегда стремились?*

— Иными словами — ради чего жил и живу? Ну, я не могу сказать, что всегда был целеустремленным как ледокол... Много поступков и действий, которые продиктованы простой потребностью выжить, остаться наплаву. Но почему-то несколько раз в этой жизни получалось так, что я оказывался в тех местах, о которых раньше было принято говорить: «передний край».

— *Если можно — чуть подробнее об этом.*

— О войне много говорить не буду. Это как бы само собой подразумевалось, что мы, пацаны, должны таскать к партизанам сведения о расположении немецких частей и вообще устраивать фашистам всякие гадости. А чуть позже, когда в нашем селе был развернут полевой госпиталь, мы ухаживали за ранеными бойцами.

Сразу после войны я поступил в Минский автомеханический техникум. Но очень скоро понял, что надо работать. А учиться можно и вечером.

Ухожу рабочим на автозавод. Получил специальность заточника режущего инструмента. У меня появилось чувство причастности к великим делам: я помогаю восстанавливать разрушенный врагом Минск, вместе с бывшими партизанами я участвую в пуске нового автомобильного гиганта — Минского автозавода. Вместе со всеми я радуюсь послевоенным успехам страны. Наши МАЗы работают на строительстве Волго-Донского судоходного канала, Сталинградской ГЭС, Каховской и Куйбышевской электростанций, Главного туркменского канала... Водители минских самосвалов показывали чудеса трудового героизма на этих стройках. Мы с ними переписывались. Они сообщали, что тудяга-МАЗ 205 берет не 5 положенных тонн, а 7 и более. А мы — автозаводцы, рапортовали им, что уже на выходе мощный 25-ти тонный самосвал. Это был период массового энтузиазма. А сознание плодотворности твоего труда — одно из самых лучших удовольствий.

Мы очень много работали. У нас был только один выходной — воскресенье. Но и этот единственный день мы тратили не для себя. Заводская молодежь трудилась на восстановлении Минска. Мы столько посадили деревьев! Нынешний проспект Скорины, парк Янки Купалы — мы, комсомольцы, высадили на них тысячи деревьев. Я, когда приезжаю в Минск, хожу по этим липовым аллеям, глажу эти листочки... Они мне как родные.

Очередной случай произошел, когда я, уже после службы в армии, учился в Московском автомеханическом институте и одновременно работал конструктором в КБ станкостроения. Был брошен клич среди комсомольцев: все на строительство жилья в столице! И я сменил карандаш конструктора на мастерок каменщика. Мне так интересно было на этой стройке! Наше стройуправление возводило жилье дома на Юго-Западе. И какие же первоклассные дома оставила после себя бригада Роговцева, в которой мне посчастливилось трудиться! Потом, как вы уже знаете, все это кончилось тем, что меня перевели в снабженцы...

А еще через несколько лет я неожиданно-негаданно для себя стал директором строящегося завода. И дернул же черт!.. Получил диплом, перевелся из конструкторского бюро в НИИ и у меня очень хорошо пошла наука. Мои работы печатались в специализированных изданиях. И вот тут это нелепое предложение — переехать из Москвы в крошечный поселок Шацк (это под Минском) и возглавить там строительство механического завода. Прежний директор оказался, мягко говоря, любителем выпить. И компанию подобрал такую же... Финансы, снабжение, дисциплина, да и все вообще было в ужасном состоянии. По сути дела, меня пригласили разгрести авгиевы конюшни.

— Я бы ни за что не согласился.

— И правильно бы сделали.

— А почему согласились Вы?

— Натура такая. Мне покажи красную тряпку... Нов душе, — я об этом никому не говорил, — мне было интересно. Мне говорили: кроме вас никто не справится. И я тоже так думал! В моих рассуждениях в то же время было что-то мальчишеское: если откажусь, отступлю, значит, я что — трусливый? В конце концов я бросаю науку и еду в Шацк.

— Вы говорите об этом с какой-то даже злостью.

— Да, потому что крепко потрепал мне нервы этот завод. Я поехал. Мною двигали чувство долга и личные амбиции. Теперь могу сказать: ни до, ни после мне не приходилось преодолевать подобные препятствия. Это ни с

чем не сравнимо. Это: и недопоставки материалов, оборудования, это и бытовые неурядицы. А еще — самая настоящая война с любителями выпить, которых в большом количестве принял мой предшественник. Целый год я воевал с ними. Кто сам увольнялся, кого я увольнял. Правда, кое-кто по суду восстанавливался на работе — наш советский суд — самый гуманный в мире. Честно скажу — меня побаивались. Один деятель как-то, увидев, что я подхожу к цеху, спрятался... в электрощите!

— *Вы его, конечно, оттуда достали?*

— Боже упаси! На цыпочках, на цыпочках — и ходу оттуда. Что такое электрощит? Там же тысячи вольт! Одно резкое движение — и нет человека. А ты потом отвечай за дурака. В общем, через год с небольшим я там порядок навел. Тут моя натура, всегда добиваться своей цели, сработала. Нет, не деньги меня там держали, а именно это. Я мог в любое время хлопнуть дверью и очень быстро найти работу не только поспокойнее, но и понадежнее. Но это уже бульдожья натура. Если уж я ухватился за эту столешницу зубами, то вы ее вырвете, оставив в моих зубах кусок доски. Добился цели. Но стоило это мне слишком дорого. До сих пор в характере остались следы того директорствования. Нет-нет да и проскочит грубое, а то и жестокое слово по отношению к кому-то из подчиненных. Крепко я себе нервишки потрепал в этом Шацке. И сердчишко у меня в первый раз именно там забарахлило. Но не спасовал.

Ну и совершенно на особом счету в моем послужном списке стоит моя северная эпопея. После Шацка, от которого я страшно устал, мне захотелось спокойной жизни. И такую жизнь я нашел в белорусском поселке Радошковичи, где устроился работать начальником цеха на местном керамическом заводе. Это была спокойная, уютная, размеренная, красивая (я страшно люблю искусство керамики!) жизнь. Какие там мастера! Они глину превращают в золото... Нас посещали многие высокие чины, заказывали, как сейчас говорят, эксклюзив. Мне было там хорошо. Но в то же время... скучно!

И я бросаю эту должность и иду рабочим на буровую. В Речице оканчиваю курсы машиниста цементировочного агрегата и направляюсь на север Тюменци ны. 15 суток в машине, 15 — отдыхаю. Вы спросите меня — почему я так поступил? Я пошел на передовую, я пошел на фронт. Это настолько было на высоте, настолько было гордо выполнять эти обязанности по добыче нефти... Нефтяников на руках носили. Я попал в эту среду. С открытым ртом смотрел на этих героев. И платили им очень хорошо. Они могли позволить себе в Ленинград слетать на выходные, чтобы... пива попить.

— *Но у Вашей героической истории была и другая сторона. Вы опустились ниже по социальной лестнице... Добровольно.*

— Не спорю, все так.

— Но Вы этому были рады!

— Не то слово. Рад страшно! Настолько это был для меня новый, необычный мир... Совсем другие люди, другие отношения. Другая система координат. У меня жена была поначалу страшным противником Сибири. «Что я там не видела? Никогда моей ноги там не будет!» Я ей тогда сказал: «Нина, погоди, скоро ты совсем другое говорить будешь». И вот сейчас спросите ее мнение и она ответит, что нигде ей не было так хорошо, как в Сибири. И что нигде она не встречала таких особенных людей.

— А как Вы стали журналистом?

— Ну, журналистом — это, может быть, слишком громко сказано. Газетчиком. Просто я настолько влюбился в север и северян, что ощутил жгучую необходимость свои эмоции как-то «оформить». И начал пописывать заметки. Благо, что время было. Совершенно неожиданно это «баловство» (или хобби, не знаю, как назвать) кончилось тем, что в нижевартовской газете «Ленинское знамя» моим зарисовкам дали зеленую улицу. И я успевал поработать 15 дней на вахте и за 15 дней давать норму строчек корреспондента. Дальше — больше: мне дали в Нижневартовске однокомнатную квартиру под корпункт. Я немедленно перетащил к себе свою семью. Олег тогда был в армии, Светлана служила в Афганистане, ну, а Инна была еще маленькой и поэтому жила с нами. Втроем в этом корпункте и жили...

А потом мы перебрались в Лангепас. И это понятно. Открывалась новая газета «Звезда Лангепаса», и все громче разворачивались белорусы из строительно-монтажного треста №37. Я сам белорус и всегда с особенным вниманием следил за тем, как идут дела у моих земляков. Наконец перебрался под их «крыло»: устроился на работу в трест в качестве механика (а заодно и «летописца» славных деяний белорусских строителей). В качестве корпункта (по личному распоряжению первого секретаря горкома партии) мне выделили в Лангепасе четырехкомнатную квартиру. Там мы жили уже вчетвером (Света уже отслужила и вернулась из Афганистана). Печатался в местных газетах «Звезда Лангепаса», «Ленинское знамя». А потом так «обнаглел» (видно, почувствовал себя асом), что стал предлагать свои опусы, и не только заметки, но и корреспонденции, зарисовки, очерки, в республиканские издания Белоруссии, добрался и до центральной прессы. И (о, чудо!) мои скромные усилия каждый раз оценивались более чем благосклонно...

— Свою четвертую жизнь Вы, очевидно, посвятили бы журналистике?

— Вполне возможно. Нежданно-негаданно приобрел себе еще одну профессию. Притом такую интересную! Это было страшно увлекательно: однажды я почувствовал, что смогу перейти от царапанья заметок по принципу «что вижу, то пою» к чему-то более серьезно му и профессиональному. А было так. Я долго ломал себе голову, как бы поинтереснее написать о двух братьях — известных в Нижневартовске сварщиках. И вдруг (никто никогда меня этому не учил) у меня в голове возникает что-то вроде плана очерка. Я решил рассказать о героях-сварщиках через... переживания их отца. Сначала он недоволен выбором своих сыновей: ну что они нашли на этом севере, в этих болотах? Но после того, как он посетил Нижневартовск, побывал на месторождении, когда воочию убедился, какие тут великие дела творятся — мнение свое круто переменил... То есть я придумал сюжет! И на стержень его так легко нанизывались всякие детали, каждая из которых вдруг заиграла, заискрилась... После проходных зарисовок и заметок это был, несомненно, шаг вперед, уже какое-то качество пошло.

И еще одна сторона журналистики показалась мне привлекательной. Она дарит столько встреч с интереснейшими людьми! Притом хочу сказать, что эти люди навсегда остались моими друзьями. Сказать, что я дорожу этой дружбой — значит, не сказать ничего. С одним из героев моей книги — Валерием Конуховым, мы не просто дружим, Валера считает меня ну, как бы вторым отцом. Получилось так, что однажды он получил серьезную производственную травму, после чего лишился зрения. Лечился в нескольких клиниках — без особого результата. И когда я узнал об этом — то поставил на уши всех «глазников» Москвы, и своим напором, своей настойчивостью добился, что зрение ему восстановили. Про одну деталь только скажу. Среди офтальмологов в Москве есть светило мирового уровня — профессор Гундарева. Чтобы попасть на ее операционный стол — люди ждут годами. Так вот, я добился, чтобы именно она делала Конухову операцию. И ее золотые руки сотворили чудо: Валера стал видеть. Вот такая у нас дружба и, надеюсь, она продлится до конца моих дней.

А вообще, если «между нами» — я всегда очень привередливо относился к выбору своих героев. Меня интересовала прежде всего не «орденоносность» и «заслуженность», а уровень личности человека. Поэтому я могу гордиться: в моей «галерее» людских словесных портретов все — яркие личности, всем им незазорно подражать, по ним учиться строить свою жизнь. Собственно, я очень многому у этих людей и научился. И в первую очередь — настойчивости, умению справляться с любыми обстоятельствами, не пасовать перед любыми трудностями...

— Леонид Степанович, чуть раньше Вы упомянули мимоходом об одном странном факте: о вашей учебе в институте и — одновременно! — работе в КБ. Это что же выходит: Вы работали инженером-

конструктором, еще не имея диплома о высшем образовании? Как это получилось?

— В общем-то, это все из той же оперы. Вернее, из той же «арии», которую я как мог в своей жизни исполнял.

— *То есть и в этом случае суть опять-таки в Вашей постоянной нацеленности «прыгать выше головы» и «перешибать плетью обу»?*

— Конечно. Когда я ставлю перед собой цель, то, как правило, добиваюсь результата. Может быть, это и звучит самонадеянно, но это — правда. Случалось даже, что мне приходилось больших людей заставлять «плясать под свою дудку». После армии у меня была страсть— хотел учиться. А если говорить точнее, то гораздо раньше. Я еще во время службы сдал экстерном экзамены за 10 классов (наверстал упущенное в военные и первые послевоенные годы). В армии же сдал вступительные экзамены во всесоюзный заочный политехнический институт. Параллельно списался с Московским автомеханическим институтом и попросил о переводе туда. И ректор мне дал добро. В ноябре демобилизовываюсь (это был 1954 год) и прямым ходом в институт. Мне вежливо отвечают: молодой человек, мы не можем принять вас прямо сейчас, учебный год начался довольно давно, приходите через годик, примем с распростертыми объятиями. Но мне не хотелось «через годик», мне нужно было сейчас! И тогда я попадаю на прием... к кому бы вы думали? К министру высшего образования Елютину. Помню, в его приемной было полно народа, все сплошь профессора и прочий важный люд... А я даже на прием не был записан. Поймал министра в коридоре... узнал по портретам... и вместе с ним ракетой пролетел через приемную в его кабинет. Ну, наверное, был достаточно убедительным — и Елютин мне бумагу подписал.

Таким образом, в студенты меня зачислили в декабре. И я за какие-то 2-3 недели, считай, тем же экстерном, готовился к экзаменам и зачетам за первый семестр. Пришлось поднапрячься, но в результате — все получилось.

— *Впечатляет! А как же Вы все-таки, будучи студентом, попали в конструкторское бюро? Кого на этот раз заставили плясать под свою дудку?*

— На этот раз я ни к кому не врывался, а всего-навсего написал письмо... Климу Ворошилову. Он тогда был председателем президиума Верховного Совета СССР.

— *И попросили его определить Вас в конструкторы?*

— Нет, моя просьба была несколько скромнее. Просто написал о том, что после демобилизации не могу найти работу. Что владею приличными рабочими специальностями, приобретенными еще в Минске — расточника, заточника режущего инструмента... Так как я тогда жил у сестры в Мытищах, то в мытищинский горсовет и пришла бумага: трудоустроить. В те годы, надо сказать, почему-то в Москве вообще очень сложно было найти работу. Никита Сергеевич устроил какой-то локаут. По столице ходили толпы безработных. Поэтому я, конечно, был очень рад, когда меня направили на Бабушкинский ДОК при местной воинской части — рабочим на пилораму. Но вскоре эта работа мне страшно наскучила... И я опять включил свои пробивные способности... Результат: Строганов, начальник КБ станкост- 298

роения, приглашает меня в свой кабинет на беседу. Прихожу. И что бы вы думали? Он меня оформляет инженером-конструктором. Я даже немного растерялся (а это со мной случается крайне редко): что я знаю, что умею, куда мне в конструкторы? Ответ был очень поучительным. «Меня не интересует, что ты сегодня знаешь и умеешь, меня интересует — что ты будешь завтра знать и уметь».

Первые мои шаги на новом поприще были, конечно, беспомощными и даже смешными. Для начала мне поручили сделать схему воздухопроводки нового пресса. Был старый пресс, его модернизировали, в принципе, ненамного. Мне надо-то было всего-навсего — взять старые чертежи и внести туда эти небольшие коррективы. Вместо этого я иду в цех, сажусь перед станиной нового пресса и эту схему в уме рисую. Рисую, рисую — ничего не получается... Кончилось тем, что в цех пришел руководитель группы, предлагает пойти в отдел. Говорит, пришли слесари и смеются: твой новенький наверное «того» — третий час в одну точку смотрит.

Это я к чему рассказываю? Не боги горшки обжигают. Через несколько месяцев я стал неплохим конструктором. Вы спросите: как же так без высшего образования? А я вам скажу: есть великое понятие — Практика! В конечном итоге институт не дал мне столько в постижении всех нюансов конструкторской работы, сколько мои старшие коллеги по КБ. Кстати, многие из них, будучи прекрасными профессионалами, не имели высшего образования. Конечно, их заставляли учиться, но я так подозреваю, что не столько ради знаний, сколько ради «корочек». Ну, а наибольшую лепту в том, чтобы я состоялся как конструктор, внес, несомненно, мой непосредственный руководитель, мой наставник Дмитрий Кириллович Романов. Буду всю жизнь благодарен этому человеку. Он был мне как отец родной. Он всегда останется для меня образцом, даже не преданности, а я бы сказал, здорового фанатизма в работе, образцом высокого Мастерства... К тому времени жена его умерла. У дочки своя семья. И он один. Поэтому — весь в работе. Обычно за два часа до начала рабочего дня он уже в

мастерской. Каждый карандашик тщательно заточит, каждый инструмент на свое место определит... Порядок на его рабочем месте был идеальный! И главное — конструктор от бога, идеи в нем просто бурлили. А ведь Кириллович тоже диплома не имел. Самоучка. В институт его уже не стали посылать. Какой смысл — возраст предпенсионный... Но как он меня учил! Доверял проектировать сложнейшие узлы. И очень дипломатично делал разборки моих ошибок.

— *Это не тогда, не рядом с ним Вы приучились вставать с петухами и приходить на работу раньше всех?*

— По-видимому, да. Это же всегда так бывает: перенимаешь у наставника не только профессиональные навыки, но и какие-то привычки, манеры, и даже взгляды на жизнь

— *А у Вас много наставников в жизни?*

— К счастью, да. Вот уж чем я не был обижен и за это просто благодарен судьбе. Мне всегда везло на наставников. И каких! Просто замечательные, изумительные, одаренные люди, цельные личности. Особую благодарность испытываю к Степану Макаровичу Григорьеву. Если Дмитрий Кириллович Романов вдохнул в меня веру в мои творческие возможности, то Степан Макарович стал для меня «маяком», проводником в жизни, старался поддерживать меня не только морально, но и практически, материально.

Когда после интенсивного курса природолечения я вернулся из сибирской тайги в Москву, дела со здоровьем значительно поправились. Я готов был пойти работать. Да и материальное состояние семьи принуждало к этому. Дома двое маленьких детишек. На работу никто не мог меня взять — вторая группа инвалидности без права работать. Степан Макарович, не смотря на запрет, взял меня механиком к себе в Институт горных ископаемых Академии наук СССР. Звучит, конечно, скромно — механик. Но это была творческая работа, вплотную связанная с научными экспериментами. То есть, Степан Макарович приобщил меня к серьезной, «большой» науке, дал толчок в еще одну чрезвычайно интересную сферу человеческой деятельности, я окунулся в нее с головой... Ступив на «научную дорожку», я оказался в специальном конструкторском бюро автоматических линий. Второй виток моей конструкторской деятельности, но уже на качественно новом уровне. Мне поручили должность конструктора-экспериментатора. Я давал жизнь автоматическим линиям, участвовал в разработке и испытаниях их. У меня и дипломная работа была именно по автоматическим линиям.

— *Хочу просто уточнить: так Вы и вторую свою конструкторскую должность заняли, не имея за душой диплома?*

— Не имея за душой диплома, но имея голову на плечах и рекомендации авторитетных профессионалов-конструкторов. Этого было достаточно, чтобы такого недоучку, как я, приняли на конструкторскую работу во второй раз. Вот здесь-то я и защитил институтский диплом. А когда защитил — перешел туда, где мог заниматься «чистой» наукой. Поступил по конкурсу в научно-исследовательский институт старшим научным сотрудником. Время, проведенное в стенах этого учреждения, было достаточно плодотворным.

Кстати, интересная деталь: работая в этом институте, я добился, чтобы все мои труды, разработки публиковались. И это было определенное достижение, потому что обычно научная работа брошюруется, укладывается в папку и прячется на полку. Наверное, хитрый я. Или везучий. Хитрость заключалась в том, что я сам выбрал себе рецензента. И не кого-нибудь, а самого Дикушина! А везение в том, что Дикушину мои труды понравились.

— Простите, а кто такой Дикушин?

— Владимир Иванович Дикушин возглавлял институт металлорежущих станков — ЭНИМС. Кроме того, он был единственным в станкостроении академиком. Ходила легенда, что это звание он получил по личной протекции Иосифа Виссарионовича. А как было? Началась война и станкостроительный завод имени Орджоникидзе наладил выпуск головок снарядов. Их требовалось очень много. И тогда придумали что-то вроде автоматической линии из стоящих в ряд токарных станков. Хотя и выглядела эта линия по сегодняшним меркам примитивно, но ускорение процессу придавала солидное. Доложили Сталину. Он решил посмотреть: что за линия такая? Приехал на завод, посмотрел, понравилось. «Кто автор?» — спрашивает. Говорят: инженер Дикушин. Сталин одобрительно покачал головой и сказал: «Так это ж академик!» И вот этой, мимолетно оброненной фразы, оказалось достаточно, чтобы инженер Дикушин стал Лауреатом Сталинской премии. А спустя годы, сбылось прорицание Сталина — Владимир Иванович стал действительным членом Академии Наук. И вот к этому человеку я, самонадеянный мальчишка, пришел. Не без робости, конечно. Но он оказался таким простым, таким доступным... На мои работы дал отличную рецензию, а для моих научных публикаций была открыта зеленая улица.

Вот с такими выдающимися людьми мне приходилось сталкиваться в жизни. Как я уже упоминал, среди них есть имя одного из ближайших соратников Ленина — Глеба Максимилиановича Кржижановского, академиком Келдыша, Винтера, Несмеянова.

— Как получилось, что Вы познакомились с рядом знаменитостей?

— В основном, через Степана Макаровича Григорьева. Как я уже говорил, мы с ним дружили. А он дружили с Кржижановским, а через него и с другими «небожи телями». Я бывал на даче у Кржижановского, в его квартире на Осипенко. Помню его рассказ о том, как он делал доклад о знаменитом плане ГОЭЛРО. Так же такие детали, о которых ни в одном учебнике не прочитаешь. Как обсточили чуть ли не всю Москву, чтобы эта карта электрификации могла гореть... Как Кржижановский волновался и тогда Ленин ему налил коньячку для храбрости...

— *Кржижановский рассказывал это Вам лично?*

— Нет, он рассказывал своим друзьям, а мне было позволено лишь, благодаря Степану Макаровичу сидеть тихонько в уголке и не подавать голоса. По сравнению с этими светилами я кто был? Желторотый птенец, только что из армии. А они? Творцы истории! И я сидел в уголку, раскрыв рот, и жадно впитывал их речи. Каждый — матерый человечище... Какие судьбы! Какая воля к жизни, целеустремленность, стойкость в преодолении любых трудностей! Да, я много чего полезного для себя почерпнул, наблюдая и слушая этих титанов, каждый оставил в моей жизни свой яркий след.

Запомнились высказывания академика Винтера о строительстве Днепрогэса, которым он руководил. Говорит: ежедневно мне задавали сотни вопросов, на которые нужно отвечать. Записывал, обещал завтра ответить. А завтра новая лавина вопросов. И я решил ответы давать сразу, надеясь на интуицию. Были ошибки, но они несравнимо малы по сравнению с потерями, которые могли быть от задержки строительства. Этот подход к решению проблем я взял на вооружение, когда руководил строительством, пуском завода.

Запомнилась мне фраза, услышанная от Глеба Максимилиановича: «Ищите на стыке наук, свет исходит от сопредельных знаний», справедливость этого изречения я много раз видел, как оно подтверждается на практике. Когда я делал кандидатскую в Институте истории техники и естествознания АН СССР, которым руководил Б.М. Кедров, исторических примеров тому было множество. Вот один из них. Форду тормозили выпуск машин стеклодувы. Новые машины стоят без стекол. Ведь стеклодувы работали по давным-давно сложившейся технологии. Выдували шар, разрезали его, раскатывали, шлифовали. Уходило очень много времени. Форд разозлился, выгнал стеклодувов, пригласил металлургов. Те, не обремененные традициями производства стекла, начали прокатывать его как металл. Дело пошло.

От встреч с Кржижановским запомнилось вот еще что. Ему на своей шкуре пришлось испытать деспотизм Сталина. Однако ни он, ни академики, которых я слушал, не пытались все очернить, как это делают

сейчас. Они подчеркивали его ум, умение решать стратегические задачи, принимать правильные решения. Глеб Максимилианович вспоминал. После смерти Ленина он много болел и отказывался продолжать работу председателя Госплана СССР. Сталин ему сказал: «Глеб Максимилианович, пока Ваша фуражка висит в Госплане, я сплю спокойно». Еще при жизни Кржижановского возглавляемый им институт начал носить его имя. Не все же только имени Сталина. Мне Степан Макарович рассказывал. Один рабочий, участник революции стал директором фабрично-заводского училища (ФЗУ), которое носило его имя. Чтобы не повторять свою фамилию этот директор выступления начинал так: «В школе имени мене...»

Мне и в более поздние годы везло на встречи с известными людьми. Одни из них так и остались мимолетными эпизодами, другие переросли в нечто большее. Короткий диалог с Хрущевым... День, когда я на комсомольской встрече оказался бок о бок с Юрием Гагариным... Моя дружба с учеником знаменитого мануального терапевта Николая Касьяна, доктором Чигриным, знакомство с космонавтом Игорем Петровичем Волком.

— Леонид Степанович, в Вашей жизни было немало поворотов, которые каждый человек, не знающий Вас, назовет странными. Вы тратите массу сил и энергии и становитесь конструктором, но убегаете на стройку. Вам задается научная карьера, но Вы ее оставляете и едете сражаться за Шацкий механический завод. Наконец, справившись с тамошней гидрой и построив завод, Вы, вместо того, чтобы пожинать плоды победы, устремляетесь на Север... Мы уже говорили о каждом из этих случаев в отдельности. Но, может быть, у них у всех есть какая-то одна логика? Нельзя подвести их под какой-то общий знаменатель?

— Все зависит от того, что именно каждый из нас вкладывает в то или иное понятие. Меня никогда не прельщала карьера в общественном смысле этого слова. Никогда не гнался за должностями, престижем. Для меня карьера — это интересная работа. Это — преодоление. Это — схватка с обстоятельствами. Это возможность постигать новые сферы и горизонты. В то же время я всегда стремился оказаться на таком «перекрестке», где мой личный интерес совпадает с интересом общества. Нередко это удавалось — тогда я бывал просто счастлив. Да, представьте, в кабине цементировочного агрегата я чувствовал себя не менее комфортно, чем за кульманом конструктора или в кресле директора предприятия. Может быть, кому-то это покажется чудным, но для меня это один из самых важных принципов: всегда делать только то, что мне нравится. Не обращая внимания на чьи бы то ни было пересуды. Был, например, такой момент в жизни, когда мне казалось: я готов перекавалифицироваться в фотографы. Увлёкся фотоделом во время болезни. Экспериментировал и так, и эдак... Представьте, у меня начинало получаться что-то интересное, живое, надеюсь, с элементами профессионализма...

— *Вы принимаете важные решения, не обращая внимания на чьи бы то ни было пересуды. На «пересуды» собственной семьи тоже?*

— Нет, конечно, нет! Как я могу пренебрегать мнением самых родных и близких мне людей? Скажу больше: семья — это и моя важнейшая точка опоры в жизни, и точка отсчета в момент принятия самых «судьбоносных» решений. Звучит, может быть, несколько высокопарно, но это — правда. Вот вы задавали вопрос о смысле моего существования. Живу ради семьи. Сначала ради детей. Но дети выросли, стали самостоятельными. Теперь ради внуков. А их у меня семеро... Помогу и им подняться, крылышки оправить, определиться в жизни, насколько сил моих хватит.

— *Семь внуков... Это счастье!*

— Это счастье. А два самых маленьких — самые любимые. Потому что самые крохотные и беспомощные... А еще потому, наверное, что от дочки самой младшей и поэтому тоже самой любимой, от Инны. Как я рад, что повезло ей с мужем. Уж очень талантливый, золотые руки. В любых приборах разбирается — в компьютерах, телефонах, ксероксах, факсах, телевизорах... дачу своими руками построил! И нефтяником Сергей был хоть куда. А фамилия какая интересная — Святодух. Поэтому у меня теперь два маленьких святодушонка подрастают — Ленька (в честь деда назвали!) и Сергунька...

— *Леонид Степанович, Вы очень даже заметно «наследили» в этой жизни. Вырастили не одного, а двоих сыновей (не считая трех дочек). Посадили не одно, а сотни деревьев. Построили не один дом, а целый микрорайон на Юго-Западе столицы (не считая того, что обеспечили квартирами всех своих детей). То есть свое мужское предназначение оправдали с лихвой... И это несмотря на многочисленные «подножки», которые то и дело подставляла судьба... Я могу сказать: тому причиной Ваша железная воля, сила характера, неистребимая жажда жизни. Но скажите, как Вы сами для себя формулируете ответ на вопрос: что главное, что не просто помогало вам держаться на поверхности жизни, но и управлять судьбой?*

— Пожалуй, это стоит назвать внутренним стержнем-306 нем. А суть его звучит примерно так: не сдаваться ни при каких обстоятельствах, во что бы то ни стало добиваться поставленной цели.

— *У меня такое впечатление, что поставленной цели Вы добивались всегда и без потерь.*

— Ну, такое, наверное, даже Богу не под силу... Но в целом результативность получилась неплохая. Нет, не все, к сожалению, удавалось. Были потери. Рано из жизни ушла моя первая супруга. Через

всю жизнь пронес горечь утраты старшего брата. Погиб в Финскую войну. Кто погиб в этой войне — о них никто не вспоминает. Государство о них забыло. В 1940 г. пришла «похоронка». Маме назначили пенсию. А вот после окончания Отечественной никаких следов, что был такой человек, нигде не осталось. А ведь он до армии работал на Московском электроламповом, призывался Сталинским РВК г. Москвы. Военные архивы упорно отвечали: «Василий Степанович Аникеев — не числится». Больше полвека мы с братом Михаилом Степановичем все писали в архивы Министерства Обороны СССР. И только спустя 56 лет пришел ответ, что командир отделения отдельного лыжного батальона 24-й стрелковой дивизии В.С. Аникеев, 1918 г.р. убит в бою 10 января 1940 года и похоронен на острове Суури-Саари. Мама прожила после гибели сына еще 40 лет, так и не узнав, где покоится прах сыночка.

Прошло 62 года со дня гибели старшего брата. Ушел из жизни, покалеченный на войне Отечественной, средний брат Михаил. А все не решаюсь начать поиски этого острова Суури-Саари. Горько будет получить ответ, что там и холмика не осталось.

На всю жизнь остался осадок от моей благотворительности. Решил я однажды для детишек из школы-интерната в Радошковичах сделать доброе дело. Построить учебный керамический цех и швейную мастерскую. А еще магазин, чтобы там продавать изделия детей. Очень хороший был директор в этом интернате, по фамилии Сорока. Идея у нас с ним была замечательная: чтобы в нашем учкомбинате ребята и профессию интересную получали, и деньги зарабатывали. Как было бы здорово: к совершеннолетию у каждого на сберкнижке лежала бы какая-нибудь сумма. Было бы с чего начинать самостоятельную жизнь...

Сначала все шло как по маслу. Детский керамический цех заработал. Какие талантливые поделки лепила эта ребятня! С каким увлечением они работали! Но чем-то мы не угодили районному начальству. То санэпидемстанцию на детей натравят, то пожарников... А милиции местной приглянулись помещения магазина для отделения. Придушили наше начинание на самом взлете. Вот такой в жизни прокол. Один из немногих. Я не могу и по сей день успокоиться. И не потраченных денег жаль. Жаль детей-сирот, которым сначала подарили мечту, а потом отобрали...

— Но Вы же не виноваты...

— Ну как не виноват? Не сумел совладать с чиновничьей братией. Чего-то не сделал. Какой-то рычаг не использовал.

— Этим, наверное, и отличается совестливый человек от человека безразличного. И под занавес, традиционный вопрос, который обычно

задается юбилярам: каковы планы на ближайшую перспективу, Леонид Степанович?

— Мне приходилось встречаться с замечательными людьми. И я очень сожалею, что не записал их рассказы о их собственной судьбе, а естественно и о судьбе страны.

Страшно несправедливо, когда сначала годы сглаживают воспоминания, а потом они безвозвратно уходят вместе с очевидцем событий.

Остается память о человеке, запечатленная на пожелтевшем фото, строчкой в газете...

Хочу попытаться эту несправедливость хоть чуточку исправить. Планирую начать выпуск персональной газеты. Мои тюменские друзья уже выпустили один номер такой газеты и назвали ее «Персональная ПРАВДА». Это надо для потомков: что их предок делал, чем дышал, чем увлекался, чего достиг в этой жизни. Поздно я спохватился. Но, как говорят, лучше поздно, чем никогда.

А еще, ближайшая перспектива помочь моим любимым внукам встать на ноги.

Вопросы задавал В. Гранник.

Первая публикация автора

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА

1 марта 1959 года

От выборов к выборам

В ДОМЕ, ПОСТРОЕННОМ НАМИ

В дни избирательной кампании в редакцию пришло письмо от агитатора, каменщика треста Мосстрой №1 Л. С. Аникеева. Он писал о том, что агитаторы этого треста ведут работу среди избирателей дома, который они строили.

В канун прошлых выборов в Моссовет, всего лишь два года назад, в этом квартале еще шла напряженная борьба за скорейшее окончание стройки. Не было тут, разумеется, избирательного участка, а нынешние обитатели дома жили в разных концах Москвы. Сейчас здесь избирательный участок №67 Ленинского района.

Редакция попросила Л. С. Аникеева рассказать подробнее об избирателях, о беседах с ними, о жизни нового дома столицы. Ниже мы помещаем заметки агитатора Л. С. Аникеева.

Сумерки опустились над столицей. Вспыхнули огни университета. Красные — на шпиле, голубые и белые — в газосветных лампах аудиторий, золотистые — в комнатах общежитий. С недостроенных еще корпусов восемнадцатого квартала, как, впрочем, и со всех точек Юго-Западного района, хорошо видна многоцветная россыпь огней гигантской пирамиды МГУ.

Замер в вечернем небе баиенный кран. Мой товарищ каменщик Владимир Крайнов уложил последний в эту смену кирпич. Мастер Станислав Тимофеевич Плеханов закончил установку панели перегородки. Попрощался с друзьями мастер Петр Жариков. Вместе мы покидаем строительную площадку и направляемся к дому №9 по Университетскому проспекту. Нам, как и многим другим активистам, партийная организация треста Мосстрой №1 поручила вести здесь агитационную работу.

— Так это же дом, который мы строили! — тотчас вспомнили моли друзья, когда им было дано это поручение.

Нам знаком каждый закоулок громадного жилого массива, всех его десяти этажей, как только мастеру может быть знакома любовно сделанная его руками вещь. Всем нам, конечно, очень интересно было теперь узнать, какие люди заселили этот дом, довольны ли они работой строителей, счастливо ли им здесь живется.

Мы заглядываем в агитпункт, узнаем новости и расходимся по квартирам. Каждый из нас уже не раз беседовал с избирателями. Я лично познакомился со многими людьми, и каждый что-нибудь прибавил к тому, что я знаю о жизни. Часто оказывалось, что агитировал не столько я, сколько агитировали меня, и, надо сказать, очень успешно.

Первая квартира, в которую я звоню, — №293. Здесь живет семья моего товарища по профессии, каменщика Ивана Сергеевича Щербакоса. Беседы с ним для меня — настоящая школа. Вот уже двадцать лет Иван Сергеевич работает на стройках Москвы. Возводил дома на Загородном шоссе и на Беговой улице, в последние годы — на Юго-Западе.

— Знаете, Леня, — говорит мне Иван Сергеевич, — когда наша бригада впервые пришла на Юго-Запад, казалось, нам тут ничего и не построить. Кругом оороды и пустыри. Грязь такая, что без резиновых сапог не пройти. Было это совсем недавно, а рассказывать приходится, как о

временах, давно прошедших. Удивительно быстро все меняется. Смотрите, как стали дома чеканить!

Действительно, чеканить. Мы с Иваном Сергеевичем беседуем о том, что строительное дело, которое почти не изменялось в течение тысячелетий, теперь каждый год вносит что-нибудь новое, ускоряющее ход работ

Иван Сергеевич говорит со мной чуть покровительственно. Но меня это не обижает. Я пришел на стройку по путевке комсомола с автозавода имени Лихачева менее двух лет тому назад. Мне есть чему поучиться у опытного каменщика Ивана Сергеевича Щербакова!

В разговор вступает жена Ивана Сергеевича, Ольга Егоровна.

— Я надеюсь, — говорит она, — что в дальнейшем квартиры будут планировать более разумно, чем нашу. Конечно, дом, который вы строили, хорош. По сравнению с бараком, в котором мы жили, — это дворец. Здесь и ванная, и душ, и горячая вода, и хорошая кухня. Но в этой комнате около тридцати метров, а нам бы лучше две, скажем, в двенадцать и восемнадцать. Насколько было бы удобней, особенно детишкам!

Что ж, это замечание справедливое. Я и Иван Сергеевич говорим Ольге Егоровне, что сейчас мы уже строим дома, которые спланированы значительно лучше. Эти дома не такие большие, квартиры там обходятся государству дешевле, а жильцам в них удобней...

Следующая квартира — №290. Здесь живет семья Карла Сигизмундовича Тринчера, научного сотрудника Института биофизики Академии наук СССР. Он с увлечением рассказывает мне о своей работе, об опытах по изучению действия радиоактивных веществ на клетки растений и животных. Говорит о мощных электронных микроскопах в лабораториях института.

Во время нашей беседы возвращается с работы Гертруда Сергеевна, жена Карла Сигизмундовича. Она врач детской поликлиники, открытой здесь же, в Юго-Западном районе столицы.

Таких семей, всеми корнями уже связанных с Юго-Западом, в этом доме очень много. Поселившись здесь, люди находят близко от дома интересующую их работу. Это очень удобно, экономит и время, и энергию, и деньги.

Вот, например, семья бригадира электриков Александра Семеновича Рафаэлова. Он работает поблизости — на одной из строек Его дочь Лена — тоже строитель Юго-Запада. Другая дочь, Галя, — лаборант МГУ. Жена

Наталья Федоровна, педагог-историк, заведует учебной частью в школе, выросшей здесь совсем недавно.

В их квартире очень уютно. Почти всю стену занимает большой красивый ковер. Наталья Федоровна говорит

— О, для того, чтобы прибить этот ковер, понадобилось все искусство мужа-строителя. Это оказалось очень сложным делом. Неужели нельзя, наконец, решить эту проблему?

Я рассказываю Наталье Федоровне о том, что сейчас для этого делается. Прощаюсь и иду в другие квартиры.

Захожу к работнице Первого подшипникового завода Ефросинье Константиновне Гришиной. Она еще недавно жила в Кожухове, в бараке, который теперь снесен. Новой своей комнатой она очень довольна.

Тепло встречает меня старый коммунист Николай Ефимович Зимичев. В далеком прошлом слесарь текстильной фабрики в Коврове, он в тяжелые годы гражданской войны был комиссаром полка, бригады, дивизии. Сражался против Колчака, Деникина, белополяков, против банд Семенова в Сибири. Затем в мирные годы много работал в профсоюзах.

Его рассказы о первых годах революции, о битвах за народное счастье можно слушать часами, и время летит незаметно. Но о жизни персонального пенсионера Николая Ефимовича Зимичева не скажешь, что она обращена в прошлое.

Николай Ефимович — заместитель председателя комиссии содействия при домоуправлении.

— Мы думаем, — говорит он, — что каждого нашего соседа можно сделать рачительным хозяином дома. Вы бы посмотрели, с какой радостью работали они, превращая наш двор в сад. Посадили ели и кусты смородины, разбили клумбы с цветами. Это ведь так важно — научить людей добросовестно относиться к общественному добру и на заводе, и на стройке, и дома. Без этого, Леня, нельзя быть гражданином социалистического, а тем более коммунистического общества.

Я выхожу из дома, в котором познакомился с судьбами многих советских семей. Ни одна не страдает от нужды, безработицы, безграмотности, от произвола капиталистов. Перед каждой впереди еще более светлое, счастливое будущее. Это будущее всего нашего народа. В день выборов советские люди проголосуют за мудрую политику партии Ленина, которая ведет нас к коммунизму.

Леонид АНИКЕЕВ,
агитатор,
каменщик треста
Мосстрой №1.

Первые очерки автора

ЗВЕЗДА ЛАНГЕПЕСА

25 апреля 1987 года

ВЫБОР ПО СОВЕСТИ

Коллектив строительного управления №235 треста №7 кандидатом в депутаты в Совет народных депутатов города Лангепаса выдвинул комсомолец каменщика Николая Григорьевича Назаренко.

...Минск. Улица Чкалова. Один из прохожих свернул к строящемуся объекту, стал наблюдать за строителями. Его явно заинтересовала работа молодого каменщика, который среди других выделялся своей солдатской выправкой. Прохожий подошел к нему, представился: начальник участка комплектации треста, который работает в Западной Сибири. Там очень нужны каменщики.

На предложение поехать на дальнюю стройку молодой рабочий ответил:

— Если считаете, что я там нужен, — еду.

Так в сентябре восемьдесят пятого началась сибирская биография Н. Назаренко...

В бригаде Д.Ф. Лавренчука я побывал на следующий день после выдвижения Н. Назаренко кандидатом в депутаты. Побеседовал с членами бригады, заинтересовался, за какие заслуги своим представителем в горсовет они предложили человека, у которого трудовой стаж около трех лет.. На это бригадир ответил:

— Достоинство человека не всегда определяется числом прожитых лет и трудовым стажем. Николай из числа людей, которые не могут жить и работать в полнакала.

— Уж если он взялся за что, обязательно доведет до конца. Во всем на него можно положиться. Надежный! — продолжил комсомолец каменщик Александр Жариков.

— Я из звена Назаренко, — добавил Сергей Машута, — работать с ним легко: не ищет дела попроще — готов взвалить на себя всю тяжесть труда и ответственность. Из него получится хороший депутат.

Вечером я встретился с Николаем.

— Приходите в кафе «Мороженое», — предложил Николай, — как раз с дочкой собирались, там и поговорим.

Николаю 24 года. Родился в Гомельской области, в крестьянской семье. Своим родителям — Марии Яковлевне и Григорию Миновичу — Николай и его двое старших братьев обязаны умением хорошо работать.

После восьмого класса Николай поступил в Минский архитектурно-строительный техникум. Сразу же после его окончания ушел служить в Советскую Армию.

Армейская дисциплина была парню явно по нраву. Служил Николай исправно, но вспоминал работу в студенческом строительном отряде, где он вел кирпичную кладку. Это занятие, требующее твердости руки, точности глаза, сноровки, особенно пришлось ему по душе. Решению после демобилизации пойти работать каменщиком не изменил.

На предложение поехать в Сибирь Назаренко действительно сразу ответил согласием. Наслышан был об этих краях. Единственное тревожило: как оставить, хотя и не надолго, жену с четырехмесячной дочкой. Супруга его Ольга от поездки отговаривать не стала, успокоила, что все будет в порядке.

Прошло уже несколько месяцев, как он приехал в Лангепас, а вопрос с жильем не решался. Выручила смекалка. С двумя товарищами по бригаде Николай восстановил полуразрушенное помещение в Пионерном поселке. Построили новый фундамент, практически заново возвели здание. Так три семьи временно вышли из положения.

Обычная в общем-то для любой стройки работа каменщика для Николая приобрела здесь большой смысл и значимость. Понимание своей роли — строителя нового города — не позволяло ему расслабиться, работать плохо. Руками Назаренко и его друзей по бригаде в Лангепасе построены универсам, магазины — электротоваров «Радуга», «Овощи», «Книги», типография, заканни вается строительство гостиницы... Впереди — работа на втором универсаме города. Все такие нужные объекты. Многие из них возведены с опережением сроков строительства. И это приносит Николаю и его друзьям большое удовлетворение.

О чем бы ни спросил я Николая, он всякий раз сводил разговор к рассказам о своих друзьях. О каждом находил доброе слово, отмечал его хорошие качества. Особым уважением у Назаренко пользуется бригадир. С его приходом исчезли разговоры о выгодной и невыгодной работе, стали вполне «осязаемы-

ми» понятия совесть, рабочая честь, коллективная ответственность. Сейчас бригада — крепкая семья единомышленников. Отсюда и ее успехи: она давно вошла в число передовых коллективов правления и треста.

Вижу, что Николай поглядывает на часы — скоро на смену, задаю последний вопрос:

— Если изберут депутатом, справитесь?

— Буду стараться. Ни одно дело в городе

не обходится без участия депутатов. Их стараниями ускоряется строительство, улучшается торговое, бытовое, транспортное обслуживание... В этих делах нужны не столько особые знания, сколько настойчивость депутата, его высокое стремление делать для людей все необходимое, чтобы трудиться и жить было лучше, поэтому и выдвинул коллектив треста молодого, настойчивого Назаренко.

Леонид АНИКЕЕВ
ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
1 сентября 1983 года

НАДЕЖНЫЕ РУКИ ДРУЗЕЙ

Я не бывал на Кубе. Хотя этой страной интересовался с детства, зачитываясь Хемингуэем. А после того, как проредела Кубинская революция, интерес к острову Свободы еще более возрос.

Багаж моих знаний о Кубе быстро начал пополняться, когда мой друг Анатолий Александрович (для меня он просто Толик) улетел туда консультантом по бурению нефтяных скважин.

Три года мы с Анатолием обменивались письмами. Он мне писал о работе, о кубинцах, о климате, о броской красоте острова Свободы.

И вот он вернулся домой. Рассказы друга об этой чудесной стране можно было слушать бесконечно. Но один случай произвел особое

впечатление. Рассказ его был настолько ярок, что как будто бы я сам был там и все это пережил. Как я это представил, постараюсь описать уже от своего имени.

Итак, позади Гавана, встречи с работниками советского посольства и со специалистами-нефтяниками нашими и кубинскими. Живу в небольшом курортном поселке, в номере комфортабельной гостиницы. Мои помощники — переводчица и лихой кубинец — водитель УАЗика.

С первого дня начались тяжелые рабочие будни. Шесть дней в неделю я веду занятия в школе мастеров. С буровых лавиной текут ко мне вопросы. На многие из них ответ нужно дать незамедлительно. По другим — будут просчитаны все возможные варианты, учтены все «за» и «против». Ошибаться нельзя. Для кубинцев я специалист с большой буквы, полномочный представитель Страны Советов. Я для них учитель. Они прислушиваются к каждому моему слову. Это накладывает на тебя особую ответственность. У себя на Родине можно с кем-то посоветоваться, обсудить, выработать коллективное мнение. Здесь же ты один. В одном лице ты и бурильщик, и технолог, и механик, а если требовали обстоятельства, то и энергетик.

Этот вечер был похож на предыдущие. Настольная лампа с зеленым абажуром создавала уют. В номере стояла ласковая прохлада, как дома на загородной даче. Но это уже работа кондиционеров. А если открыть окно, лицо окутает теплая пелена влажного воздуха. И пальмы под окном шелестят совсем не так, как русские березки.

Было уже совсем поздно, когда зазвонил телефон. В трубке — голос нашего посла. Ситуация такова. Одна из иностранных фирм поставила буровое оборудование. Смонтировать его смонтировали, а запустить не могут ввиду какой-то неисправности. Буровая стоит второй месяц. А представитель фирмы ничего сделать не может. Кубинцы обратились к нам за помощью. В конце беседы посол сказал, что он не обязывает меня ехать — это я должен решить сам. Пожелав мне спокойной ночи, он положил трубку. Какой уж там спокойной! Я уставился на телефонный аппарат как на виновника всех моих тревог. Почему вдруг я! Я ведь не механик. И вдобавок, оборудование этой фирмы я и в глаза не видел. Но предложили ведь мне. И, наверняка, в посольстве кандидатура предварительно обсуждалась. Я представил, в каком положении оказались работники посольства. К ним обратились как к посланцам страны, которая от всей души желает помочь своему младшему брату и сделает все возможное. В нас здесь верят. И как можно убить эту веру. В таких рассуждениях пролетела ночь. Ранним утром я попросил телефонисток соединить меня с советским посольством. Мой ответ послу был краток: «Еду».

Двое с лишним суток продолжалась «операция». Все это время никто из моих помощников отдыхать не уходил. Работа шла слаженно. Мои команды исполнялись быстро и четко, хотя чаще были беззвучны. Я их подавал взглядом, кивком головы, движением руки. Тишину нарушали позвякивания инструментов и стук о помост снимаемых деталей. Кульминацией стал ровный гул проснувшихся буровых насосов. На третьей сутки буровая заработала. Через несколько мгновений на мои плечи навалилась усталость, колени подогнулись... Но меня подхватили дружеские руки.

На работе мои кубинские друзья встречали меня как своего национального героя. Были митинг, речи, поздравления.

И снова работа. Только после этого случая отношение моих кубинских коллег ко мне стало еще теплее, авторитет мой был вне всяких сомнений.

Редко выдавались у меня свободные часы. Использовал я их для знакомства с этой экзотической страной. Кубинцы с большой любовью относятся к своей Родине и старались использовать любой случай, чтобы как можно больше познакомить меня с ее достопримечательностями. Я выходил в море с рыбаками, бывал на уборке сахарного тростника, посещал предприятия, изготавливающие знаменитые кубинские сигары и вина, видел карнавал. Меня познакомили с местами, связанными с историческим прошлым Кубы, с ее революционными событиями. Когда пришло время возвращаться на Родину, кубинцы провожали меня как родного брата.

Закончен мой рассказ о друге. Так я прожил кусочек чужой жизни. Мне хотелось показать, как велика ответственность советского специалиста за границей, как его моральные качества являются мобилизующим началом его духовных и физических сил, ведущих к победе.

Этот случай мне припомнился здесь, на тюменской земле, где главным является, если можно так выразиться, человеческий фактор. Грандиозным свершением здесь мы обязаны людям сильным духом, твердо знающим значимость их труда для страны, для всех нас.

Л. АНИКЕЕВ

Дорогие друзья!

Прошу извинить меня за задержку выпуска в свет этой книги. В издательстве «Польмя» был запланирован ее выпуск. Но пришли лихие времена перестройки и издательству стала нужна коммерческая литература. Мою рукопись отбросили подальше.

По прошествии многих лет я решил за свой счет издать эту книгу. Рассказать о героях труда, которые не жалели сил и здоровья, считаю своим долгом.

Я благодарю главных редакторов «Ленинского Знамени», «Звезды Лангемаса» В. Андросенко, Б. Сырпина, В. Чижова, которые вдохновляли меня на написание моих скромных зарисовок.

Благодарю фотокорреспондентов Белорусского телеграфного агентства, предоставивших свои фото и в первую очередь Н.С. и С.Н. Желудовичей.

Благодарю редакции газет «Советская Белоруссия», «Вечерний Минск», предоставлявших свои полосы для моих публикаций

Благодарю за помощь руководство объединения «Белоруснефть», особо заместителя генерального директора РУП ПО «Белоруснефть» Заверкина Геннадия Васильевича.

Благодарю одного из создателей Белорусского управления буровых работ Гамлета Самсоновича Абрамяна.

Буду рад получить ваши отклики на книгу.

Если даст бог здоровья и сил, то постараюсь выпустить второе издание с учетом ваших замечаний, предложений и дополнений.

Письма присылайте по адресу:

123060 Москва, а/я 43

Аникееву Леониду Степановичу.

Аникеев Леонид Степанович

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОД МЕЧТЫ От автора
НЕ КАЖДОМУ ДАНО ТАК ЩЕДРО
ЖИТЬ
УРА, ПРОБИЛИСЬ РЕБЯТА!
КОЛЛЕКТИВ МУЖАЕТ И РАСТЕТ
МЫСЛЬ И ПОИСК
ХАРАКТЕР ВЕДУЩЕГО
ЭФФЕКТ МАМАЕВА
ЛЕТАТЬ УЧАТ КРЫЛАТЫЕ
И ЗИМУ ДЕВЧАТА ПОБЕДИЛИ
СЕМЕЙНЫЙ КЛИМАТ
ЧЕЛОВЕК МНОГОЕ МОЖЕТ
ЧАРОДЕЙ ЭТОТ СЛЕСАРЬ
КАК ПЕСНЯ
ПРИВЫЧНОЙ МЕРКОЙ НЕ
ИЗМЕРИТЬ
ЗДЕСЬ МОЙ ПРИЧАЛ
МАСТЕРА ХОРОШЕГО
НАСТРОЕНИЯ
ПЕСНИ НАД ТАЙГОЙ
ОСТАВЛЯЯ СЕРДЦА ЧАСТИЦУ
Из архива автора
О ДРУГОЙ ПРОФЕССИИ НЕ
МЕЧТАЛ
НАДЕЖДА

ДАРИТЬ НА ПАМЯТЬ ГОРОДА
РАССВЕТЫ АЛЕКСАНДРА
ГЕРМАНА
ВСЕГДА В СТРОЮ
«ЗУБРЕНОК» РОДИЛСЯ В СИБИРИ
ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДОРОГИ
СМЕЖНИКИ
Из архива автора
ДОРОГИ ДРУЖБЫ
ДЕПУТАТ
ЗАГЛЯНУТЬ ЗА ГОРИЗОНТ
НАКАТАННАЯ КОЛЕЯ — НЕ ДЛЯ
МЕНЯ
БОЙКОВ ЕСТЬ БОЙКОВ
О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ
Из архива автора
МАСТЕР
ПРАВО НА ДОВЕРИЕ
ЦЕХ ЛАТЫШЕВА
ЕСТЬ НОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ
СЕМЬЯ ТРУДОВАЯ
ЗА ЧТО ДАЮТ ОРДЕНА
НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ
СЛЕД В ЖИЗНИ
Необходимые сведения о жизни
автора
Первая публикация автора
В ДОМЕ, ПОСТРОЕННОМ НАМИ
Первые очерки автора
ВЫБОР ПО СОВЕСТИ
НАДЕЖНЫЕ РУКИ ДРУЗЕЙ

БЕЛОРУССКАЯ СИБИРЬ

Очерки

Редактор Е. В. Субботина

Компьютерная вёрстка и дизайн Я. В. Брагина

Корректор Е. В. Субботина

Подписано в печать 26.06.02 г. Бумага офсет. № 1

Формат 84 x 108/32. Гарнитура "Балтика"

Печать офсетная. Усл. печ. л. 24, 36. Тираж 2000 экз. Заказ № 71

Издательство ИПО Профиздат

Отпечатано в типографии "ИПО профсоюзов Профиздат".

109044, Москва, Крутицкий вал, 18.